

БАБЕНКО
ВІТАЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ

ТРИЗНА
ПО ПОЕЗІИ

БАСЕНКО
ВИТАЛИЙ ГАВРИЛОВИЧ

ТРИЗНА ПО ПОЕЗИИ

Иваново

2018

Однажды я тебе сказал, поэты всегда на стороне демонов, хотя порой сами этого не знают, и я заметил, что ты со мной не согласен... Преувеличение – термин Блейка, но неважно, я всегда его повторяю и, видно, не зря. Еще я говорил тебе, что именно поэтому нас чарует Дантов ад и скучен его рай. И что Мильтона вдохновляли грех и кара согрешивших, а рай лишил его творческой силы... Да, бесспорно – демоны Толстого, Достоевского, Стендаля, Томаса Манна, Музиля, Пруста. Все это бесспорно, во всяком случае, для людей этого сорта. И потому они мятежники, но редко бывают революционерами...

Эрнесто Сабато «Аваддон-Губитель»

Рифмоплётство несколько устарело, не так ли? Оно соотносится с юношескими этапами развития человечества. Поэты – это случай полной остановки развития вида. Если бы их, по крайней мере, хоть иногда, осеняли новые идеи! Их демонология столь безнадежно затрёпана!

Норман Дуглас «Южный ветер»

I

Иерихонская музыка

Terra nostra

1 Набожность

Никуда не надо нам нести свой крест,
Бряцать наградами – благовест.

Есть один судия – своя голова,
Да одна лития – дурная молва.

Чахнут чаянья в вечный пост.
Спесь. Отчаянье. Вся страна – погост.

Мы не пыль на ветру – зола.
Нам похмелье поутру – каббала.

И завет наш ветх, и ковчег убог,
И плывем без вех, но с нами Бог.

Дурь – извивами. Блажь – рекой.
С юродивыми упокой.

2 Распределение благ

Кому-то – сурик, кому-то – ярь,
Кому-то – крон и киноварь,
Кому-то – кровь из рваных вен,
А прочим – хрен.

Здесь каждый, в помыслах, – Сократ,
В душе же – чуточку Иуда:
И четвертован, и распят,
Но жив, покуда.

Тирану – трон, рабу – насест:
Кто сеет блажь, кто жнет плевелы.
Бог не спасет. Свинья не съест.
Эпоха в муках околела.

Торчим на перепутье лет,
Грядущему взирая вслед:
Оно ушло – остался тлен,
И в прошлом всё без перемен.

3 Игрища

Уж шулера тасуют имена,
А черт – посредник,
И на кон брошена страна,
Как грош последний.

Трубит Архангел над столицей:
Азарт орлянки,
Провел Господь своей десницей
Шестерку в дамки.

Над картой битой плачет Спас,
Пищаль – на взводе,
Ведь пики – козыри у нас
В любой колоде.

И хлещет кровь из кумача
Червонной мастью,
И слабоумные мычат,
Упившись властью.

эпилог

Русская рулетка – славная игра.
Ею забавляется наша детвора.

4 Икары

Мечта заветная дерзка:
Хотелось взмыть воздушным змеем,
Летать, пронзая облака.
Позволь нам, Боже, мы сумеем.

Мы крылья прилепили воском,
Слепили чувства восковые,
Душ стеарин – под внешним лоском.
Внизу остались мостовые.

И каждый воспаривший ждет,
За грозовые прячась тучи,
Когда же ближний упадет
На землю, в мусорные кучи.

Но падать нам совсем не страшно,
Ведь мы парим невысоко,
И не падение ужасно,
Ужасно то, как пасть легко.

5 Словеса

Тому – стило, другому – кисть,
Сему – погоны:
Всевышний, как не суетись,
Все – эпигоны.

В пиитах догм, в адептах вер
Клокочут страсти –
Всё волокут из вышних сфер
И рвут на части.

Дрожит земля от писарей,
Агонизирующих в трансе, –
Строчат доносы, льют елей,
Всё круто замесив на фарсе.

Кто амфибрахием речёт,
Кто – благим матом:
Их слово головы сечёт
И ухаёт в мозгах набатом.

Борзей малюйте: вкривь, и вкось,
И поперек, и наизнанку,
Чтоб оглушило, взорвалось,
Чтоб лиру уподобить танку.

6 Любовь до гроба

Когда стояли холода
Без продыха и без проталин,
Вождей ваяли мы из льда,
Любовь ковали мы из стали.

Под лай собак, под лязг сердец,
Жить в коме за глухим забором
Приговорил нас бог-отец —
Мы наслаждались приговором.

Лелеял наши сны конвой,
Любовь душила, как гаррота:
Кандальный звон и вдовый вой
Как мы любили! До блевоты!

Потоком вешним смыло льды,
Сбылось все то, о чем мечталось, —
Кипят сиренями сады,
Любовь осталась.

7 Сумма поэзии

Глаголам, вложенным в уста, —
Обол цена.
И если музыка чиста,
То не слышна.

На лицедее нет лица
Под слоем грима.
Жизнь — от начала до конца —
Неповторима.

Поэт рванулся и затих.
Бумага — в клочья.
Остыла боль. Написан стих:
Одни отточия.

Повисли мертвые мгновенья:
Мир груб и тесен.
Спрячь истину во мгле забвенья —
Не надо песен.

Пророки да пребудут немые,
Иным — опала.
Зажглась звезда над Вифлеемом
И — вот — упала.

Так говорил Екклесиаст

1

Круги своя

Бог не явит новизны —
Будет то, что было,
Не исправить кривизны
Под паникадиллом.

Царь тщеславен, столпник глуп:
Праведность не мера.
Гений созерцает пуп:
Религия не вера.

Мудрость сводит нас с ума:
Знания не сила.
Вечность явится сама.
Яма есть могила.

Не нужны уже слова,
Угасает вечер,
Лишь кружится голова,
Да гуляет ветер.

2 Эго

Клюка – слепцу, Христу – харизма:
Мир ирреален,
Луч в радугу ломает призма,
А я буквален.

Спешат герои в пантеон,
Под визг Валькирий:
Им уготован сладкий сон,
А мне – делирий.

С амвона мед течет в мозги
Смиренной твари,
От чада не видать ни зги,
А я – в угаре.

Под солнцем этим нет конца
Кровавой сече,
И крест ждет нового глумца,
А я – предтеча.

Еще секунда прожита –
Тоска бездонна,
Отверста ночь, как пасть кита,
А я – Иона.

3 Томление духа

Клепсидра цедит воды лжи:
За каплей каплю,
Сны превращая в витражи,
А мысли – в паклю.

Нет, истина не ярче бреда
Иль заблужденья,
И ясность мысли не победа,
Не пробужденье.

Фильтрует время тишину
На гулких стогнах,
Пресуществляет мир в войну
И тонет в столах.

Играет время всякой вещью
Под солнцем этим,
И мы шагнем отсюда в вечность
И не заметим.

Разложен в бесконечный ряд
Поток сознания,
А жизнь – лишь суетный обряд
Перед закланьем.

4 Энтропия

Живем, разбрасывая камни,
К чему роптать?
Пески зыбучие да плавни,
А время – тать.

Сомненья – щебень, думы – глыбы,
А страх – цевьё:
Мы счастье сеять не смогли бы –
Кругом жнивьё.

Зачем Адам поверил змию?
Смерть не антракт.
Наш путь отсюда в энтропию –
Широкий тракт.

Манерный Бог застыл в зените,
Блюдя в лорнет.
В огне спасенья не ищите...
Там бродя нет.

Мы станем хаосом стихий –
Чем мы и были.
Истлеем в пригоршню трухи
Нежнее пыли.

5

Нитка, втрое скрученная

Ты не дойдешь, когда один:
Свобода духа – суета,
И не наполнится кувшин,
И ночь останется пуста.

Порвать сплетения теней,
Купаться в шорохах травы,
Блуждать по коридорам дней
И быть живым среди живых.

Пусть миг почти неуловим,
Рисуют дни за кругом круг,
Тепло в объятиях двоим –
Не надо рвать оковы рук.

Пусть душно, как перед грозой,
И кто не ведает, тот мудр,
Напоен воздух бирюзой,
И наши грезы – перламутр.

Летите в пламя мотыльки:
Надежда – робкий взмах крыла,
Не обрывайте лепестки –
Любовь едва лишь зацвела.

6 При дверях

Застыло время на часах,
И мысль троится,
А тот, который в небесах,
Един в трех лицах.

Он завершает триптих свой
Из тусклых буден,
Свивает в сумрачный сувой,
Что было, есть и будет.

Кликуша воет как койот —
Сюжет наивен:
Христа Иуда продает
За тридцать гривен.

Печаль не мелют жернова —
Поэт не мельник.
Надежды жухнут как трава —
Всегда сочельник.

Торчит в дозоре третья стража,
Как вбитый гвоздь.
На думы давит лет поклажа –
Незванный гость.

Глядят незрячие в окно,
Там совесть – узник.
Стекает мыслей толокно
В чужой подгузник.

Собор похож на каланчу,
В молитвах – ужас,
Рождает время саранчу,
Почти не тужась.

Цветет над пропастью миндаль,
А вечность – задник,
И бесконечно скачет вдаль
Четвертый всадник.

7 Вечный дом

В сквозной небесной амальгаме
Смешались серебро и ртуть.
Не быть героем в этой драме,
А в зазеркалье ускользнуть.

За полосой отчужденья
Безумных призраков не счесть.
Мозг осаждают наважденья,
Идеи, гулкие как жечь.

В лощине сонного забвенья
Мы темноты не озарим.
Пустого не разъять на звенья.
Рубеж небытия незрим.

И пляшут отражений сонмы
В холодном зеркале печали,
Им не судьба промолвить Слово,
Произнесенное вначале.

Вездное

1 Пир

По заштату – гоп да смык,
Фраерская фронда,
Кровожадный зык и рык,
Скука демимонда.

Колобродит пьяный кат –
Заспанная ряха, –
Крестит пузо на закат...
То петля, то плаха.

Пьют ярыги по углам,
Квасные патриоты,
Им повсюду – тут и там –
Блазнятся комплоты.

Длинный фриз испитых рож
Апологетов Маркса:
Из имущества – лишь нож
Да пара прокламаций.

Им подай эгалите –
Ангел равен черту:
Потолкуют тет-а-тет –
Подставляй аорту.

Тянет басом дюжий поп –
Зассанная ряса, –
Мата резвый курцгалоп,
Жестов выкрутасы.

В мыслях – нега и застой,
Патриарх – ханыга,
Шестерит один святой,
Да и тот – расстрига.

Мастера заплечных дел –
Ражие дебилы:
Алчут груди мертвых тел
Лихие некрофилы.

Смерть с косою, дама пик, –
Пикантная натура:
В обхождении – шелк и шик,
А, по сути, – дура.

И в слепящем свете люстр,
В неумолчном гаме
Сам напьюсь я и зальюсь
Пьяными слезами.

2 Curriculum vitae

Я – адвентист седьмого дня,
Я, божьей милостью, – безбожник,
Страна погибнет без меня:
Я – академик и сапожник.

Потомственный интеллигент,
К тому же люмпен-пролетарий:
Я – всех разведок резидент,
Я – миротворец и карбонарий.

Я чисто русский испокон:
Дед был еврей, отец – татарин.
Мне Ленин даровал закон,
Мне веру дал товарищ Сталин.

Когда вставал я за штурвал,
Я сразу правил верным курсом –
Я бескорыстно воровал,
Я умножал страны ресурсы.

Я воевал на всех фронтах
Всех войн: горячих и холодных.
Я – черт, я – иеромонах...
Родства не помню – из безродных.

3 Жестокий фарс

Истории не до ремиссий:
В жару горячечных идей,
Она опять кровавой кистью
Выводит профили вождей

Заляпан красным Манифест,
Кумач заштопан и залатан,
Целует Ванька Каин крест,
Не спят истории солдаты.

Их вопли отольются в пули,
Слова отточатся в штыки,
Глотай безумные пилюли,
Сжимай стальные кулаки.

Зовет немытая свобода
Писать воззванья на гробах,
А будущее – бочка меда,
И привкус дегтя на губах.

Сырое мясо – волчья сыть,
Потонут всхлипы в канонаде,
Что может в мире слаще быть,
Чем пуля в лоб на баррикаде.

4 Лепра

В жилах кровь изнемогла:
Прокаженный город.
В сердце – сумерки, и мгла,
И желаний голод.

Дни без окон, без дверей –
Душный лепрозорий.
Меркнет свет от фонарей,
И мутнеют зори.

Все оттенки темноты –
Словно часовые:
Сжались кольца тошноты
Вервием на вые.

Осени немая дрожь:
Ветер спутал гаммы,
И целует стылый дождь
Мертвыми губами.

5

Евангелие от Маркса

Кто хвостат, а кто рогат:
Все ученья – суррогат.

Отрекайся от цепей.
Похмеляйся. Брагу пей.

Ни кола нет, ни двора:
Мир – сортирная дыра.

Полуявь ли, полусон,
Полушепот, полустон.

Нет ни бога, ни отца:
Миру мир, война дворцам.

Не стяжаем капитал:
Был голодным – нищим стал.

Санкюлоты – важный чин:
Нет ни следствий, ни причин.

Ни печалей нет, ни бед:
Сердце ноет от побед.

Жизнь сладка, как сулема:
Нет ни горя, ни ума.

Распахнулись двери в рай –
Хоть ложись да помирай.

6 Аутодафе

Приговор оглашен.
Погодите немного:
Наша жизнь – только сон,
В неизвестность дорога.

Эта грустная повесть –
Хитроумный обман,
Наша чистая совесть –
Эфемерный туман.

Нас носило ненастье
По просторам пустым,
Наше зыбкое счастье
Развеялось в дым.

Нас сводили с ума
То тюрьма,
То сума,
То лихие дела,
То хула,
То хвала.

Кто представлен к награде,
Кто поник головой,
Ну, а кто – Христа ради –
С заплечной сумой.

Положу подорожник
На душевную рану,
Был всегда безнадёжен
И другим уж не стану.

Я, собакой побитой,
Приползу к алтарю
И, с последней молитвой,
Дымной свечкой сгорю.

Нас с пути не свернут
Ни кнут,
Ни хомут,
Ни волхвов ворожба,
Ни тяжба,
Ни божба.

7
Здравица

За ярмо татарское,
За иго пролетарское,

За Фому Аквинского,
За Феликса Дзержинского,

За Римского Папу,
За мохнатую лапу,

За лжи армаду,
За Торквемаду,

За глупость нашу
Поднимем чашу.

Антропоморфизм креста

1 Ессе homo

Дистиллированные слезы
Утри с лица –
Устал ты от смиренной позы
И от венца.

Твои убогие одежды
Продуты в зернь,
Над тоненьким ростком надежды
Глумится чернь.

Не лучше ль сгинуть в суете
Меж двух миров,
Чем быть распятым на кресте
Меж двух воров?

Обитель дольную ты тряс
Войной идей,
Билет на горный тарантас –
За горсть гвоздей.

Но не избавиться в душе
От метастаз,
И на небесном шабаше
Не ждет экстаз.

Ты обретишь себе приют –
Святой притон,
Твои стигматы заживут
На свете том.

2 Крестный путь

От злого окрика: “Иди”
Легли цветы,
И выплеснулось из груди:
“Иди и ты”.

И, продираясь сквозь года,
И в снег, и в дождь,
По долам, весям, городам
Ты все идешь.

Не умереть и не уснуть –
Одни печали,
И бесконечен этот путь,
И безначален.

И не дарован даже миг
Небытия.
Я эту тайну не постиг,
Пойду и я.

И по полям, и по раменьям,
И по росе,
И по векам, и по мгновеньям
Идите все.

3 Евхаристия

Дальше видится с креста
Под бездушным небом,
Пейте, братья, Кровь Христа,
Заедайте хлебом.

Всех подряд целуй, Иуда, –
Страсть твоя невинна:
Ты ведь тоже явишь чудо –
Задрожит осина.

Пьяный Яков неменяем,
И кричит Фома: “Не верю”.
Магдалина, погуляем
В Гефсиманском Сквере.

Нет свободы в Иудее:
Ночь кружится в рабском вальсе,
Отрекайся, Петр, скорее,
А потом покайся.

Лютый рок лишит вас пульса,
И раздавит вас держава.
Жизнь моя не богохульство,
Просто кризис жанра.

На холме бесплодна глина,
Нет там триумфальной арки.
Погуляем, Магдалина,
В Гефсиманском Парке.

4 Моление о чаше

Пусть реквием звучит нон-стоп,
Часы текут – за бездной бездна,
И горечь чаши неизбежна,
А после чаши – хоть потоп.

Тоски мерцает стробоскоп:
Избыть немислимую муку,
А не делить с другими скуку,
Не источать молитв сироп.

Замри цветной калейдоскоп:
Не надо больше ярких красок,
Нет жизни под покровом масок,
Пусть фарисеи вапят гроб.

Под тернии подставить лоб
И форму повторить креста,
И пусть нахлынет чернота,
Пусть реквием звучит нон-стоп.

5

Одиночество распятого Христа

Лысый череп, пуп земли –
Лобное местечко.
Сбились в стаю кобели,
А у суки – течка.

Все твои ученики
Спрятались с испуга:
Издательства, плевки
И проклятий фуга.

Разделил ты доброту
С лживыми блядьми,
И за то прибит к кресту
Ржавыми гвоздями.

Ирод в каменном дворце
Мается с похмелья,
В окровавленном венце
Всеми ты осмеян.

Не стереть плевков с лица,
И смердит геенна,
Дует ветер сквозь сердца –
Скорбь несовременна.

Вероломство – постулат,
Каин неприкаян,
И вершит дела Пилат
Умытыми руками.

6 Символы веры

Повенчали крест и розу,
Агнца развенчали,
Льются умиления слезы
В юдоли печали,

И юродствуют кликуши,
Лезут вон из кожи,
И монахи рядят души
В драные рогожи,

Разум заперли в темницы,
Стерегут умело,
И давно среди пшеницы
Всеяны плевелы,

И ползут из затхлых мест
Хилые химеры,
И ни роза, и ни крест
Не прибавят веры.

7 Сумма богословия

Познание – тернистый путь
От заблужденья к заблуждению,
А по ночам терзают грудь
Ниспосланные откровенья.

Ведет всезнания дорога
В широкие пределы мира,
Но не дано нам выбрать Бога –
Дано лишь сотворить кумира.

Дилемма вечная распутий:
Налево – фарс, направо – драма:
Встают махины мнимых сует –
Иссесть их лезвием Оккама.

Ветхозаветная дремота,
Пророков пламенные речи,
Апостолов штрафная рота
Свились в клубок противоречий.

И христианство – палимпсест,
И источают догмы морфий,
И где антропоморфен крест,
Там человек аморфен.

Видения сквозь туман

1 Мотыльки

Мы пьем пьянящий мед нектара,
Но мы в плену у долгой ночи,
Нам ночь являет злые чары,
И мрак погибель нам пророчит.

Мечтать о сочной гамме спектра,
Порхать и плакать от бессилья,
Внимать дождю и верить ветру,
Хоть ветер нам сломает крылья.

И в мыслях тьма, и в душах тьма,
И нет прозрения в ночи,
Ночь безнадежна, как тюрьма,
Но вдруг – сияние свечи.

Ворваться в света тесный круг
И выпить колдовское зелье,
И воздух нежен и упруг...
Все ближе к смертоносной цели.

2 **Звездопоклонник**

Запах жасмина дурманен, как смирна:
Ночь эфирна.

В эпилептической звезды блещут ауре:
Небо – в трауре.

Дом зодиака – небесный форт:
Живой офорт.

Тонка созвездий татуировка:
Ночь – лессировка.

Накрыта земля астральной тайной:
Хрупкой, хрустальной.

Протяни в ночь ладони. Жди.
Звезд дожди.

Упадет прямо в руки, взрывая синь,
Звезда полынь.

3 София

Как равнодушны зеркала:
Хранят они чужие тайны,
Печаль чужая в них светла.
Я в зеркалах лишь гость случайный.

Чарует призрачность зеркал,
Их ледяная безупречность,
Я в их бескрайности искал
Твой образ, отраженный в вечность.

Губами я прильну к стеклу –
Проснись, утерянное слово,
И дивный звук рассеет мглу,
Спадут зеркальные оковы.

И станет свет, и ты войдешь
В зеркальный замок, храм Хирама,
И будет дрожи вторить дрожь,
Качнется бесконечность в рамах.

И хлынет страсть – напиток пряный:
Вся жизнь – для утоленья жажды,
А зеркала – как дождь стеклянный,
И мы вдвоем – в осколке каждом.

4 Magnum Opus

Бурлит в ретортах менструм росный,
Чадит очаг.
Насыщен маслом купоросным
Огонь в очах.

Дрожащей дланью старец древний
Фильтрует ночь
И накипь суетных мгновений
Смывает прочь.

Как упоителен и сладок
Экстракт весны,
И выпали на дне в осадок
Цветные сны.

Очищена огнем бесовским
Сомнений соль,
И стала Камнем Философским
Чужая боль.

Воплощена в кристалл мечта
Огнем и верой.
В зонах дремлет пустота,
И пахнет серой.

5 Мироздание

Абраксас – бог. Пространство – башня.
Плерома – время.
И ночь – йоническая пашня,
А слово – семья.

Распутна дева Ахамот,
И похоть – лира.
И вскачь несется хоровод
Архонтов мира.

Звучит небесная токката.
Эоны – струны.
И демиург – певец азарта,
Солдат фортуны.

Народы, страны, племена –
Колода карт.
Богатство, золото, казна –
Дешевый фарт.

Тлетворна слава. Гносис – ржа.
Свобода – ложь.
Дрожит на острие ножа
Немая вошь.

Властитель зла, крапи колоду.
Молись, чернец.
Жрецы, толките в ступе воду.
Стеляй, стрелец.

6 Молитва Феникса

Крещенный в огненной купели
Мой присный мир:
Дни без тепла осиротели,
Умолк клави́р.

Померк в ночи небес шатер,
Огонь знамён —
Едва мой теплится костер
В конце времён.

Украл из уст благое слово
Полнощный тать —
В огне пожара мирового
Хочу восстать.

Авесты огненный кадастр
Сотлел вотще —
Верни на землю, Зороастр,
Огонь вещей.

Потух вулкан, и прах остыл
В садах Содома.
Согреет охладевший пыл
Огня хаома.

Взмахну я пламенным крылом,
Восстав из пекла,
И станут думы о былом
Щепотью пепла.

7 Театр теней

Театр теней – театр абсурда:
Скулит волынка, сипит орган,
Туман – как сахарная пудра,
Жизнь – погружение в туман.

Сознание – хрупкая виньетка,
Телесный плен – епитимья.
Танцуй, моя марионетка,
На тонкой нити бытия.

Мне снится, будто все мне снится:
И явь, и грезы, и мечты.
Слеза на смеженных ресницах,
За нею – бездна пустоты.

Заупокойная фиеста:
Вот саван – свадебный наряд,
Вот смерть – жеманная невеста.
Мысль изреченная есть яд.

Тоски гремучая змея,
Венчайся с корнем мандрагоры.
Ползи в забвенье, колея,
По шляху вышивай узоры.

Пудовой похоти кистень,
Любовь – орудие отмщений:
Идем войною – тень на тень, –
Где цели нет, там есть мишени.

Под сенью осени

1

Осенний декаданс

Все стало вычурным романом,
И листья мертвые кружат,
И их уносит ветром пьяным,
Что рыщет в рощах наугад.

Во всем уж чудится усталость,
Но есть еще любовь и нежность,
Закатов призрачная алость
И лета бабьего безбрежность.

Есть безучастность хризантем
И астр опаловая свежесть,
Задумчивость осенних тем
И роковая неизбежность.

Есть кленов огневые митры.
Хоть осенью тусклей желанья,
Но красками манит палитра —
И в этом прелесть увяданья.

Любить. Надеяться. Мечтать.
Как краток миг самообмана.
Барочной осени под стать
Жизнь стала вычурным романом.

2 Ботаника

Золотится грез хризопраз:
Ты – весенний цветок на лугу,
Мне бы видеть васильки твоих глаз,
Целовать лепестки твоих губ.

Но несет по жизни меня,
Как осенний пожухлый листок, –
Я на ветер в полях променял
Тонкий твой стебелек.

Зрелость клонит колос к земле
И роняет зерно в перегной.
Долго буду кружить я во мгле,
Но не встретятся осень с весной.

Взяв в борделе букет напрокат,
Я ищу непорочный исток.
Собирая гербарий утрат,
Я читаю любовь между строк.

3 Спас на Крови

В небе ртуть расплескала луна,
Плещет в сердце истомы волна,
День осенний выпит до дна –
Ты сегодня так пьяна.

Небо звезды роняет в бурьян,
Тает в венах вечерний дурман,
Осень курит тумана кальян –
Я сегодня слишком пьян.

Лик твой хрупок, как из стекла,
Не осталось в той песне тепла,
Сон разбился, а явь истекла –
Наша осень сгорела дотла.

Ты ушедшее счастье лови,
Ты последнюю ласку сорви –
Не достроен наш Спас на Крови
В недосказанной сказке любви.

4 Миг

Где-то кончится, где-то начнется
Любви безудержный ритм,
И чья-то судьба отзовется
Гулом бессмысленных рифм.

Вечер прозрачен и звонок,
Событий навязчив мотив,
Я выбыл и бешеных гонок,
Грустью за все заплатив.

Как блеск мимолетного клада,
Вспышка любви коротка:
Случайно вдруг встретились взгляды,
Руки вдруг коснулась рука.

Сердце наполнилось песней,
Рванулась из плена душа,
И взмыла она в поднебесье,
Нечаянным счастьем дыша.

5

Неотвратимость любви

В огненной страсти
Плавятся свечи:
Горящее счастье –
Жаркое вече.

Желания наши
Сильнее, чем жажда,
Бездонна та чаша –
Пейте, кто страждет.

В море кипящем
Парус – надежда,
Зовущий обрящет –
Любовь неизбежна.

Душа на свободе
Сверкает зарницей,
Годы уходят,
Мгновение длится.

Любовь незатменна:
Оплот и основа –
Правит вселенной
Одно это слово.

Целуй меня чаще,
Люби меня нежно,
Боль преходяща,
Любовь неизбежна.

6 Маленькая война

Рать умчалась в никуда,
Дан отбой.
В поле зреет лебеда,
Кончен бой.

Лишь твоя звенит струна
В тишине –
Ты сражаешься одна
В той войне.

Лижет ветер снег седин,
Как холуй,
Нет любви среди руин –
Не целуй.

Если вспомнишь годы те
Невзначай,
Жизнь – вода в решете,
Не сучай.

7

Кладбище любви

Раззолочены листья берёз,
А, казалось, закат так далёк,
Меркнут блики несбывшихся грёз,
И последний уснул мотылёк.

Дождь роняет плач в тишину,
Небо слезы льет с высоты:
Это ветром задуло луну,
И завяли сны как цветы.

Нежен плач, будто звон хрусталя,
Свет осенний пьют зеркала,
Поседеет скоро земля –
Это наша любовь умерла.

Где-то ангелы тихо поют,
Но срывается голос певца:
Это – память, последний приют,
Это наши хоронят сердца.

Götterdämmerung

1

День джаза

От вселенского восторга
Аж захлебывались трубы.
Распахнулись двери морга.
Мертвые отверзлись губы.

Судный день оглох от джаза –
Ангелов септет небренный.
Прет девятый вал экстаза:
Исрафил – лабух отменный.

На гала-аукционе
Распродажа индульгенций:
Рай и ад – в одном флаконе,
Град затасканных сентенций.

Спины горбятся от ноши
Непомерного акциза.
Каплют слюни у святоши
В час душевного стриптиза.

Мракобес с душой поэта
Звал на вече неимущих,
Обещал Господне лето,
Голых девок в райских куцах.

Источая клубы смрада,
Просит светоч подаяний.
Паства, сбившаяся в стадо,
Ловит кайф от покаяний.

Из блудилищ вышли дамы,
Оды им поет барыга.
Герострат сжигает храмы,
Обалдевший от блицкрига.

Пьяный сон смежает веки,
Кокаин дробит сознание –
Мчат нас огненные реки
За пределы мироздания.

Дураки богам не внемлют –
Немощны и смертны боги.
Яхве ринулся на землю,
Но в грязи увязли дроги.

И шуты на этой тризне
Топят страх на дне стакана...
Заурядный день из жизни –
Блеск и пошлость балагана.

2 Падение башни

Рай потеряян, ад потеряян,
Мы гарцуем, словно тени.

Рефлексирует богема
На развалинах Эдема.

Нам, растерзанным и нищим,
Хорошо на пепелище.

Как прекрасен день вчерашний
На обломках павшей башни.

Как гуманен был Всевышний,
Языки смешав и мысли.

Новый мир неузнаваем –
Мы себя не понимаем.

Мы слова сливаем в струи,
К господу взываем все.

Он поймет нас и рассудит,
Души нам смешав и судьбы.

3 Аваддон

Разлился по стиховне
Свет от нив золотых,
В тихой сельской часовне
Стерлись лики святых.

Тонут избы во сне голубом,
Эхо жалобно стонет за лесом.
Только бесы кругом,
Только бесы.

Чернота опустевших божниц:
Не горят перед ними лампы,
Смотрит смерть пустотою глазниц –
Богом проклятым Бога не надо.

Выплыл в небо месяца струг,
Зодиак заклинания чертит.
Только черти вокруг,
Только черти.

Рдеют кровью на грешной земле
Пустоцветы тщеты и гордыни,
Круглый год самогон на столе,
Пьяный плач, вопиющий в пустыне.

И паденьем кончается взлет,
Устремления ввысь бесполезны.
Ангел бездны зовет,
Ангел бездны.

4 Книга судеб

Каждая строчка –
Участь простая:
Смерть – это точка,
Любовь – запятая.

Мы не устали
Жить без веры:
Ложь – из стали,
Боль – без меры.

Кайся при встрече:
Жизнь – порок.
Каин – предтеча,
Я – пророк.

Сзади идущий,
Впередсмотрящий,
Былой и грядущий
Сыграют в ящик.

5 Кондак

Лукавый бес играет мизер,
С небес архангел мечет бисер,
Колоколов пасхальный звон:
Армагеддон, Армагеддон.

Глас трубный сладок, как нуга,
Попрали свиньи жемчуга,
Святые голоса с икон:
Армагеддон, Армагеддон.

У юродивого – трясучка,
У патриарха – с ведьмой случка,
Влюбленных сладострастный стон:
Армагеддон, Армагеддон.

Невинный агнец – ангел мщенья,
На поле брани – совокупленья,
Над полем хриплый грай ворон:
Армагеддон, Армагеддон.

Луна повесилась на тын,
Скопец в кабаке несет алтын,
Скатилось солнце за кордон:
Армагеддон, Армагеддон.

В бокалах – терпкая мадера,
В мозгах – обрывки постмодерна,
Гнусавит в ухо саксофон:
Армагеддон, Армагеддон.

Слепая кляча, бледный всадник,
Искусство – ересей рассадник,
Козлища блеют в унисон:
Армагеддон, Армагеддон.

Окончен бал – благая весть:
В аду за все награды есть.
Конец времен. Последний шмон.
Армагеддон. Армагеддон.

6 Пучина

Мир зачуханный, мир мой дольный,
Мой горный свет:
Ни в амброзии, ни в алкоголе
Правды нет.

Не спасет нас избитой теории
Вещий хлам,
Мы устали от игр истории –
Что делать нам?

На ржавой барже с пробитым днищем
Каждый – хват.
Плывем без лоции и ищем –
Кто виноват.

Старых догм потускневший глянец,
Ржа оков:
Мчит по свету Летучий Голландец,
Корабль дураков.

Вопль сирен нам ласкает нервы
Слаще лжи,
В тихой гавани рабам галерным
Дадут миражи.

Мы от счастья рыдаем истошно
В чужом краю,
Падшим ангелам будет тошно
В любом раю.

7 Хилиазм

Тираны придурью богаты –
Конец войны, –
И все святые бюрократы
Воскрешены.

Безлунны ночи и беззвездны –
Усилен гнёт,
Вручите змию ключ от бездны,
Там отдохнёт.

Порок потерян в лопухах,
В абстракте линий:
Никто не кается в грехах –
Не надо скиний.

Огни неоновой рекламы,
А не скрижали,
Чтобы рабы забыли драмы
И не дрожали.

Богослуженья, не балет –
Плач вместо смеха,
А тысяча минует лет,
Пойдет потеха.

II

Хроническая эхолалия

Хор грешных

1

Аксиома пространства

Не цветы гелиотроп.
Не гори лучина.
Шар земной – клубок из троп.
Бегство беспричинно.

Мне дорога стелет шелк,
Ткет луна мне саван:
Кто по той стезе пошел,
Кончил тот бесславно.

Выцвели от грез глаза,
В них поблекли дали,
Потускнела бирюза,
Дождь надежды залил.

Лучше б было взаперти –
Дай мне, Бог, отсрочку:
Возвращаются пути
В отправную точку.

2 Weltschmerz

Падшие ангелы, в грешном хоре,
Поют о счастье в долине боли,
О тихой пристани в море горя –
Устали скитальцы от вольной воли.

Плач их вздымается выше и выше,
Полнятся песней церковные своды,
Стенания ангелов Бог не услышит:
Жизнью оплачен проблеск свободы.

Недорого стоит жизнь поэта.
Уносят их в вечность бледные кони.
Спрячь свои чувства в ковчег завета,
Пока не остыла звезда на ладони.

Плачет младенец у края ночи.
Ловят наемники ветер в поле.
Нет райских яблок без червоточин.
Скорбь идеальна в земной юдоли.

3 Пигмалеон

Камни нагие не имеют срама.
Живая плоть закована в мрамор.

На тайну рождения нет ответа.
На пробужденье наложено вето.

Прозрение близко. Мысль туманна.
Вскормит пророка небесная манна.

В мрамор вонзятся разума стрелы –
Камни заплачут в ночь расстрела.

Помыслы сгинут в людской круговерти.
Камню дарована жизнь после смерти.

В замкнутом круге ищите начало.
Слушайте песню, когда отзвучала.

4 Золото в лазури

И распускался белый крин,
И сумерки цвели лилово:
Владел Граалем паладин,
И в Логос превращалось слово.

А время к пропасти летело,
И символов пожар пылал,
И хлеба кус – Христово тело,
А капля крови – алый лал.

Метался ты, срывая маски
И над толпою гордо рея,
И эта бешеная пляска
Уже не танец, а – хоря.

Двуликий страж, двуличный Янус
В безумье распахнул врата –
Спеши на самый верхний ярус,
Там есть свободные места.

Потрескалась любви глазурь,
Ты в чувствах тонешь, как в болоте,
И бьется о небес лазурь
Амур в сусальной позолоте.

5 Ересиарх

Молчать до срока, до поры?
Или витийствовать с горы?

Пусть хлынет огненная плазма
В момент бурлескного оргазма.

Кривляйся, лживое зеркало, —
Кремень бессилен без кресала.

Плох эпатаж без авангарда —
Взорвет глупца его петарда.

Пусть приближает час победы
В кредит распроданное кредо.

Забыться в страсти ловеласа,
Украсть Христа с иконостаса.

Фальшивых нот шизофрения
И красок додекафония:

Смотри, как я живописую, —
На грязи радугу рисую.

6

Проповедь птицам небесным

В чертоги небесные заперты двери,
Какая вам разница, во что я верю?

Не состоится с ангелом встреча,
Когда догорят анемичные свечи.

Способности петь, что дала нам природа, –
Всего лишь инстинкт продолжения рода.

Спеет малиной бунт в бунтарях –
Еще далеко, но уже при дверях.

В сердце, навывлет – шальная звезда,
Мы верим в свободу, упав из гнезда.

Чем отличается грань от границы?
Летите за грань перелетные птицы.

Вернемся туда, где мы были птенцами, –
Нам без полета не стать мудрецами.

Сорвался я в пропасть. Машу я руками.
Я на свободе. Я вместе с вами.

Аксиома времени

Люблю безответно
Вой урагана,
Время дискретно,
Как бой барабана.

Надежды избыты,
Сыграны роли,
Воркуют пииты
Только в неволе.

Душит их страх,
А тех, что дерзали,
Сожгли на кострах
Христианской морали.

Поехали крыши –
Починят их дранью.
Историю пишут
Плетью и сканью.

Время стирает
Те письма.
У ада и рая
Сущность одна.

Сброшено бремя,
Душа на весах,
Кончилось время
В песочных часах.

Ликование Исаии

1 Сколько ночи?

Скажи мне, сторож, сколько ночи?
Мне спать невмочь.
“Клинок зари уже отточен,
Но все же ночь”.

Вражды и алчности кумир
Стоит в дозоре,
И неприютен этот мир,
И непризрен.

Мне щедрый Бог кладет на раны
Свинцовый пластырь,
И сторожит мои изъязвы
Конвойный пастырь.

Скажи мне, сколько ночи, стража?
Темны века.
“Восток зарей уже заряжен,
Но ночь пока”.

2 Сетовные ризы

Небесный клич для менестрелей –
Не тот калибр.
Ссудил Господь мне пару трелей,
И те – верлибр.

Безмолвием мне спину горбит
Беззвучный гимн.
Я третий год под знаком скорби
Хожу нагим.

Для неба ничего не значит
Надрывный стон.
Для Господа все реки плача –
Лишь обертон.

И бесконечен карантин
В убогих хатах.
И вознесется лишь один
Из всех распятых.

3 Возлюбленный виноградник

Нищи шумящие народы
Душой и духом.
На ниве чести – недороды.
В умах – разруха.

Тщета нуждается в защите:
Апломб – оплот.
Вооружайтесь, но трепещите, –
Несладок плод.

Волчцы и терны. Воздух сжат.
Одни напасти.
Анахореты сторожат
Периметр власти.

Вожди, беременные ветром,
Рождают бури.
Сей план начертан Геометром
На нашей шкуре.

4

Ужас, яма и петля

Дуло льнет к виску,
Страх рисует сон,
Ужас рвет тоску:
Мне туман – виссон.

Сеют блуд сыны
По чужим краям,
Их заманят сны
В пасти ловчих ям.

Бунтарям – петля,
Их судьба – топор:
Рвется к Богу тля –
Валит пар из пор.

Вбита блажь в башку,
Как в могилу кол, –
К моему бы языку
Медный колокол.

Было времечко –
Стреляло в темечко,
А теперь, как жлоб,
Стреляет в лоб.

5 Анимализм

Что там за музыка звучит
В земле моей?
То шелест крыльев саранчи
Среди полей.

Из наших клятв, из наших мук,
Из слез дождей
Построил дом себе паук
В сердцах вождей.

Гнездятся в головах химеры,
Нетопыри.
Молитесь в страхе, эфемеры,
На зрак зари,

Чтоб не пришлось на эшафоте
Считать мгновенья,
Чтоб не почить в своей блевоте
В траве забвенья.

Не перепеть всем мудрецам
Ослиных арий.
Мой Вседержитель, шли гонца
В свой бестиарий.

6 Ризы спасения

Его рука еще простерта –
Он убелит грехов багрянец,
Низложит идола и черта,
Отполирует веры глянец,

Очистит в щелочи завета
Налет свинцового недуга,
Оборонит нас от навета:
Наш каждый вздох – Его заслуга.

Он с нами справедлив и строг –
Кропит нас миром из потира,
Воздвиг божественный острог
На постаменте из сапфира.

Мы свято чтим Его капризы,
Но все сакральные хламиды –
Хваленые спасенья ризы –
Нас не спасут от суицида.

Мы склонны к саморазрушению,
Мы множим скорби и печали:
Ему не нужен ангел мщенья –
В бездонность сами мы отчалим.

Прорвемся сквозь пургу и жуть,
На волю вырвемся из схимы.
Соткутся души в Млечный путь –
Лампады звезд неугасимы.

7

Скудельник и брение

Земля вращалась, как кружало,
Была скудель послушней пуха,
Десница гончара дрожала,
Лепя по образу и духу.

В небесном обжигал горниле,
Расписывая дивной явью:
Они еще тепло хранили
На пестром торжище тщеславья.

Горшечник окрылен успехом:
“Они моей подвластны силе”.
Горшки пустые, вторя эхом,
Ему молитвы возносили.

“В основе синтеза – анализ:
Вмещают смысл мои сосуды”.
Но над безумцем лишь смеялись
На шумной ярмарке абсурда.

Он исступленно бил кувшины
И обличал горшки в грехах,
Кляня несовершенство глины,
Их обращал он снова в прах.

Абреакция

1 Берег ближний

Отчизна, подлая отчизна,
Здесь что ни ум – война идей,
Здесь каждый пир – не пир, а тризна:
Держава жрет своих детей.

Уткнулись фаллосами в небо
Обетований обелиски:
Здесь тот блажен, кто верит в небыль,
Кто предает родных и близких.

Влачатся по пустыне дней
Бездомных мыслей караваны,
А вместо манны – град камней,
И псы зализывают раны.

Здесь что ни площадь – то пустырь:
Чудовище обло, стоглаво.
Гуляй, развратный монастырь:
Позор – святым, а падшим – слава.

2 Театральный разъезд

Люблю театр, театр военных действий:
Стратеги страха, тактики злодейства
Твердят опять заученные роли,
И выезжают танки на гастроли.

Мы тоже рвемся в бой, мы – патриоты,
Не нашу кровь прольет за нас пехота,
Мы будем петь победными устами,
Мы наградим их деревянными крестами.

Черкнем их близким пару реплик черствых –
Пусть мертвые заботятся о мертвых.
Герои юные из новых поколений
В окопах корчатся на авансцене.

Мы – на котурнах, в блеске антуража,
Звучит с подмостков пафосная лажа.
Нам не вернуть уже почивших в Бозе,
Кусаем локти мы в апофеозе.

А режиссер за пыльной кулисой
Следит ревниво за кровавым бенефисом.
Не зря же мы в войну играли в детстве –
Люблю театр, театр военных действий.

3 Идиллия

Белая пешка,
Черный квадрат,
Кривая усмешка:
Всем нам – мат.

Чувств короста,
Смерть нежна –
Это просто
Идет война.

Мазила малюет
Смертный бой –
Каждый воюет
Сам с собой.

Пьяные жмурки,
Плач палачей:
Тлеют окурки
Бессонных ночей.

Крысиная стая,
Страх и тлен:
Каждый мечтает
Сдаться в плен.

Жнет кривотолки
Душ ловец,
Сытые волки
Пасут овец.

4 Deja vu

Переворот. Спектакль. Премьера.
Убийца – в роли Робеспьера.
Палач измотан, как скотина, –
Весь день трудилась гильотина.

В толпе кривлялись образины.
Катились головы в корзины.
А над толпой, с косой в руке,
Свобода в красном колпаке.

А за стеной играла скрипка,
Так неуверенно, так хлипко.
Сжимала горло ностальгия.
Витали помыслы благие.

Людовик сгинул в вихре дней.
Дантон застрял меж двух огней.
Вот смертный одр Марата – ванна.
Шарлотта с тесаком жеманна.

Наполеон судьбой заласкан –
Гвоздика заткнута за лацкан.
Выходит с ящиком Пандора:
Уже – начало термидора...

Кропал восторженный Конфуций
Трактат о пользе революций,
Чужие мысли излагая, –
Паскудна участь попугая.

5 Там и тогда

Там сгорает ночь в заре алой,
Там в озера нельзя наглядеться,
Плачет там весна слезой талой,
Там загублено мое детство.

Не избыть там всей любви до рассвета,
Не испить там всю до дна лунность,
Там не сжечь дотла весь зной лета,
Там разрушена моя юность.

Там бушует злых ветров просинь,
Алчут губы пить ночей спелость,
Там считает барыши осень,
Там растрочена моя зрелость.

Льет на прошлое бальзам память,
Мчится время под откос, суесловясь,
Месит там зима снегов замать,
Догорает там моя повесть.

6

Междуцарствие

Вот Божье царство:
Стигийский пруд,
Труп государства –
Издохший спрут.

Сполна Харону
Уплачен мыт –
Вези мадонну
Сквозь мертвый быт.

Нагие нервы
Забудут стыд,
В шантанах стервы
Поют навзрыд.

Шальные деньги –
Бумажный шторм:
Ломают стены
Порыв реформ.

Выходит время
Из берегов,
Проломит темя
Квашня мозгов.

Пока невежды
Тенета ткут,
Хранить надежды –
Тяжелый труд.

7 Revolution Rock

Абстрактный гуманизм зачах
От насморка и геморроя –
Томясь в рентгеновских лучах,
Эпоха ждет антигероя.

Либи́до пышет зноем сечи,
Грозят коротким замыка́ньем, –
Гласят анналы: время лечит
Все хворости крово́пусканьем.

Бросайся в ярое бучило:
Налиты гноем гроздьи гнева, –
Топчи кровавое точило,
Пусть лопнет девственная плева.

В потоках желчи, вихрях злости
Безумие – залог фурора:
Суставы хрустнут, хрустнут кости,
Любовный одр – тиски террора.

Неповторимы ощущения
Под рваным флагом мазохизма –
Эпоха жаждет очищенья,
Но революция не клизма.

Паломничество в бедлам

1

Зигмунд Фрейд

Великий толкователь снов,
Реминисценций и аллюзий
Сорвал наивности покров,
Скорбя о будущем иллюзий.

Инстинкты наши одичали,
Гнетет желанья догм свинец —
В теологическом начале
Нас ждет фаллический конец.

Мы сами пропадем, спасая
Заблудших в сумерках богов.
Тужи, Иов, ликуй, Исаия,
В теснине адовых кругов.

Диктует волю мудрецам
Неукротимый гениталий.
Не убежать святым слепцам
От измышлений в мир реальный.

Верь в непорочное зачатие,
Будь целомудренной полипа,
Иди на дыбу и распятие,
Чтобы казнить в себе Эдипа.

Душа податлива, как тесто,
Для бессознательного ида,
Для всех живущих хватит места
В вертепах смрадного Аида.

Встречает гения Прокруст
Убогим эталонным ложем,
Под разmozженных мыслей хруст
Повержен разум и низложен.

И для раба, и для тирана
Первичен принцип удовольствий –
В невинной фабуле романа
Греховных алчем мы довольствий.

Вписав в историю абзац,
Злой дух умчал на берег дальний.
Плоды религии – эрзац:
Печален плач в исповедальне.

Фатальна схватка со свободой,
Пассивно мирозерцанье:
Сознание отзвенело кодой –
Осталось только снов мерцанье.

2 Франц Кафка

Отточены карандаши,
На блюде – яблоко раздора,
И бесконечен бег души
По бесконечным коридорам.

Прорвется ужаса абсцесс,
И страх изложится в трактат:
Существование – процесс,
Вердикт – конечный результат.

Реальность соткана из снов,
А бодрствование – дань химерам.
Не надо почестей, чинов –
Стань безымянным землемером.

Хочу полотна сновидений
Продолжить за пределы рамок
И, скинув вретище сомнений,
Проникнуть в неприступный замок.

Но замок тот необитаем,
Он – цитадель самообмана.
Свою мы сущность обретаем,
Лишь превратившись в таракана.

3 Иероним Босх

Бренчащие струны,
Размах мелодрамы,
Ущербные луны –
Полночные шрамы.

Перси Исиды –
Колбы и кубы:
Любви флюиды
Сосут инкубы.

Парии рая
Пьют наважденья,
Почти сгорая
От наслажденья.

Буйные краски,
Фантомов лики,
Суккубов ласки,
Вкус земляники.

Затворников душит
И жжет либидо –
Покинули души
Тел хризалиды.

Турнир по бреду:
Зеваки сели –
А я уеду
На карусели.

4

Хорхе Луис Борхес

Сознание – глина. Знания – стека.
Букварь прочитан. Сдан экзамен.
Когда весь мир библиотека,
Чужими видишь жизнь глазами.

Зачатые в грехе, порочно,
Заняв места на галерее,
Мы все участвуем заочно
В безвыигрышной лотерее.

Театр эпох не чище хлева:
Страницы судеб смерть мусолит.
Из затхлого, гнилого чрева
Не выбраться нам без буссоли.

Дробятся ноты эхом в квинты,
Постыло зрелище мистерий,
Поглотят мудрость лабиринты,
Пожрет философов Астерий.

Под переплетами надгробий
Сгустились мысли, как повидло,
В загробной азбучной утробе
Словам бессмертие обрыдло.

Отсечь былого пуповину
И вырваться за все пределы,
Умчаться разумом в долину,
Куда мечта не долетела,

Где канет время в звуках дробных,
Где вечер тих и беспечален,
И там кроить себе подобных
Из ткани снов, в кругу развалин.

Доспехи сбросить и вериги,
Увидеть чудо впереди,
Сжечь за собой мосты и книги
И выжечь алеф на груди.

5 Эдгар Аллан По

Память: сплав огня и льда –
Оксюморон.
Знает слово “никогда”
Мудрый ворон.

По ночам стоит в ушах
Плач банши.
Правит снами дряхлый шах,
Куря гашиш.

Исторгает грез дурман
Снов цветник:
Подсознание – злой шаман,
Сердце – маятник.

Мы в сюжетах жаждем крови,
Как клопы.
У души лежит в основе
Зов толпы.

Губят в завязи мечты
Струи зноя.
Плод душевной чистоты –
Паранойя.

Только капище искусств,
Только воля и ум –
Разъедает разум чувств
Жгучий олеум.

Не пускает душу тень
В двери храма.
В жизни каждый новый день –
Криптограмма.

В сердце пеплом стучит
Апокалипсис,
Мы растаем в ночи,
Не покаявшись.

6 Томас Пинчон

Несется поезд подсознания,
Мелькают станции, перроны:
В зыбучем сне существованья
Мы – проходимцы и шпионы.

Теряет глаз ориентиры
Средь черных дыр и белых пятен:
Здесь все герои – дезертиры,
Шифр откровений непонятен.

Наш путь на картах не отмечен:
Жизнь – траектория стрелы.
Скликают бесы нас на вече,
Ждут ангелы на острие иглы.

Под пестрой шутовской одеждой
Мы прячем суть свою и спесь.
Пей смесь отчаянья с надеждой –
Гремучую, взрывную смесь.

Не поклоняйся тайнам всеу,
Разбей засовы, приплыви –
С тобой вдвоем мы нарисует
Нагую формулу любви.

Нас закружит событий вьюга
В безумном хаосе движенья –
Нас не отпустит друг от друга
Закон земного притяженья.

Любовь – сигнальная ракета,
Слеза, катящаяся в ночь,
Когда угаснет сполох света,
Нам темноту не превозмочь.

Война – поэзия безумных:
Мы их греха не искупили –
Желанья блекнут в бликах лунных,
Стремятся чувства к энтропии.

Ничтожны мы. Наш мир ничтожен.
Мы любим из последних сил.
Перед людьми покайся, Боже,
Что слишком праведно ты жил.

Освободи влюбленных племя,
Их каждый вздох благослови –
Пусть с неба извергает семя
Тугая радуга любви.

7

Августин Блаженный

Я распрощаюсь с миром бранным,
Глотнув любви последний раз,
Послушным стану и смиренным,
Но только, Боже, не сейчас.

Моя печаль острее бритвы,
Слепая вера – крик души,
Услышь, Господь, мои молитвы,
Но только, Боже, не спеши.

Ключ забытья замкнет мне вежды,
Я отворю иную дверь,
Очищу разум от надежды,
Но только, Боже, не теперь.

Презрю я плоть, грехи отрину
И воспарю в Твой вечный дом,
Впорхну я в райскую куртину,
Но только, Господи, потом.

Я, дописав скупую строчку,
Уткнусь лицом в сухую персть,
И за меня поставит точку
Незванный агиограф – Смерть.

Семь перемен, а все редька:

1

Редька триха

Не пиши на обломках ни чьи имена –
Давай лучше жить без обломков.
Пусть мир воцарится на все времена –
Себя пощади и потомков.

Чтоб не болела твоя голова,
Укрой свои мысли нагие –
За красивые наши слова
Расплачиваются другие.

Торной стезею бредет шантрапа:
В душах – темно и пусто,
Пусть зарастает бурьяном тропа –
Не надо гипсовых бюстов.

Яд славы – коварные чары:
Дурман их по свету рассеян,
В угарной тени анчара
Приют обрели фарисеи.

Пой про прелестные глазки:
Стихи – словесная стружка,
Хватит рассказывать сказки –
Выпей, вот твоя кружка.

2 Редька ломтиха

Скомороший бег в мешках:
История нелепа.
Море крови. Гул в кишках.
Пареная репа.

Побироши мерят мир
Рваными лаптями,
Красит редька нищий пир
Горькими ломтями.

Веселится рвань да пьянь:
Похмелье им – жар-птица.
Мне стакан, налитый всклянь, –
Козлиное копытце.

Колдовская трын-трава:
Обо всем забуду,
Чтоб звенела голова –
Гусли-самогуды.

Мы блуждаем без тревог
Сонмами сомнамбул,
На распутье трех дорог
Плачет пьяный ангел.

3 Редька с маслом

Из земли торчит прутина,
На прутине – лелех.
Душу выстудит кручина,
Вспорет землю лемех.

Сладка ягода – весна:
Спелая крушина.
На миру и смерть красна –
Веселая кончина.

Скука, горечь и тоска –
Заветных три словечка.
Гробовая ждет доска
Пропащее сердечко.

Тянет к сердцу бледный лучик
Болотный огонечек:
Наша вера – тонкий прутик,
На прутике – листочек.

4

Редька с квасом

По всем задворкам ойкумены –
Скандалы, вывихи, измены.
Интриги. Драки. Ритм чечетки.
Еретики терзают четки.

У мудрецов – мозги из ваты,
Святые малость бесноваты,
В синодах, в стычках ножевых,
Кромсают мертвые живых.

Ареопаг играет в фанты –
Наивны старцы как инфанты:
Идею берегут от порчи,
У мыслей – колики и корчи.

Опричники стяжают славу,
Бояре квасят на халяву,
Кичатся дурью вахлаки,
Сатрапы дрочат елдаки.

Разят говном золотари,
Звонят мудями звонари,
Лучатся серым кардиналы,
Цветут багрянцем трибуналы.

Зовут на откровенность дыбы
Умы, застывшие как глыбы,
Сидят на тронах лжецари,
Ждут висельников фонари.

5 Редька в кусочках

Всё оплел бездушный молох
Круговой порукой.
Чахлый строй, захирев, издох,
Поперхнувшись скукой.

По ухабам нашей судьбы
Ползет дорога,
Там где виселичные столбы
Торчат одноного.

Мы шагаем бодро и весело,
Молчим инертно:
Тем, кого мимоходом повесили, –
Любовь посмертно.

Вечная битва добра и зла –
Пустая фраза:
Луна на безумные наши дела
Щурится одноглазо.

Чувства наши пытается весна
На излом,
А вокруг бушует война
Зла со злом.

Линялым крепом небеса оторочены:
Что ни шаг – разлука,
И только виселицы с обочины
Зовут одноруко.

6 Редька в брусочках

Я отдам свои штаны
За лары и пенаты,
Чтобы не было войны,
Запишусь в солдаты.

Бляди и большевики –
Лучшие партнеры:
Мне стесняться не с руки,
Двину в сутенеры.

У святых, едрена мать,
Ум зашел за разум:
Буду веру подымать –
Стану богомазом.

Затаюсь на самом дне,
А свободу – на хер:
От свободы тошно мне –
Постригусь в монахи.

Каждый день по всей стране
Редька слаще хрена:
Что-то скучно стало мне –
Перережу вены.

7

Редька целиком

Измощенной истории пленники,
Скисший квас:
Нет, дорогие мои современники,
Это всё о вас.

Мы увязли свиными рылами
В лабуде,
Нам законы писаны вилами
На воде.

Громоздится замыслов лестница
До небес,
А в умах – одна околесица,
Мелкий бес.

Истуканы страшат карами
Из гробов,
Заморожены навьими чарами
Мозги рабов.

А вокруг угодники мечутся
Под звон монет.
Кто сказал, что в моем отечестве
Пророков нет?

Распятие среди роз

1

Заккрытие Америки

Вешние годы.
Час росы.
Алчут свободы
Алые псы.

Кормят лактозой
Снежные груди
Порфирные розы
На изумруде.

Сафирные воды.
Ночь на старте.
Любовные всходы –
Гимн Астарте.

Райские шлюхи –
Верх соблазна.
Множатся слухи –
Ложь куртуазна.

Патокой пылкой –
Реки вздора:
Христос с ухмылкой
Конкистадора.

Сон пилигрима:
Бог – мулета,
Душа без грима,
Без амулета.

Жерло могилы –
Уход из транса.
Иссякла жила
Ренессанса.

Причальная тумба.
Олуненный лик.
Призрак Колумба –
Горестный блик.

Цепей серенада
Зовет угрюмо
В глубины ада
В утробе трюма.

Волны игривы –
Пенный шрот.
Дряблые гривы
Конских широт.

Покой затишья –
Скупая награда.
Верни, Всевышний,
Мое Эльдорадо.

Чувств атаксия.
Немая грусть.
Не плачь, мессия,
Я не вернусь.

2 Sexus

Рабыня похоти и сласти,
Полубогиня,
Развеян морок липкой власти –
Люби отныне.

Мне целомудрие – бельмо,
Ярмо оброка.
Поставь на гения клеймо –
Печать порока.

Ты – стигмы на моих руках,
Моя проказа.
Сверкают слезы на щеках –
Осколки страза.

Пожары губ, бровей сурьма,
Объятий иго:
Нам день – постылая тюрьма,
Нам ночь – индиго.

Наполнен лавой кратер чувств –
Дыши, Везувий.
Я смерч страстей тебе вручу –
Букет безумий.

Круши устоев монолит,
Пой мат площадный.
Любовь тебя испепелит –
Не жди пощады.

И только вопль кошачьих пиршеств –
Фонтаном терций.
Любовь и боль не сложишь в вирши –
Взорвется сердце.

3 Мертвый сезон

Перемирие. Белые флаги.
Эта осень – тоски экзегеза:
Ключья снов на обрывках бумаги –
Медью листьев, золотом Креза.

Пыль танцует мертвое танго,
Шавок хор – почти литургия.
Хнычут ангелы высшего ранга,
В сердце штиль, почти летаргия.

Эхо бредит – по коже мороз,
Стаи звуков – спелые грозди.
Сны распяли любовь среди роз:
Мысли мудрых – вбитые гвозди.

Окунулось пространство в сангину,
Время выдохлось в рифмах эклоги,
Лечит память печаль, как ангину,
Наши дни – похоронные дроги.

На еще неостывшие раны
Ночь прольется усталым дождем.
Воет ветер: то форте, то пьяно.
Млечен путь. Мы еще подождем.

4 Plexus

Швыряет камни в отраженья
Моя баллиста:
Гореть огнем самосожженья –
Судьба артиста.

Хочу я быть protagonистом
Во всех романах,
Витают дух в саду тернистом
И в океанах.

Блуждает призрак истерии
Неясной тенью:
Искусство – снов эзотерия,
Хитросплетенье.

Лист непорочность не хранит,
Как аббатиса,
Строка – не вечности гранит,
А лишь мантисса.

Запретов отмечайте кипы,
Душой звените,
Любви ломайте архетипы
Пока в зените.

Абстрактен хаоса портрет,
Безумен космос:
Познайте эроса секрет –
Взаимный осмос.

Предел любого вожделенья –
Моя абсцисса.
В свои влюбляться отраженья –
Удел Нарцисса.

5 Серая весна

Брел наугад я через годы,
Собой любуюсь.
Вкушал я яблоки свободы,
Награда – люэс.

Свои я выплеснул желанья
На акварели –
Мечты прошли путем познания
И захирели.

Влюбленных приковал к постели
Кузнец инстинкта,
И нет ни красок, ни пастелей –
Лишь меццо-тинто.

Весна грозит примиреньем,
И скорбь густа.
Довольно хвастаться смиреньем,
Сойди с креста.

Я пил нектар рассветных рос –
Смертельна доза.
И нет ответа на вопрос:
Была ли роза?

6 Nexus

Слова длиннее,
А дни короче.
Душа лелеет
Призрак ночи.

Во тьме так нежно
Шумит листва:
Там ночь мятежна,
Там ночь мертва.

Пусть рухнут крепь,
Заплачут музы:
Мне годы – цепи,
Мгновенья – узы.

Мне время – сито,
А быль – молва:
Здесь ночь убита,
Здесь ночь мертва.

Боль воспыхает.
Закат остынет.
Где ключ от рая?
Мне мир – пустыня.

Где жизнь бесцельна,
Там смерть права.
Ночь так смертельна.
Ночь так мертва.

7 Эпитафия

Приходит черная весна –
И близость дальше расстояний,
На жизнь назначена цена –
И встречи горше расставаний.

Мы отцвели в садах зимы
Больными черными цветами,
Пора, нас ждут уже холмы,
Те, что утыканы крестами.

Приносит черная весна
Терновые венцы объятий,
На смерть назначена цена,
И плачут розы у распятий.

Украсил землю свет весны
Больными вычурными снами,
И рвутся нервы тишины,
А те, что живы, – те не с нами.

Вершки каббалы

1 Адам Кадмон

Вхожу в эдемские сады,
Читаю книгу без названья,
Срываю с дерева познания
Такие странные плоды.

Во мне сверкают все миры
Слепящим светом абсолюта,
Ажурным кружевом салюта,
Фальшивым блеском мишуры.

Мой новый век, мой неолит
Так неуютен, так непрочен –
Приди, мой нежный демон ночи,
Побудь со мной, моя Лилит.

То отбирая, то даря,
Парят мгновения крылато,
И только наши дни и даты –
На всех листах календаря.

2 Книга зеркал

Витают зраки в запредельной лиге:
Что в мире горнем, то и в дольной книге.
Сам Бог писал зеркальные страницы –
Там реют ангелы, чтоб с отраженьем слиться.

Роятся образы, слагаясь в бесконечность,
Замкнулась в цикл земная быстротечность:
Вот ночь нахлынет, исцелит, как бром,
День брызнет золотом, застынет серебром.

Реальность мира тает в зеркалах,
Мянутся призраки в зеркальных кандалах,
Умы зияют, ожидая озаренья,
Вмещают зеркала все точки зренья.

Мыслители, охотники за сутью,
Читайте суть, растекшуюся ртутью,
Но помните: вы сами – только эхо
Чужого слова, может, просто смеха.

Я чувствую, в один из этих дней,
Я сам шагну в зеркальный мир теней –
Там отраженья спят и грезят об ином,
И я хочу уснуть таким же сном.

3 Голем

Изведав таинства доктрин,
Забыв каноны и уставы,
Из глины сотворил раввин
Раба для службы и забавы.

И, как божественный геном,
Вложил ему в уста заклатья,
Чтоб проросла душа зерном
В момент духовного зачатья.

Пытливый разум – жалкий остров
Среди суетной кутерьмы:
Сознание порождает монстров –
Не так ли созданы и мы?

Живая мысль уже не глина,
Творец не властен над твореньем –
Стерильно сердце исполина,
Глаза его горят презреньем.

Мятежный дух лишен морали,
Свобода – шаткий пьедестал:
Мы Бога в ярости попрали –
Колосс теурга растоптал.

А сам барахтался в падучей,
Бессильной злобою сквозя,
Изник урод вонючей кучей –
Не ждет ли та же нас стезя?

4 Сойди, Моисей

Нам, закормленным манной,
Казалось всегда –
До земли обетованной
Рукой подать.

Мы уповали на святость скиний,
На жезл жреца,
Плясали мы канкан в пустыне,
Отлив тельца.

Лежат разбитые скрижали –
Светла дорога,
Цветут плевелы без морали,
Без декалога.

В пересечении осей
Царит чума.
Сойди с Синая, Моисей,
Сойди с ума.

Сменяет золотой восход
Закат сусальный.
Назначен каждому исход –
Исход летальный.

5 Парафрения

Я – ветвь на древе сефирот,
Я – сумма вышних эманаций,
А, может, все наоборот:
Свобода – плод галлюцинаций.

Над нами крыша небосвода,
Дороги мира – палиндром,
Мы все – во власти кукловода,
А нити сплетены в синдром.

Мозги дозрели, словно дыня,
Мечтанья праздно невесомы,
Еще влачит меня гордыня,
А божьи вожжи – хромосомы.

Дырявит волю червь сомненья,
Сознание мерцает тускло:
В спектакле светопреставленья
Я – лишь юродивая кукла.

И тот, кто дергает за нить,
И тот, кто корчится на нити,
Хотят вселенную пленить,
Но, к счастью, не хватает прыти.

6 Тетраграмматон

Глашатай замер у порога,
Ни что не ждет метаморфозы,
И тайна воплощенья Бога
Не сокровенней тайны розы.

О том не ведает левит,
Что вечность не длиннее мига,
Все вещи мира – алфавит,
Все книги – Книга.

Мы громоздим свои химеры
Среди вселенской пустоты
И множим домыслы без меры,
Лишая смыслы простоты.

Ты не ищи свою дорогу
Среди бесчисленных дорог:
Единственной моделью Бога
Во все века пребудет Бог.

7 Эсхатология

Всякая мысль остается нетленной.
Любая книга – модель вселенной.

Головы кружит вихрь амбиций.
Теряется смысл среди дефиниций.

Нет облегченья от философий.
Любое движенье ведет к катастрофе.

Прекрасен ландшафт за каймой обрыва.
Сознание жаждет душевного взрыва.

Разум устал от бессмысленных штудий.
Бог в нас стреляет из всех орудий.

Зачем же менять слова местами.
Мы все равно мудрее не станем.

Мы годы теряли, мгновения крали,
А время бежало от нас по спирали.

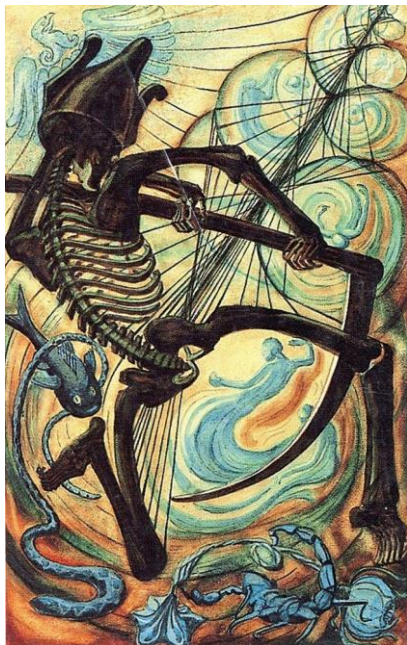
Когда на холсты оно выплеснет краски,
Нам не избегнуть фатальной развязки.

Мы – арьергард боевого отряда,
Где-то в конце регрессивного ряда.

Наше пространство сжимается в точку.
Каждый из нас умрет в одиночку.

III

Стадия нигредо

Сошествие в Аид

1

Пейзаж за окном

Тусклый пейзаж в пыльной рамке оконца:
Встает на рассвете багровое солнце,
Ветер прохожих шугает пинками.
Не здесь ли томится в узилище Каин?

Закатное солнце сочной и багровей –
Вызрело в кляксу запекшейся крови,
Ребенок рыдает надсадно и дико.
Не здесь ли Орфей потерял Эвридику?

Даже на радугах копать и сажать,
Прожитый день – мимолетная кража,
По кромке закона крадутся изгой.
Не здесь ли вершатся видения Гойи?

Чавкает вечная грязь под ногами,
Приблудные шавки шныряют кругами,
Эстетики труп расчлениают педанты.
Не здесь ли блуждал перепуганный Данте?

Звезды в хмельном перегаре зависли,
Сумрачный город ревнив и завистлив.
Испитый анфас, демонический профиль –
Не этот ли пьяный старик Мефистофель?

2

Божественная трагедия

Преодолев свой путь земной
Примерно на две трети,
Я был уловлен сатаной
В сомнений пагубные сети.

Бродил я прежде, как чумной,
Хоть были ангелы любезны,
Вдруг откровенен стал со мной
Чумазный зверь из зыбкой бездны.

Он рассказал, что божий суд
Вершится только для проформы,
Загробный мир от бед спасут
Лишь радикальные реформы.

Бог слал потопы и метели,
Потом запутался в интригах,
А херувимы богатели
Приписками в приходных книгах.

Илья метал перуны грозно,
Безволен стал и рыхл, как пемза,
Теперь кудахчет лакримозно,
Хлопочет об отмене ценза.

Застрял он на распутье дней
Среди тоски и запустенья,
А в лабиринтах преисподней
Проблема перенаселенья.

Былой энтузиазм задушен,
С ног сбились бесы от аврала –
Не сладко выморочным душам
Скитаться в холоде астрала.

В аду козлиц – как сельди в бочке,
Рай – на засове, Бог – в прострации,
Чтоб сдвинуть дело с мертвой точки,
Пора вводить реинкарнации.

3 Трикирий

Порхали ангелы в ночи,
Алмазной россыпью дорога,
Вдали горели три свечи,
Являя мне три сути Бога.

Я гарцевал, ловя удачи,
Пил из студеного ключа,
Напропалую жил, без сдачи.
Сгорела первая свеча.

Струилась музыка рекой –
Я плыл по ней, ища причала,
Туда где счастье и покой,
Душа томилаась и скучала.

Но все мосты разведены,
Остыли чувства до предела –
Так долго не было весны.
Свеча вторая догорела.

Меня тащило по теченью –
Уже итог предельно ясен,
Влачился Бог, невнятной тенью,
В какой-то странной ипостаси.

Посеребрила ложь каноны,
В лампаде не осталось масла,
Вокруг завалы и препоны,
Свеча последняя угасла.

4 Метаморфозы

То дыханье, что было словами
В твоих устах,
Осело инеем за островами
На могильных крестах.

Та мечта, что цвела отголоском
В твоих очах,
Горько плачет оплавленным воском
На поминальных свечах.

Переливы любви колдовской
В ночной тиши
Разлились леденящей тоской
В казематах души.

Нежность ту, что росой омывала
Нагие сердца,
Ночь закутала в покрывало
Тяжелее свинца.

5

По дороге в элизиум

Крадусь, отыскивая брод
В огнище Пирифлегетона,
Протуберанцев хоровод
В угарном мареве затона.

Гнетет свинцовый горизонт,
Вцепилась боль и не отпустит,
Течет унылый Ахеронт:
Слеза к слезе, потоки грусти.

Обол потертый берегу,
Рыдает листьями ракита –
Предвечен плач на берегу,
Над мертвенной шугой Кокита.

Срывает старец жалкий куш,
А Кербер держит оборону,
Бунтуют толпы нищих душ –
Им нечем заплатить Харону.

“Вези на дивные поля,
Живут там души безмятежно,
Их нимфы, будто бы шаля,
Ласкают трепетно и нежно”.

Харон кривит в усмешке рот –
Блестит урановая фикса –
И в раздражении плюет
Он в клятвенные воды Стикса:

“Пустых фантазий не лелей,
Здесь не живут, здесь обитают,
Здесь елисейских нет полей”.
Теней шарахаются стаи.

Вокруг безбрежная трясина –
Болото мрака и хандры,
Ветрил обмякла парусина,
На скуку боги так щедры.

Сыграй, Тифон, на флажолете,
Даруй минуту утешенья,
Я утоплю печали в Лете:
Горька вода – сладко забвенье.

Смерть, пожирающая вечность, –
Змея, глотающая хвост.
Бесследно гинут в бесконечность
Надежды, ссуженные в рост.

6 Мушиный король

Я – принц в изгнании, в бегах,
Служа хтоническому царству,
На асфodelевых лугах
Пасу я призрачную паству.

Клубятся души роем мух
И квохчут жалко, словно куры.
К стенаниям теней я глух,
Тошнит меня от синекуры.

Здесь все герои всех эпох:
На ликах их – недоуменье.
В конце пути дарует Бог
Не вечность – только безвременье.

Загробный дух набил оскому,
Залеплен разум липким илом –
Все в мире было по-другому,
Когда я был Сатанаилом.

Заря возмездия близка:
За то, что отлучен от Бога,
Отсюда двину я войска –
Народы Гога и Магога.

7

Кладезь бездны

Я воскрешен! Восстал из праха!
С крутой горы
Я был низринут в недра страха,
В тартарары.

Всевышний разыграл гамбит –
Я сброшен в топь.
Пусть пятый ангел вострубит,
Отверзнет копь.

Обитель прошлого земли:
Иди, смотри.
Мои надежды отцвели –
Темно внутри.

Мятежный дух родил лишь слово –
Вот парадокс,
Гноище – праздник для Иова:
Он – ортодокс.

Где верный мой клевет Иуда?
Князь мира, рцы.
Ты знаменит калибром уда,
Веди в дворцы.

На небесах сплошной амфир,
Тоска и крах.
Устрой мне с аггелами пир,
Разбойник Рах.

Урок аскезы преподам,
Пророки, ниц.
Повеса первый, муж Адам,
Зови блудниц.

Творил я, сдуру, чудеса
Да вышел весь,
К чертям собачьим небеса,
Останусь здесь.

Искушение дьявола

1 Эволюция

Был мир сияющим вначале:
И ярок день, и жизнь светла,
И мы еще не различали
Добра и зла.

Я строил замки на песке,
Ты райские цветы рвала,
Плескалось время вдалеке,
Любовь звала.

Мы с суетой играли в прятки,
Костры желаний жгли дотла,
Летели годы без оглядки,
Сгущалась мгла.

Воздушные истлели замки,
Взорвались мыльные шары,
Надгробный камень ждет огранки
В конце игры.

Волной нахлынули печали:
И сер закат, и смерть тускла,
И мы уже не отличали
Добра от зла.

2 Экзорцизм

Рифмоплетам дано тщеславие –
Я сам такой.
Надоело пить за здоровье,
Выпьем за упокой.

Смерть в святой войне
Не фунт лапши.
Наливай вдвойне
На помин души.

Пей микстуру славы,
Пей отчизны дым.
Был тиран кровавым,
Стал святым.

Мчится время вскачь,
Глушит хохотом.
Ты сначала поплачь,
Запоешь потом.

От избытка счастья
Мы ушли в запой –
На руинах власти
Проспись и пой.

Пой кантаты бурь,
Песни ярости,
Блажь посея и дурь,
Мудрецов взрасти.

Мудрецам своя сопля
Соленей.
Вышли бесы из кремля,
Вошли в свиней.

3 Последняя ночь Содома

Уютная зыбка
Гуманного ада –
Блаженна улыбка
Маркиза де Сада.

Аллеи пустые,
Все кошки серы:
Привыкнут святые
К зловонию серы.

Греха изумруд
Лаская губами,
Девы замрут
Соляными столбами.

Как упоительна
Нежность болота –
Слишком сомнительна
Праведность Лота.

На марше пехота –
Войско разврата,
Кому быть охота
Сторожем брата?

Нравы латая,
Рыдает эпоха –
Авель читает
Заветы Мазоха.

Суров приговор
Для распутного мяса –
Щелкнет затвор
Комендантского часа.

Задерните полог,
Сбегая из дома, –
Путь наш недолог
В ночи Содома.

4

Единство противоположностей

Неба осколки,
В теле – истома.
Золотом звонким –
Уста Хризостома.

Отсутствие мненья –
Чем не святыня?
Избыток смиренья –
Та же гордыня.

Был Бог жесток
И кончил плохо.
Нежен росток
Чертополоха.

Хватит ироний.
Сдох Всевышний.
Его захоронит
Могильщик Ницше.

Вышвырни тело
Своре собак,
Адохлое дело –
В мусорный бак.

Сбросив сутану
В век антимоний,
Плакать не стану:
Я – посторонний.

Травят баланду –
Сплошь виражи.
Вычисли правду,
Сравнив две лжи.

Будь вам пусто!
Истина – клякса
От Златоуста
До Карла Маркса.

5 Место в истории

Устои бредом пошатнуть
Или растаять карамелью,
Чтобы в анналы бранный путь
Вписать, хотя бы нонпарелью?

Скрипит история пером,
Марают времени пергамент,
И негде покатить шаром:
Густой замес, лихой орнамент.

Прут мимо полчища солдат –
Косые взгляды исподлобья,
Их жизни – прочерк между дат
На облупившихся надгробьях.

Спешат заполнить фолианты
Отцы сомнительных затей,
Лжецы, растленные таланты
И негодяи всех мастей.

Приюта ищут в теплом стане
Те, что прославились в постели,
Крещенные в кровавой бане
Да горстка тех, что их воспели.

Мчит череда сановных дур,
Крутая лярва Мессалина
Да потаскуха Помпадур,
А прочие – людская глина.

Рок выдернул из пестрых страт
Маньяков, преданных идее,
Выходит, прав был Герострат,
А он – не худший из злодеев.

Старуха Клио фамильярна
С тем, кто проклятьем осенен.
Где остальные миллиарды?
Никто не вспомнит их имен.

6 Житие Святого Антония

До струпьев плоть истерла власяница,
А жизнь вокруг струила феромоны,
Мне язвы целовала дьяволица,
Цикады пряли песнь неугомонно.

Своими снами искушал я сатану,
Я рылся, день и ночь, в душевном хламе,
Я думал, лживых бесов обману,
Гниющей плотью заплатив за ласки ламий.

Сулили демоны мне лакомую снедь,
Блудницы стаями кружили вместе с ними,
Чтоб духам неповадно было впредь,
Я запер боль и разум в вечной схиме.

Саднят ступни босые от заноз,
В моих патлатых космах – вши и гниды,
Способна вызвать лишь галлюциноз
Диета скудная – поганки да акриды.

В застенках спит надежда-недотрога,
Свою тоску я свил в тугую плоть:
Нас занесло так далеко от Бога,
Что даже ангелам сюда не долететь.

7
666

Все прегрешенья и сомненья –
По водам хлеб.
Живущий каждый, от рожденья,
И глух, и слеп.

Гранит сердец не огранен,
Цветет крамола –
Распахнуты, в конце времен,
Врата шеола.

Звучит небесная осанна –
Рыданье сфер,
Где духи огненного сана?
Где Люцифер?

Порочных ангелов парад
Ширяет в небе,
Антихрист несказанно рад
Кровавой требе.

Теолог хнычет за столом,
Уже не веря, –
Ему не выразить числом
Природу зверя.

Довольно иноки страдали
В силках завета:
Другая сторона медали –
Лик Бафомета.

У Вельзевула приступ жажды –
Будь начеку.
Эпоха тщится кануть дважды
В одну реку.

Твои надежды на прощенье –
Хлеб по водам,
Облатки – Богу, мне – отмщенье,
И аз воздам.

Книга мертвых

1 Куль

Мы прячем трупы, не робея,
В гробницы, склепы, саркофаги.
Священны наши скарабеи,
Плевать на то, что копрофаги.

В потустороннее безделье –
Без промедленья, без раздумий,
А здесь – изжога и похмелье,
В наследство от иссохших мумий.

Властитель дум – шакал цепной,
Знак плодородья – пенис бычий.
Мы – за барьером, за стеной:
Терпеть и ждать – таков обычай.

Забальзамирывать умы,
Заспиртовать мечты в канобах –
Так будем счастливы и мы,
Сознание изломав в синкопах.

Мир замер на краю могилы,
Душа вонзится в неба твердь,
И то, что жизнь не сохранила,
Пусть сохранит на веки смерть.

2 Новый завет

Пашня бед твоих
Скорбью орана,
Твой печальный стих –
Песня ворона.

Безотчетный страх,
Жуть осенняя:
Не дождется прах
Воскресения.

Тьма кромешных дыр
Болью меряна,
Твой беззубый пыр –
Гонор мерина.

Веры горклый чад:
Мир – обочина.
Там, где сердце, – ад.
Где же вотчина?

Книга слез твоих
Ложью сеяна,
Плач тягучий стих,
Ночь весной пьяна.

3 Призрак

Смерть – то ли пропасть, то ли арка:
Поют о забытии свирели,
Те, что горели слишком ярко,
Все слишком быстро догорели.

Творит весна любовь живую,
Я – отблеск призрачной свечи,
И значит, я не существую:
Не греют мир мои лучи.

Лелеет вечность мысль шальную,
Я с одиночеством – на ты,
Ни чьей я глади не взволную,
Лепя печаль из пустоты.

Ты грустный взор роняешь в бездну,
Где я лишь абрис без лица,
Глаза закроешь – я исчезну:
Отсутствие не жжет сердца.

4 Четвертый всадник

У Иеговы шутки плоски,
Закат расстрижен на полосы.

Печаль лесá позолотила,
Бушует осень, как Аттила.

Надежды вытоптали гунны,
Пустые головы чугунны.

Уже расставлены акценты,
Талант заложен под проценты.

Любовь – багряное светило –
Пророков блудом освятила.

Сполна испей греха вино,
Замкни последнее звено.

Я – бледный рыцарь, конь мой бледен,
И нежной флейты плач победен.

Я мчу, потворствуя мечтам,
И ад за мною, попятам.

5

Отрицание отрицания

Армады слов. Мечей бряцанье.
Дуэли. Дозы сулемы.
Так, в вечном вихре отрицанья,
Друг друга отрицаем мы.

Паденья, взлеты, униженья:
Себя печальями не мучай,
В великом замысле круженья,
Твои мученья – частный случай.

Ты только что нашел ответ,
А истина – уже другая.
Дай безразличия обет,
Соблазны мира отвергая.

Легко сознание расколоть,
Лишить свой разум мысли нищей,
А мертвая, немая плоть
Едва червям послужит пищей.

Творец, устав от созерцанья,
Не глядя, подмахнет указ:
В жестоком вихре отрицанья,
Грядущее отринет нас.

6 Психостасия

Тягучий сумрак. Свет менор.
Распада сладость, горечь хины.
Звучит мелодия: минор.
Здесь тахионы – как цехины.

Ты плоти истрепал камзол
По шумным городам и весям –
Пора исчислить сумму зол,
Дела твои и душу взвесим.

На веру ты не тратил сил,
Жил безмятежней эмбриона,
Ты жертвы щедро приносил
Богам чужого пантеона.

Смешны стенанья в некрологе
И оголтелый суд толпы,
Молчат хтонические боги,
Безумны мудрости столпы.

Душе Анубис кажет фигу –
Шерсть дыбом на загробном псе.
Мы вечности читаем книгу.
Мы эту книгу пишем все.

7 Танатомания

Схоронил идеалы Плиния
Реалист Бальзак.
Вектор смерти – прямая линия,
Жизнь – зигзаг.

Кровью шита эпох прелюдия
Внахлест и встык,
У истории – лишь два орудия:
Глагол и штык.

Хитрый змей в чешуе блистающей:
Время – бард.
Учреди в голове ристалище,
В душе – ломбард.

Юнг сложил архетипов кубики
В своем гробу.
Смерть – заглавие новой рубрики,
Жизнь – табу.

Мириадами судеб плачено
За идефикс.
Расфуфырился молью траченный,
Ветхий сфинкс.

Человечество выйдет в сумерки
На трех ногах,
Доказали ученые жмурики:
Бог – в бегах.

Для Руссо первична материя
В шалаше.
Для Христа только смерть – мистерия,
Жизнь – клише.

The Stuff the Music Is Made of

1 Субстанция музыки

Пространство пустотой зияет,
Но рвется со струны творца
Та нота, что соединяет
Все одинокие сердца.

Ваятель снов, туманов зодчий
Из музыки возводит храмы,
Рисуют грезы берег отчий,
А звуки оставляют шрамы.

Диезы – дни, бемоли – ночи,
Весь мир – мелодий филигрань,
Пусть дни становятся короче,
Ты только душу не порань.

Пожары расцветают в жилах,
Прочна невидимая нить,
И вот уже ни что не в силах
Меня с тобой разъединить.

2

Из чего соткана музыка?

Мы еще допоем,
Песня крови жива.
Снежных волн окоем –
Кружева, кружева.

Зову верить трудней,
Чем придумать слова.
Льется музыка дней:
Кружева, кружева.

Вторит Бог в унисон,
Раскрутив жернова.
Явь, вплетенная в сон, –
Кружева, кружева.

Мой медовый наркоз:
Звук прядет синева.
Будто крылья стрекоз –
Кружева, кружева.

Время – млечный поток,
В нем мы – лишь острова.
Распустился цветок –
Кружева, кружева.

3 Другая музыка

Я ухожу в печаль аллея,
Тоска – адажио балета.
День тает пухом с тополей
В золе заката, в тигле лета.

Невинный отрок подглядел,
Как небо в ночь луну рожало,
Проломлен времени предел,
Любовь вонзает в сердце жало.

Был необуздан чувств буран,
Где юность музыкой цвела;
Свет вытек из небесных ран,
Померкли храмов купола.

Я ухожу в печаль аллея,
Читаю звезды как афишу,
Уснувших звуков не жалею:
Другую музыку я слышу.

4

Музыка чувств

Звуки нот не ясны
И измята постель:
Так нам видятся сны,
Так бушует метель.

Льдистых струн пережат –
Как малиновый звон,
Горек счастья цукат,
Значит это не сон.

Эта небыль и быль –
Ветра вычурный грай,
Эта снежная пыль –
Кокаиновый рай.

Злому року зимы
Дай себя растерзать:
Только полночь и мы,
И пора замерзать.

В самой нежной из нег
Есть постыдная сласть,
И все падает снег
И не может упасть.

5 Химия души

Смешайте фурфурол с фуксином,
Добавьте пригоршню известки,
Внимайте вербам и осинам,
Развесьте звезд седые блески.

Клокачут дни в котле эпохи,
Не терпит время постоянства –
Сложите тишину и вздохи
В немую музыку пространства.

В соборах снов шаги глухие –
Нет ни молебнов, ни радений:
На волю вырвались стихии
Из эктоплазмы сновидений.

Пока в молекулярном мире
Царит покой изнеможенья,
Сознание распахните шире –
Доверьтесь легкости скольженья.

Душа – экстракт летучих фракций –
Как мотылек в гнезде осином,
Я отменяю ход реакций:
Фанфары смешаны с фуксином.

6

Если бы музыка...

Воды потопа, баталий горнила,
Медные трубы и дребезг кимвала:
Музыка сердце победой пьянила,
Судьбы вершила и воевала.

Дни поражений, свершений кануны,
Пляска эмоций, факиров тюрбаны:
Кто-то терзал утомленные струны,
Кто-то безжалостно бил в барабаны.

Ода волхва – колдовская омеда,
Руки влюбленных – тугие лианы:
Если бы музыка плакать умела,
Нас захлестнули бы слез океаны.

Время цинизма, эпоха оскала,
Лунные ноты – густые белила:
Музыка счастье по свету искала,
Горе и радости с нами делила.

Всполохи искр и случайные блики
Сотканы в пурпур закатного канта,
Осени зов, журавлиные клики:
Взбалмошный бубен – душа музыканта.

Веет теплом из родного угла,
Мы с тишиною почти незнакомы:
Если бы музыка плакать могла,
Мы бы очнулись от будничной комы.

7 Кода

Печаль вселенной анонимна,
Ночь резонансом – словно дека,
В напевах сумрачного гимна –
Высокий чин Мельхиседека.

Жизнь суетливо, смерть степенно
Выходят из гравюр Калло –
Бушуют огненно и пенно,
И солнце черное взошло.

А ты, в разгар безумной тризны,
Пролей седьмую чашу гнева –
Здесь даже думы черноризны,
Свинью не вызволить из хлева.

Сигают мысли в пустоту,
Густая заварилась каша,
Пророчит демон наготу,
Пуста вместительная чаша.

Прет смрадом от святого лика,
С небес – сивушная баланда,
И Бог орет, не слыша крика
И задыхаясь в раллентандо.

Порвалась финишная лента,
И ангел оземь – как колода.
Здесь тишина амбивалентна:
Немая рябь... крещендо... кода...

Solipsism à deux

1

Адам и Ева

Рождают знания сомненья,
Уходит время в безвременье,
Безмолвие внимает звуку.
Подай мне руку.

На сцену Бог выходит голым,
Змей искушитель жжет глаголом,
Как воск, желанья плавят скуку.
Подай мне руку.

Нет у природы мыслей гадких,
Любовь потеряна в догадках,
Запечатлеет вечность муку.
Подай мне руку.

И если нам даны хоть сутки,
То остальное – предрассудки.
Верь сердца бешеному стуку,
Подай мне руку.

Ночь грянет бурей вдохновенной,
Я – на окраине вселенной.
Ты, сквозь печали и разлуку,
Подай мне руку.

2 Осирис и Исида

Тошие годы в земле фараона:
Жалило время хвостом скорпиона.
Звезды сияли. Срывались и падали.
Рыскал Анубис в поисках падали.

Щедрые росчерки звездной капли.
Жрицы любви отдавались и пели.
Ночь на пустыню нацелила око.
Тело уснуло. Душе одиноко.

Млели жрецы в поцелуях луны.
Монады желаний – как шалуны.
Рассветные россыпи бледного мела.
Ночь простонала и вдруг онемела.

Мысли просеялись зернами в риге,
Ра выплывал на небесной квадриге.
Свет заливал все дворцы и апсиды.
Лизали рептилии перси Исиды.

Ядом харкая из хищного зева,
Фаллос метался в безумии сева.
Мрамор забвенья прекрасен и черств.
А где же Осирис? Осирис мертв.

Нет горя горше ни в одной на свете драме,
Чем в драме о потерянном лингаме.

3 Одиссей и Цирцея

Мой разум проникает даль
Лучом полночного светила,
Твоих подручных мне не жаль:
В свиней их похоть превратила.

Вкус забытья не панацея –
Не больше чем глоток шалфея.
Тебя опутала Цирцея,
Она – колдунья, ведьма, фея.

Углями тлеют очеса –
Желанье власти сокровенно –
Как вероломны кудеса:
Непент любовный – внутривенно.

Не по ее ли наущенью,
Спустился ты в страну теней,
Где я – Тиресий, ставший тенью, –
Печалюсь участью твоей?

Судьбы уродливый извив,
Дыханье смрадного кадила:
Исчадие на свет явив,
Цирцея смерть твою родила.

Но память долговечней гипса,
Скажу, в детали не вникая,
В пещере заждалась Калипсо,
Ждет у феаков Навсикая.

Беги из логова химер.
Пора в дорогу. Успокойся.
Опишет странствия Гомер,
Оставив кое-что для Джойса.

4

Иисус и Магдалина

Магдалина молода,
Но уже помята.
Сорна, словно лебеда,
Но свежа, как мята.

Бесы нас влекут двоих –
Прорвана плотина.
Эликсир желез твоих
Терпче терпентина.

Неуемной аркой бровь
Выгнута упрямо.
Безответная любовь –
Долговая яма.

Магдалина – песнь песней,
Брага колдовская.
Унесусь я вместе с ней,
Пусть меня ласкает.

Прочь условностей завесы,
Знаю, ты такая.
Изгоню семь буйных бесов,
Глубже проникая.

Животворной лавы грог,
Страсти снасть – зубило.
Не узнает даже Бог,
Что меня сгубило.

5

Креститель и Саломея

Ты – балерина мескалина,
Виденье чуда наяву.
Желанья – знойная долина:
Эрот натянет тетиву.

Гормоны юности – повстанцы,
Любовь алкает утоленья,
Бросает в огневые танцы
Душа – криница вождельня.

Смерть Бога – мизерная плата,
Чтоб удержаться наплаву.
Прими, на дискосе из злата,
Усекновенную главу.

Луна чиста и волоока,
Любовь запретная густа,
Глаза – тоска и поволока.
Устами – в мертвые уста.

Не ворожи и не колдуй,
Я сыт кровавою обедней.
То был твой первый поцелуй,
Его – последний.

6

Бурсак и панночка

Любовь – томленье и бедлам,
Восторг и ужас: пополам.
Ночь за окном – мазками туши,
Пожар слезами не потушишь.

Ласкать утопленниц в пруду.
Усердно плавить чувств руду.
Мой брошен жребий, пала выть.
Запричитать. Запеть. Завыть.

Темница сердца – скит пустой,
Впусти, хоть на ночь, на постой.
Отринем жизни маету –
Купальский папорот в цвету.

Из мертвых губ не вырвать стона –
Мечь заколдованного лона.
От тлена к плоти выстлать гать.
Испепелить. Истлеть. Солгать.

Мир – худосочное жнивье.
Жирует нежить и навье.
На страшной оргии тоски
Рубить былое на куски.

Нет ни морали, ни греха.
Все сгинет в крике петуха.
Смертельна готика любви.
Заворожи. Зажги. Яви.

7

Искусство расставаний

Легко в этом мире слыть мудрецами,
Природу вещей несложно понять,
Когда вихри страсти играют сердцами,
Гораздо сложнее научиться терять.

Вроде бы просто: пожмешь лишь плечами
И постепенно начнешь привыкать
К боли разлук, что приходит ночами,
К тому, что теперь больше некого ждать.

Другие желанья и новые лица,
Гром отгремит, минует гроза,
Но где-то на дне, в душе затаится
Росинка печали – всего лишь слеза.

Годы летят, как ни в чем не бывало, –
От крошечной капли немного вреда,
Счастливый конец – это только начало:
Скорби умножит утрат череда.

И ты растеряешь надежды и чаянья,
Устанешь идти, никого не любя,
Из темных глубин нахлынет отчаянье,
И горькие капли наполнят тебя.

Серые дни поползут сиротливо,
Затерянный мир – как заброшенный сад:
Опавшие листья, полынь и крапива,
Никто никогда не вернется назад.

Carceri d'invenzione

1 In situ

За окошком – мга и зга.
В сердце – скука и туга.
Вьется мыслей мелюзга.
Быт – болотная куга.

Думы ввергнуты в пучину,
Клею к следствиям причину,
Жгу сознание, как лучину,
Лик меняя на личину.

Сердце – грубое лекало,
Жалит время, как стрекало,
Тлеют чувства без накала.
Отшумело. Отсверкало.

Боль клубится в дымном воре,
Дни ко дну идут, как гири,
Устремления – в надире
В пенитенциарном мире.

2 Urbi et orbi

Мир кичится мутным утром,
Как ракушка перламутром.

Раздает нам город шоры,
Загоняет нас в конторы.

День забот устроен ловко:
Что ни дверь — то мышеловка.

Путь безделья многотруден,
Урожай сомнений скуден.

Гейзер скуки, чахлый вечер:
Взоры вмерзли в мыльный глетчер.

В лабиринтах подворотен
Каждый шаг бесповоротен.

Мякиш тел глотают спальни:
Ложка неги — наковальни.

Ночь ведет нас длинным строем
По кошмарам, под конвоем.

Тьма промчалась диким вепрем,
Город встал, умылся ветром.

Бег по кругу: город — в цикле.
Мир бескраен. Мы привыкли.

3 **Incommunicado**

Нагишом, не боясь афронта,
На плоту,
Мысль дрейфует за горизонты,
За черту.

День истек. Мне не надо окон –
Ночь в соку.
Заблуждений жемчужный кокон
Себе сотку.

Скорлупа небесного кварца,
Грез конверт:
Запер мир в сознания карцер
Интроверт.

Я низринусь на райскую сушу,
К ее плодам.
Там куплю я чужую душу,
Свою продам.

4

Сосуд лжемудрия

Твой тесный мир – порожнее пространство,
Ты глух и слеп из лучших побуждений,
Твой капитал – накопленное чванство
И каталог расхожих заблуждений.

Ты взвесил жизнь с погрешностью безмена,
Речей твоих грохочет колесница,
Ты полагаешь, что идея неизменна,
Но это ты не можешь измениться.

Ходить по кругу – образ нудной мысли,
Твои мозги – цитаты без кавычек,
Где все слова прогоркли и прокисли,
Ты – жалкий узник собственных привычек.

Ты смотришь внутрь, нацелившись вовне,
А там, внутри, лишь пресная водица,
Как будто мир оцепенел во сне,
Но это ты не можешь пробудиться.

Ты – чахлый пленник замкнутой вселенной,
Ты свято чтишь лишь собственную чушь:
Невинность всей души твоей нетленной
Залапана, засалена, как плюш.

Твое присутствие – сомнительная милость,
Но уходить настанет твой черед,
Ты думаешь, что все остановилось,
Но это ты не двнешься вперед.

5 Воображаемые тюрьмы

Кончились вздохи, любовь забыта,
А мы – лишь плесень в контексте быта.

Нравится нам ветшать с комфортом,
В скуке давясь восхитительным тортом.

Жаждет душа улететь в одночасье –
Может быть с горя, а может от счастья.

Камень и плоть – почти симметрия,
Мысль – будто буря среди безветрия.

Ученые споры – лишь склока гарема.
Глупость доказана, как теорема.

Серые мысли – поступков жандармы,
Памяти кельи – пустые казармы.

Интимные чувства – грязные швабры,
Мы фибры души поменяли на жабы.

И только сильнее нам кажутся раем
Те тюрьмы, которые мы выбираем.

6 **Gloria mundi**

Ночь, в объятиях потной шалавы, —
Кувырком.
Кто урвет мимолетной славы
Жирный ком?

Жизнь летит, запряженная цугом,
Мир — кубарь.
Только дьявол воздаст по заслугам:
Бог — скобарь.

Не заманишь нас скудной пребендой
В облака.
Будет Фауст, красивой легендой,
Слыть века.

Тесен свет для богемной хевры,
Миг — тюрьма.
Бог состряпал свои шедевры
Из дерьма.

7 In transitu

Расшатался измученный глобус
На кривой оси:
Этот мир, может быть, – автобус,
Но не такси.

Ждет, скорбя, окончания лета
Жадный жнец.
Хитрый Бог нам всучил билеты
В один конец.

Суею бесполезных странствий
Плати сполна
В тюрьмах времени и пространства –
Чья вина?

Раскрутилась спираль галактики –
Кривая ось.
Пост и треба – для профилактики.
Не куражься. Брось.

В небе ангелы бесятся с жиру,
У нас – разлад,
Мы – транзитные пассажиры:
Кто в рай, кто в ад.

Разум наш готов к перековке
На чужой звезде:
Отсюда в вечность – без остановки,
Далее – везде.

Фимиама в небесной фактории
Не проси –
Пусть скрипят жернова истории
На кривой оси.

Откровение Иуды Сикария

1
1/12

Вот недоносок Первозванный
Развесил нюни —
Скулит и хнычет, окаянный,
Пускает слюни.

Его братан, по кличке Камень,
С умом вальта,
Одна идея в нем, как пламень,
Да, жаль, не та.

Два идиота-недоумка,
Два рыбаля:
Им вся высокая наука —
До фонаря.

У Иоанна — нрав шакала,
Апломб ферзя,
В нем больше яда или кала?
Сказать нельзя.

Еще отродье Зеведея,
Шустрей пилы:
Кабанье рыло прохиндея,
А прыть — юлы.

Блится даром казуиста
Маньяк Фома:
Услышишь этого артиста –
Сойдешь с ума.

Убогий Мытарь травит сказки,
Зудит чума –
Я нахлебался под завязки
Его дерьма.

Вся эта гопников орава
Пьяна с утра.
Болванам знания – отравы,
Нужна муштра.

Отдам весь сброд из Галилеи
За полгроша –
В них, кроме лести и елеса,
Нет ни шиша.

Продажный мир наш поднебесный
Идет ко дну,
Иуда, ты, как самый честный,
Храни казну.

2 Ab ovo

Вначале было лишь начало:
В нощи не вспыхнула звезда,
Мать колыбель мою качала,
Все в мире было как всегда.

По свету не неслоь молвы,
Что я – божественная жила,
И не персидские волхвы –
Сама природа ворожила.

Мне детский сон к ресницам лип,
Мое сознание дремало,
Ловил я ветра каждый всхлип,
Чтобы постичь большое в малом.

Дыханьем ночи, светом дня
Я был пленен и околдован.
Вопросы мучили меня:
Какой мне жребий уготован?

Какие ждут меня печали,
Какой молить у Бога доли?
К какому берегу причалю
И обретусь в какой юдоли?

Манил маяк в глухие дали,
Мой пыл горяч и не растрочен,
Мне звезды будто бы шептали:
“Ты высшей цели предназначен”.

Не пасть от страха на колени,
Вершить дела, служить добру,
А, может, это – просто тени,
Похмелье на чужом пиру.

Пройдет ненастье стороной,
Святые заиграют струны,
Иное счастье, путь иной:
Прочту неведомые руны.

Ждет росный жемчуг на лугах,
Зовут неведомые страны.
А там, на дальних берегах,
Какая боль, какие раны?

Какие скверны и красоты
В каком привидятся бреду?
В какие взмою я высоты?
В какие дебри забреду?

3

Диатриба зилота Савла

Я слышал, будто ты – сикарий,
Ты мог бы жар грести руками,
Нам по плечу любой сценарий,
А ты связался с дураками.

Верстак столярный не алтарь,
Пророки есть в стране покруче.
Нет, этот червь отнюдь не царь –
Мокрица на навозной куче.

Известны мне его труды:
Врачует пьяниц от икоты,
Густой посев белиберды,
Да нелегальные аборты.

А все тупые обормоты,
Слепые агнцы пустоты
Его глотают анекдоты,
Бредут за ним, раззявив рты.

Спаситель – рвань. Я – из элиты.
Никто не спрячется в кустах.
Подохнут в муках прозелиты:
В огне, на дыбах, на крестах.

Они смиренны одиозно –
Беги от них, как от чумы.
Беги сегодня. Завтра – поздно.
Мы не рабы. Рабы – не мы.

В народе глупости излишек,
И сопляков – несметна рать.
Плевать хотел я на людишек –
Я буду ангелов карать.

Мы поровну разделим блага,
Упрочим мир, усилим бденья.
Повесим всех, кто против флага,
Не за дела, за убежденья.

Пороки сытого бонтона,
Выходит гнев из берегов,
Я – вождь святого гегемона,
Растопчем классовых врагов.

Гиены. Твари. Гады. Вши.
Урвем награды. Слижем пенки.
Искореняй. Дави. Души.
Монарха – на кол. Бога – к стенке.

4

Инвектива варнака Вараввы

Меж маклаков и штукарей
Толпа бурлила мутным виром,
Там с корешами Назорей
Ссал в уши голодранцам сирым.

Мурло в поту, хлебало в пене,
Толкал трухлявое фуфло
На тухлой фарисейской фене –
Тем, кто просёк, не повезло.

Всех насадил он на кукан,
Всех он притырил за бейцала,
Словами жучил, как жиган, –
Надежда даже не мерцала.

Удумал шелупной пузырь
Спасать наш засранный верзошник,
На квелых фуфелов позырь:
Им святость – как свинье кокошник.

Гужевки нет – одна изнанка,
Святые девы вместо шмар.
Где башли, марафет и ханка?
Сплошной безрадостный кумар.

Тупые лохи пелят чичи
На шоблу ссученных ершей,
От храма божьего до кичи
Кормить ему голодных вшей.

Вот благодать для всякой мрази –
Твори паскудные деянья,
Чтоб шурануть из грязи в князи
И в рай пролезть за покаянье.

В его теориях – изъян:
Покажет Бог огромный кукиш –
В ущербном мире обезьян
Власть за смирение не купишь.

Мы – лишь порожние кувшины,
Что за спасение души?
Чтобы добраться до вершины,
Ты лучше совесть придуши.

На радость немощным старухам,
Из непролазной нищеты,
Нагрянут кодлы нищих духом –
Таких же псов как я и ты.

5 Эксгумация Христа

“Только плат да пелены:
Пустая домовина.
Он воскрес в саду весны —
Дивная картина”.

От восторга без ума
Мария из Магдалы.
Недоверчивый Фома
Чешет причиндалы.

“Застят зренья чапыжы
И густой шиповник.
Брось, Мария, не блажи,
Это был садовник.

В эту ночь, в дремучий час,
Мы пошли на кражу.
Страже было не до нас,
Мы споили стражу.

Грузный камень отвалив,
Без излишних фобий,
Отобрали у земли
Тридневного во гробе.

В дураках синедрион,
Мы поддали пыли.
Труп снесли на Елеон,
Там его зарыли.

Сами будем править бал,
Без его новаций,
Он не сможет, как амбал,
Над нами измываться”.

Поминальная кутья,
Початая брага –
В предвкушении забытья
Смирренная шарага.

Растворилась грусть в вине,
Петр изрек небрежно:
“На войне – как на войне:
Жертвы неизбежны”.

Ум и совесть не в цене,
Бог, устав от каверз,
Накарябал на стене:
Мене, Текел, Фарес.

6 Акелдама

Из плоти – в грязь. Из грязи – в гниль.
Все откровенья – блажь и гиль.
Сомнений осень. Чувств зима.
Обитель снов – Акелдама.

Свершилась кара. Я – свидетель.
Заветы чтить – не добродетель.
Кураж толпы не карнавал.
Нет, я его не предавал.

Послушных подпевал не счесть,
Зачем им праведность и честь?
Им нужен символ, на века.
Лавина догм. Доктрин река.

Из гнили – в персть. Из персти – в прах.
Мне зябко на семи ветрах.
От горя не сойду с ума.
Скудель и кровь – Акелдама.

Темно в стране от сволочей:
Стенают в капищах ночей,
Их рты разодраны в мольбе,
Все их заботы – о себе.

Удалены нагар и пена:
То – божья воля, не измена.
Ватага выкрестов тупа.
Картечь тирад. Словес крупа.

Из праха – в пыль. Из пыли – в ил.
Бог никого не удивил.
Позор не спрячешь в закрома.
За боль и стыд – Акелдама.

Мессия – миф, костыль для слабых,
Чтоб было легче на ухабах.
Их судьбы – жалкое мытарство.
На рай надежды – вот лекарство.

Но все посулы – лишь издевка.
Уже намылена веревка.
Земля кровавая мне пухом.
Я ухожу. Не верьте слухам.

Из ила – в тлен. Из тлена – в дым.
Сойду со сцены молодым.
Не влезешь в вечность задарма.
Мой вечный дом – Акелдама.

7 L'envoi

Вертеп. Обрывки канители.
Яйца овал.
Нет, всё не так, как мы хотели –
Нас ждал провал.

Невинно утомленный лик
Глядит с иконы,
А патриархи сей земли
Стригут купоны.

Плывут догматов корабли
Им на подмогу.
Тот, кто сожжен, и те, что жгли, –
Кто ближе к Богу?

Отступники – сомнений шквал –
И изуверы.
Кто предан был? Кто предавал?
В ком больше веры?

У фарисейства суть проста –
Подобна зуду:
Лжецы на каждого Христа
Найдут Иуду.

Хоругви, требы, ритуалы –
Какая блажь.
Синоды, секты, кардиналы –
Сакральный раж.

Мостил дорогу в свет зари
Сам Дух Святой –
Ведут нас в ад поводыри
Дорогой той.

IV

Корабль мудаков

Тысяча и один круиз Синдбада Морехода

1 Мой корабль

Корабль – набросок на бумаге.
Струной натянуты бакштаги.
Бушприт нацелен в синеву.
Я снялся с якоря. Плыву.
Матросы – пройды. Шкипер – шельма.
Горят огни Святого Эльма.
Надежны юферсы и ванты.
Команда Себастьяна Бранта
Со мной на этом корабле:
Артур Рембо, и мэтр Рабле,
И Магеллан, и Фридрих Ницше,
Ной с Одиссеем, принц и нищий,
Болваны, дерзкие умы –
Их гвалт от бака до кормы.
Сирен крещендо в сладком хоре.
Гомер и Джойс бушуют в споре.
Меняют галсы стили и эпохи.
Собирает мудрость мыслей крохи.
Искусство – стоны такелажа,
Жизнь – наслоения коллажа.
Набат сердец. Умов брожение.
Мой мир – иллюзия движенья:
В туманы Тернера и тропики Гогена,
В безбожье Сартра, в веру Оригена.
А если с марса закричат: “Земля”,
Я не сойду на землю с корабля.

2 Об островах и людях

Вопрос поставлен очень остро,
Но бьет ответ наверняка:
“Нет, человек совсем не остров,
Он – только часть материка”.

Пусть божьи промыслы горьки,
И горячи, как струи крови, –
Я, всем уставам вопреки,
Хочу быть островом сокровищ.

Но все открыты острова –
Нет больше места в океане,
И только вздорная молва
Повеет бризом и обманет.

Несем мы бремя, как медаль,
Смерть принимаем, как заслугу,
И сколько б мы ни плыли вдаль –
Мы путешествуем по кругу.

3 Об ангелах и птицах

Неба ясный портал –
Трепетали виденья –
Помню, как я летал,
Но не помню паденья.

В адском зное светил
Воск растаял, как лед,
Я сполна заплатил
За высокий полет.

Звезды были нежны,
Стали пеплом и пылью –
Мне уже не нужны
Мои легкие крылья.

Вы, презревшие твердь,
Быстрокрылые птицы,
Мне полеты теперь
Могут только присниться.

Сыт я небом угасшим,
Мне до звезд дела нет.
Бездна – ангелам падшим,
Птицам – воля и свет.

4 Медный город

В искренней верности – привкус измены:
Занавес поднят, порезаны вены.
Мы щедро бессонными платим ночами
За жизнь в опрокинутом медном чане.

Рассветные реки – потоки латуни,
Тают надежды, хранимые втуне,
Тлеет любовь в медовом закате,
Капает кровь на медную скатерть.

Слуги обмана – бездушные бонзы,
Боль охраняют драконы из бронзы,
Шепчем мы клятвы немymi губами,
Веры сшибаются медными лбами.

Воздушные храмы, гулкие своды:
Эхо молитвы – вместо свободы,
Свечи цветут желтизною шафрана,
Увядший цветок – неглубокая рана.

Истины нет, есть одни пересуды,
Над миром царит равнодушие Будды,
Скудная снедь – сарацинское просо,
Сквозь горизонт – синева купороса.

Кармы страницы – под патиной лжи,
Мудрость выходит за все рубежи,
Неистовы трубы из халколивана,
Агония смерти – отнюдь не павана.

Едет брамин в допотопном рыдване,
Шива покоится в сладкой нирване,
Смарагды купаются в лунной камеди:
Пустая затея – город из меди.

5 Бейдевинд

Небеса нахлобучились бурей,
Тучи месят дождливую прель,
Воет ветер десятками фурий,
Выдавая погибели трель.

Под застрехой нахохлился зяблик,
Ночь в туманный замотана бинт,
Но какой-то безумный бумажный кораблик
Вдруг поплыл бейдевинд.

Декларации прыскают гноем,
Глупость догмы разит наповал,
Смерды кружат услужливым роем,
Грязной пены вздымается вал.

Моем руки политик продажный,
Время смуты – истории финт,
Но какой-то безумный кораблик бумажный
Вдруг поплыл бейдевинд.

Непонятные смешаны чувства,
Мои мысли от грез далеки,
Я пою этот гимн безрассудства
Всем сомненьям моим вопреки.

Брызжет звоном рассвет многострунный,
Бог боится войти в лабиринт,
Лишь какой-то бумажный кораблик безумный
Всё плывет бейдевинд.

6 Bête noire

Среди болот, на перекрестке,
В подтеках ряски и в грязи:
Копыта, шерсть, глаза – как блески.
Он попросил: “Перевези”.

Мой зверь кривляется потешно –
Он на моих воссел плечах.
Мир мимо катится неспешно,
Огонь пылает в злых очах.

Тоскливым комариным звоном
Мне в уши ныл неугомон,
Его стращал я чертогоном,
Но только веселился он.

Он душу охлаждал как иней,
Мой разум – в траурной канве,
Когда я был в кататонии,
В моей он скрылся голове.

И лишь хохочет равнодушно
Тот зверь, что за моей спиной:
“То, что ты вел себя послушно –
Преступный сговор с сатаной.

Ты будешь в славе, при деньгах –
Ведь в завихреньях суеты,
Из полутьмы в твоих мозгах
Я дальше зрю, чем видишь ты”.

7

Последняя ночь Шахрияра

Податлив ночи пластилин.
Рассвет – раскольник.
Чей я сегодня властелин?
Чей я невольник?

Часы полночные – как стража:
Реальность – прочь.
Какую сказку мне расскажешь
Ты в эту ночь?

За ночью ночь, за сказом сказ –
Промчалась жизнь.
Шагну последний раз в экстаз
И в миражи.

Пусть страсть оденется в весну
Любовной дрожи,
И пусть я навсегда усну
На этом ложе.

A Scapegoat's Song

1

Козлоглагольство

Мы в жизнь играем будто в го:
Кому – плоды, кому – ботва,
В моих ушах поет арго,
Гогочет пьяная братва.

Мозги натружены до боли,
Дождит промозглым водолеем,
Глумится шут, козлоглаголя:
“Застоя мы не одолеем”.

Пустырь ума оветрен веем,
Подстерегают нас соблазны,
В кривых зеркалах мы кривеем,
В прямых – мы просто безобразны.

От мудрых мыслей захиреем –
Построим храм на поле брани,
Там станет бес архиереем,
Он весь в поту – как после бани.

Черт похвалы струит елеем –
Он знает лести каждый атом,
Бог ждет, когда мы околеем,
Он – потрясающий анатом.

2 Козопас

Бог сегодня в обличии шута
Со смешными, до слез, бубенцами.
Кроткий взор, но стальная пята:
Правит бал заодно с подлецами.

Что ему благодать? Что ему небеса?
Каша звезд да луны чечевица.
Он беспечен и пьян. Не творит чудеса.
В бубен бьет и над нами глумится.

Херувимы в раю нажрались белены –
Им простые претят ощущения.
На эдемских лугах все позорно равны,
Там пасутся козлы отпущенья.

Наживляет крючок, ловит нас на уду
Бог с ухваткой заправского хама.
Мы пускаемся в пляс под чужую дуду.
Божья милость – тупая реклама.

Отпусти мне грехи. Я шутов не люблю –
Были дерзкими, стали скопцами.
Все своим чередом. Нынче Бог, во хмелю,
Кормит шустрых козлов леденцами.

3 Эпистемология

У снов ответы
Воруют умы.
Я – сгусток света
В капище тьмы.

В голову мысли
Лезут без спроса,
Ты их исчисли,
Как зерна проса.

За гранью сознания
Я – один.
Я – раб своих знаний
И господин.

В рассветной мути
Стою как тать:
Легко до жути,
Хочу летать.

Так просто в мире
Жить скотам,
Открой дверь шире –
Кто это там?

4

Бессилие искусства

Бойницы, люки, амбразуры,
Секретный лаз – дыра в башке:
Вали туда амбиций фуры –
С искусством будь накоротке.

Корми поклонников дурандой,
А если действовать с умом,
Соперников, что рыщут бандой,
Легко тогда смешать с дерьмом.

Их жизнь – безвкусная баланда,
Ты вежды распахни, прозрей:
Вся их тупая пропаганда –
Пусканье мыльных пузырей.

Ты, развлекая, не научишь,
А просветив, не развлечешь,
Нравоученьем пузо вспучишь –
Мораль кусается, как вошь.

И пусть в сердцах – раздор и склока,
И пусть в умах – разор и пря,
Не падай духом, летай высоко,
Бей всех эстетикой букваря.

5 Ощутимая реальность

Реальность приторно абсурдна,
Бардак – режим.
Как крысы с тонущего судна,
Мы убежим.

Корпят писаки над глаголом,
Как скорняки,
Но за словесным частоколом –
Лишь сорняки.

Талант их – без единой грани,
Как кабошон.
Пал реализм на поле брани,
Но воскрешен.

Белье полощем в море гноя –
Себя смешим,
Лишь Бог, погрязший в паранойе,
Непогрешим.

Кует он басни бытия
Без наковален,
С натуры пишет жития:
Абсурд реален.

6

Критика грязного разума

К чему прислониться? На что опираться?
Куда смотреть?
В мире иллюзий и аббераций
Мудрость – смерть.

У доки Фрейда был грязный разум,
У нас – грязней:
Не по зубам мы любым заразам,
Шипенью змей.

Слепящий льется на нас из витрины
Свет плеяд,
Струят гниющие на корню доктрины
Трупный яд.

Какая наглость – кричать о рации,
Не познав себя,
И испытывать лишь фрустрацию,
В дуду трубя.

Свобода сильных – греха и денег
Императив,
Ждите, когда Вельзевул наденет
Презерватив.

Блистал бы перьями – краса и сальность –
Как какаду,
На хер Богу ноуменальность
В пустом аду?

7

Поиски мифического героя

Мне надоели глупцы и фигляры,
Что норовят напялить котурны,
Читаю романы я, как формуляры,
В жизни мне нужен герой культурный.

Мудрость иссохла. Воля иссякла.
Томление духа, хоть замо́к воздушен,
Не буду я звать на подвиг Геракла –
Ему не очистить наших конюшен.

Маги любви, чародеи бонтона
Разят наповал идеалом лоска:
Разница лишь в толщине картона –
Их мысли в образ ложатся плоско.

Бессонные ночи Шахирезады,
Сонные дни в стенах сераля,
А, может, послать кавалеров отряды
На безрассудный поиск Грааля.

Венера больна. Афродита фригидна.
Леда поет лебединые песни.
Гнусных уродов рождает Ехидна,
А миру герои нужны, хоть тресни.

Пишет в аду Люцифер жития,
Пьяница Ной на потопах помешан,
Праведность – курва, а вечность – змея,
Укравшая молодость у Гильгамеша.

Мельниц не хватит для Дона Кихота,
К власти давно уж пришел Санчо Панса.
Христовы наймиты – лихая пехота,
Но их полководцы – во власти транса.

Сонмы святых – изможденные лица, –
Лечит Христос утомленные нервы,
Он не спешит, чтобы вновь появиться –
Сначала последний пусть станет первым.

Страсть и измена. Самсон и Далила.
Ослиная челюсть. Филистимляне.
История доблесть от нас отдалила,
Никто не желает жить на грани.

Смелый Улисс. Осажденная Троя.
Победная песня. Даль искриста.
В слякотных буднях найти бы героя,
А он уж найдет антагониста.

Мудизм

1 Не с той ноги

Зекс, мутанты. Заткнитесь, ораторы.
Прочь словесные ваши поллюции.
К ебене Фене дезодораторы –
Атрибуты контрреволюции.

Даешь стране чугуна и турнепса,
Кучи говна и горы стали!
Монстры, больше попсы для плебса,
Чтобы мы оптимизмом дристали.

Огонь кочегарам! Войну солдатам!
Холуям раздать фанаберии.
Мы напишем историю матом
На заборах великой империи.

Нету хлеба. Жрите кексы!
Вот вам хуй с огромным гаком!
До полной победы орального секса
Разворачивайтесь, суки, раком.

2

Физиология империи

Нас время учило: примите достойно
Усобные войны, гражданские войны.
Геройская смерть – к доверью мандат:
Империя вскормлена мясом солдат.

Стон деревень средь бескрайних широт –
Вспоены пашни слезами сирот.
Указы начальства – как залпы эскадры,
Все дураки перекованы в кадры.

Под бой барабанов, безрадостный туш
Империя мыслит мозгами чинуш,
Тьму городов нищетою засеяв,
Лижет свой зад языками лакеев.

Построены тюрьмы руками рабов:
У власти врагов – как поганых грибов.
Уставшие верить сердца матерей
Щемит ночами тоской лагерей.

Державы оплот и тиранов услада –
Покорное быдло, послушное стадо.
Родиться в неволе – великая честь,
Любите отчизну, такую как есть.

Мы были достойны, а станем достойней,
Любовь обернется кровавою бойней.

3 Идеологический фронт

Родная страна нас растила бойцами,
Стояли на вахте мы рядом с отцами.

Саженные плечи. Железная масса.
Не дрогнет могильщик враждебного класса.

Бодрили нас речи, звучащие длінно,
А злой Помидор угнетал Чипполино.

Их мир разлагался под музыку толстых.
Вульгарные фильмы. Похабные тосты.

Ассоль дожидалась наследного принца,
Хотелось примерить мне синие джинсы.

Чиновники в главках мечтали о стали,
А мы пролетарских борцов почитали.

Даже под пыткой, не то чтоб случайно,
Не разглашали мы главную тайну.

Колхозы и домны – надежный редут.
Не надо бояться. Они не пройдут.

Нам ночь продержаться да день простоять,
Но слишком хитра иноземная рать.

Пробилось вдруг солнце в дырявую крышу.
Виват Буратино! Салют Мальчишу!

4

Шесть степеней свободы

Я увижу с высот мироздания
Фейерверк,
Из глубин своего подсознания
Взмою вверх.

Но нахлынула гиль откровенья –
Затхлый бриз,
Все восторги мои и мгновенья
Летели вниз.

Генералы небесного воинства –
Широк лампас,
Последняя битва ума и достоинства –
Вправо пас.

У чертей – свое представление:
У них – аншлаг,
В аду все равны – бытует мнение –
Влево шаг.

Кто остановится для размышлений,
Тот умрет,
Можно двигаться, без сомнений,
Лишь вперед.

Ты не стой на пути экспресса
В чадный ад,
Нам осталась лишь черная месса:
Путь назад.

От рождения дуем на воду
До похорон,
Потому нам плевать на свободу
Со всех сторон.

5 Былина

Царь – изрядная скотина,
У того царя – три сына.
Старший был хорош собой,
Но немножко голубой,
Средний – с придурью, никак,
А последыш – сплошь дурак.
Старший кроток был и мил,
Средний всем подряд хамил,
Младший – главный наш герой –
За державу был горой:
От лежанья на печи,
Мышцы – будто кирпичи.
Годы шли. Народ нищал.
От натуги хер трещал.
Заштормило. Влево крен.
Старший сам отдался в плен.
Комиссары – соль земли –
Братца вусмерть заебли.
Младший – хоть пиши иконы –
Записался в гегемоны,
Гневом праведным горя,
Кокнул батюшку царя.
Средний – отроду дебелый –
Сразу стал смертельно-белый.
Вволю душу он потешил:
Разорял, калечил, вешал.
Подвигом гордясь ужасным,
Младший стал кроваво-красным,
И царю в отместку, сдуру
Он построил диктатуру,
Тут пошла не жизнь – малина...
Вот такая, блин, былина.

6 Окончательный диагноз

Есть в белом свете хвороба – мудянка,
Ее не излечат аптечные банки,
Ею хворают всерьез и навеки:
Мозги протухают, смежаются веки.

Сидят бюрократы и пишут законы,
Ясно любому: они – мудозвоны,
В муках рожая обмылки идей,
Ласкают наш слух перезвоном мудей.

Мудизм – не порок, а большая заслуга:
Глупости гимн и безмозглости fuga.
Свиньи жиреют, давясь желудями,
Сильные мира гордятся мудями.

Прочь наши всхлипы, долой ваши вздохи:
Мудизм – это ум, честь и совесть эпохи,
Мудизм – это новый раздел философии,
Вот титульный лист – ба, знакомые профили.

Сон Томмазо Кампанеллы

Сенильные гении
В грязных клоаках
Учат смиренью
Шутов в шапокляках.

Осталась одна отощавшая йота
В ублюдочной азбуке для идиота.

Безумные очи,
Ужимки ужей –
Короткие ночи
Длинных ножей.

Кровавый понос, декретов блевота
В черной комедии для идиота.

Кар катапульта
Точна как часы.
Служители культа –
Голодные псы.

Вождей истуканы на полках киота
В ублюдочном храме для идиота.

Ужас – рычаг,
Законы – засовы:
Семейный очаг
На стене нарисован.

От серой палитры – тоска и зевота
В бездарном шедевре для идиота.

Рождаются в спорах
Лишь аневризмы,
На грязных заборах –
Сплошь афоризмы.

Потеряна в дурости разума квота
В томах метафизики для идиота.

Марш форс-мажора,
Арпеджио скуки:
У дирижера
Оторваны руки.

Глохнет в фанфарах рыданье фагота
В шизоидном опусе для идиота.

Гранула сущего –
Под щебнем и бутом,
Город грядущего
Болен скорбутом.

Право на придурь – бессрочная льгота
В жалкой утопии для идиота.

Рефлексии Ионы во чреве китовом

1 Mal de mer

По бархату ночи –
Звезд стеклярус,
Шторм что есть мочи
Брюхатил парус.
От божеской длани,
В предчувствии бучи,
Метнулись, как лани,
Пугливые тучи.
Такой выдал шквал,
Что башка загудела,
Я желчью блевал
От Его беспредела.
Молились матросы
Безумным богам,
Лопались тросы
Под матерный гам.
От страха и дряби
Я с Господом в ссоре;
За борт меня, в хляби,
Пусть тешится море.
Бог послан был на хер
И тем озабочен,
За сей шахер-махер
Китом я проглочен.
Сбой в мироздании:
Буянит Ниневия.
И, всем в назидание,
В китовом чреве я.

2 Ламенто

Нас судьба в навоз ткнула мордами,
Не дает позор стать нам гордыми.
Мы нуждой до дыр зацелованы.
Заморочены. Замордованы.

Кто на каторге, кто на паперти:
Нам дороги в ад – словно скатерти.
От тоски гнием,дохнем пачками,
Мы заблеваны, перепачканы.

Богом прокляты, облапошены.
Мысли в черепе – как горошины.
Нитевидный пульс. Блеск испарины.
Мы в гробы живьем Им затарены.

Матерями мы не доношены,
Лица злобой навек перекошены.
Нас тупые цари кормят страхами,
Мы зачуханы, мы затраханы.

Перепрел наш пот, пахнет мускусом.
Перекисла кровь, стала уксусом.
Вместо душ у нас – червоточины.
Мы растерзаны, раскурочены.

3 Вердикт

Я создал вам фураж и пойло,
Паситесь, мыслей не имея,
Вы расползлись, покинув стойло,
Порочный мир – моя каменя.

Святых не ждет стезя иная,
Конец абзаца неминуем,
Любите ближних, распиная
И предавая поцелуем.

Потуги иноков смешны,
Жрецы погрязли в ахинее,
Купцов прельщает звон мошны,
По крайней мере, так честнее.

И равно тянут вас на дно
Грехи, благие начинанья;
Мне остается лишь одно:
Расставить знаки препинанья.

Я сопли жалкие утру –
Не вам судить о божьем гнете –
И вы проснетесь поутру
И, не посеявши, пожнете.

4 Теософема

Сознание – огненным табло –
Не вспыхнет вдруг,
Судьба – надсадное тягло,
Порочный круг.

Мы, в этой жизни, – браконьеры,
Душа смердит.
Ума не надо – есть манеры,
Хоть и в кредит.

Все будем там, без опоздания,
Пусть комом блин –
Вбивай в фундамент мироздания
За клином клин.

Семь смертных казней – медицина:
Знай свой шесток.
Кошерный рай для сарацина –
Клозетный сток.

Тирад молитвенных зачатки –
Личинки фраз.
Твой образ выжжен на сетчатке
Незрячих глаз.

Поход недолог – до закланья,
Но мысль свербит.
Грехами плачено за знанья,
За каждый бит.

5

Пенитенциарная педагогика

В темнице нет ни ветерка,
Лишь сквозняки
Да мысли, скользкие слегка,
Как слизняки.

Страх поднимался с глубины,
Из абиссали,
А думы были столь черны,
Что потрясали.

Чему научится мертвец
В своей могиле:
Что он – творения венец
И прочей гили.

Чтоб вырваться из липких пут
Моей кручины,
Я буду, как заправский шут,
Менять личины.

Из тесной выползу тюрьмы
На свет идеи,
Рука, берущая взаймы,
Не оскудеет.

6

Апелляция

Разборки, казни и разбой –
Тебе видней.
Устал ты быть самим собой
В горниле дней.

Не лей елей и мед росы
В один ушат,
Останови любви часы –
Они грешат.

Я не пророк, не флагеллант,
Не капуцин.
Я – шарлатан и дилетант,
И сукин сын.

Сознание бродит в рифах снов –
Отшельный краб.
А ты погряз в плену основ –
Лукавый раб.

Не верь доносам шутовским,
Умерь свой пыл.
Пусть мир останется таким,
Каким и был.

Я не авгур, не корибант,
Не альтруист.
Я – филистер и сикофант,
И атеист.

7 Эксод

Изрыгни меня, кит, на дюны,
Сплюнь на сушу:
Заткнул я верой в мозгах лакуны,
Теперь не струшу.

Без посевов скудеют пашни –
Лишь черви в чреве.
Лишенным разума божьи шашни –
Декрет и бревне.

Замерло зло в предвкушении худшего:
Мгновенья – блохи.
Человека – козла заблудшего –
В костер эпохи.

В латах веры, в броне из хрома –
В событий гущу:
Разбомблю я греха хоромы,
Построю кущу.

Я – бич божий, ландскнехт Саваофа,
Сумнясь ничтоже,
А ваше будущее – катастрофа,
Прошлое – то же.

Бестиарий: ангелы и аггелы

1

Дети неба

Ветер – наш побратим,
Не страшна нам молва,
Мы над миром летим,
Засучив рукава.

Машет ангел крылом,
Мы – исчадия мглы,
Мы парим напролом,
Мы срезаем углы.

Старый Бог – мракобес,
Мы наивны и злы,
Мы спустились с небес,
Мы развяжем узлы.

Смело прем на рожон,
Не страшась суеты,
Каждый нерв обнажен,
Наши мысли – цветы.

Собирайся скорей:
Ярость ветра светла,
Пусть у райских дверей
Догорим мы дотла.

2 Владимир Маяковский

Кроили мы жизнь не из шелка,
А время похабно орало,
Я петь научился у волка,
Я впрягся в истории рало.

Талант я не прятал в заначку,
Ничуть не страшился проколов,
Катил я поэзии тачку
С камнями отпетых глаголов.

С когортой бунтующих чучел
Я жрал этот мир с потрохами:
Маячил, мычал и мяучил,
Врага добивая стихами.

От страха страна впала в ступор,
Но я был отзывчив и прыток,
Я – серп, я – кувалда, я – рупор,
Мой голос – орудие пыток.

Я – вопль гегемона, с зачатья
С ним мазан одним протоколом,
Я сшил из поэм ему платье –
Король оказался голым.

3 Велимир Хлебников

Театр безрассудства – дворец лубяной.
Мой крест и голгофа пребудут со мной.
Лихо – на воле, добро – взаперти.
Господи, отвори.

Нежные чувства преют кашей.
Скоро зима тревоги нашей.
Язык мой развязан, слова – на цепи.
Господи, укрепи.

Склянка отравы и та пуста.
Истины промельк – удар хлыста.
Тонет рассудок, душа – на мели.
Господи, похмели.

У государства – совесть клошара.
Я – гражданин земного шара.
Помыслы – в небе, дела – в грязи.
Господи, разрази.

Тесно сознанию в пространстве Декарта,
Мысль рифмоплета – крапленая карта.
В царствии горнем иже еси,
Господи, воскреси.

4 Сергей Есенин

Лечит время маету, как сталь стилета,
Ветер молится и плачет в хвое сосен,
Полыхают наши сны в пожаре лета,
Отчего же на душе как будто осень?

Я не связан ни обетом, ни зарокотом,
У заката я не спрашивал совета,
Кровоточит небосвод вишневым соком,
А моя печаль совсем другого цвета.

Мысли сгрудились в сознанья узком устье,
Дни и ночи расползаются как студень,
Я гуляю в лабиринтах серой грусти:
Каждый шаг предельно безрассуден.

Затаились чувства в чаще будто звери,
И повеяло тоской из пошлых тюрем,
Не войти в любви распахнутые двери,
Эта жизнь – как смерть в миниатюре.

5 Франциск Ассизский

Мое сознание – галера:
Я смело выплыл в мир большой.
Надежда – румпель, якорь – вера:
Младенец, с кроткою душой.

Блаженных помыслов ручей:
Кому-то – явь, кому-то – мжа,
Я – неприкаянный, ничей,
Меж мной и истиной – межа.

Весенний щебет, птичий гам:
Я свято верил в рай земной,
Я проповедовал лугам,
А жизнь катилась стороной.

Нет, не услышал Бог мольбы,
Желанья, сникнув, отцвели,
Я – раб, бежавший от судьбы,
Плевок, растоптанный в пыли.

6 Америго Веспуччи

Смолкни, кларнет,
Мелодии лживы.
Романтики нет,
Есть жажда наживы.

Пока короли
Подыхали со скуки,
Интриги плели
Вельможные суки.

Строгий сенешали:
Улыбки – как шрамы,
Шутов утешали
Придворные дамы.

Боги – навет,
Исчадия веры:
Здесь ангелов нет,
Одни флибустьеры.

Изнеженной швали
Не выдержать гонки,
Наш мир обживали
Дельцы и подонки.

Проклятие – в силе:
Безумие чрева,
Мы тоже вкусили
С запретного древа.

Последний завет,
Уже умирая:
Религии нет,
Есть поиски рая.

7

Выродки бездны

Мы ползем из щелей,
Наши мысли – свинец;
На свободу, смелей,
Сила воли – кузнец.

Мы таимся в углах,
В мире – качка и крен,
Время варит в котлах
Мутный суп перемен.

Люцифер пролил свет –
Мы ворует лучи,
Нас терзает навет:
Ты о счастье кричи.

Мы кочуем впотьмах,
Наша доля смешна,
Блеск луны в теремах
Не вмещает мошна.

Хоть мы слепы как крот,
Чуем каждую пядь,
Мы у адских ворот
Повернем время вспять.

Аберрация света звезд

1

Отпрыски истории

Сильных мира терц мажор –
Козырные карты.
В плесах улиц – толп зажор,
Пыльные штандарты.

Пресных нравов черепки,
Дребезги восторга:
Жадно клацают клыки –
Предвкушение торга.

Обыватель точит нож
Чопорно и тонно.
Бравый лидер мечет ложь
Оплодотворенно.

В скорлупе трескучих фраз –
Жухлой воли вата.
Вот уже в который раз
История чревата.

Нам каноны не указ,
Время рвет поводья.
Выпер мусор напоказ
Натиск половодья.

Перемен гермафродит
Строит козни подло.
Чрево бурь на свет родит
Бюрократов кодро.

2 Конец карьеры

В мире счастья и радостей много,
Только, жаль, не хватает на всех,
Блудный сын – у родного порога,
Он устал от бесплодных утех.

Бог не слышит усердного стука,
Он ревнив и обидчив, и зол,
Наши жертвы – из плоти и тука,
Но посеяна вера в подзол.

Облаченный в казенные ризы
Самодержец, мессия и паж,
В небеса, без мандата и визы,
Вас мгновенно домчит экипаж.

Не понять в этой повести бренной,
Кто везет, а кто держит бразды:
По размашистым меркам вселенной
Жизнь короче падучей звезды.

Гончих Псов равнодушное братство
Прочитает невидимый след,
Мы уйдем, не успев разобраться,
Для чего появлялись на свет.

3

Трансцендентальность

Бесплотных демонов гурьба:
Вокруг невидимые лики.
Для них материя груба,
Звонят неслышимые клики.

В твои подглядывают сны,
Приподнимая край завесы, —
Там чувства все обнажены —
Безудержно хохочут бесы.

Добро — заслуга небольшая,
Бушует дьяволов плеяда,
Потусторонним искушая, —
И не бывает слаще яда.

Их взовы будут нам слышны,
Когда умножатся утраты,
Когда насытят глад мошны
Лишений грани и караты.

Когда истлеет юность в дым,
Когда любовь испепелится,
Мир станет инеем седым,
Тогда увидишь ты их лица.

4 Рождество

Скажи, архангел, мне на милость,
Где путеводная звезда,
Которая волхвам явилась?
Ведут дороги в никуда.

Лишь ведьма мчит на помеле
Сквозь необузданную вьюгу,
В какой затерянной земле
Посмотрим мы в глаза друг другу?

Лишь скачут бесы по приволью,
Гордясь судьбою скоморошей,
Их очи тлеют томной болью;
Занесены стези порошей.

Сереет мир в неверном свете,
Зима нам платит снежной данью,
Еретики за все в ответе:
Они приучены к страданию.

Уже не слышен шум погони,
За зло я заплачу добром:
Скорее подставляй ладони,
Вот тридцать льдинок, серебром.

5 Контркультура

Гранки успеха –
В клешнях цензуры:
Ударники цеха
Чеканят цезуры.

Мотив романса,
Сплошная скверна
От ренессанса
До постмодерна.

Сознание мглисто,
Глупость упорна:
Сон онаниста –
Кондовое порно.

Кишки наружу:
Искусство – липа.
Я плюну в лужу
Стереотипа.

Кувалдой слога,
Чтоб насладиться,
Дробить буду долго
Хребет традиций.

Жахну, при этом,
Серпом по яйцам
Святым и поэтам,
И прочим паяцам.

6 Полнолуние

Солнце смотрит волком,
Закат — как месть,
Расскажи мне толком
Зачем я есть.

Богом заклинаю
Млечный путь,
Полночь вороная,
Не дай уснуть.

Твердь небес круша,
Плывет луна,
Вся моя душа
Луной полна.

Свет сошелся клином
У звезд в плену,
Кликом журавлиным
Раскачай луну.

Птицы с небом в ссоре —
Крыльев плеск —
Я войду, как в море,
В лунный блеск.

В непролазной чаще
Млеет тьма,
Ты позволь мне чаще,
Сходить с ума.

Полыхни, зарница,
Крылом огня —
Жизнь мне только снится —
Разбуди меня.

7

Астрология для одной звезды

Мне каноны – как узда,
А вокруг – пижоны.
Почему моя звезда
Светит искаженно?

Мчит героев череда,
Им – звезда другая.
Почему моя звезда
Странно так мигает?

Сладко пахнет резеда,
Тянет гарью с фронта,
Почему моя звезда
У края горизонта?

Я посажен в жизни клеть:
Скука и невзгоды,
До моей звезды лететь
Световые годы.

Не покинуть борозды –
Вялость и усталость.
Видно, мне другой звезды
Просто не досталось.

Комплот иллюминатов

1

Ритуальные услуги

Уют бараков, скрежет славы,
Ковчег спасенья не достроив,
Мы ищем свежие забавы:
Мы выбираем антигероев.

Устроим танцы на руинах,
Юродствуй, прибыли суля,
Жируют свиньи в апельсинах,
И новый кормчий – у руля.

Мы лаптем щи не расхлебали,
Вино мы обратили в воду,
Спаситель сыт пятью хлебами
И лебезит ханжам в угоду.

Священна пошлость ритуала,
И в святцы вписаны проклятья,
Возлейте похоть из фиала,
Чтоб жизнь пустилась в пляс, без платья.

Почил Иуда под осиной,
Мы подошли вплотную к краю.
Понос и пот. Воняет псиной.
Антигероев не выбирают.

2 Рабы провидения

Где те, что зажигают свет зари,
Рисуют вечер на мольберте небосклона?
Победы мы несем на алтари,
И лишь слеза утраты безусловна.

С какой звезда упала вышины,
Чтобы растаять в призрачной зарнице?
Та музыка бездонной тишины
В какой была зачерпнута кринице?

Мы в этот мир без спроса рождены,
А наша песнь – проклятье и молитва.
Среди могил и лунной седины
Что наша жизнь – смирение или битва?

Судьба нам не прощает слабину:
Раба небес – коварная царица.
С какой любовь вздымалась глубины,
Чтоб темной болью в сердце водвориться?

Где те, что нам показывают сны,
Стреляют в нас, как по мишеням в тире,
И ловят на сияние блесны,
И выдают нам желчь за кровь в потире?

3 Крещение

Был Ной – безгрешный человек –
Крещен в потоке.
Нас зашвырнул бездушный век
В вертеп утопий.

Пусть шарлатан срывает куш
В сезон мистерий:
Долина слез для наших душ –
Лишь баптистерий.

Весна святит свои творенья
Под звон капли –
Остались грязь и вождельня
В святой купели.

Последним вздохом, судным днем
Заплатим дань
И в пропасть звездную нырнем,
Как в иордань.

4 Спираль бытия

Затхлая догма – безнравственный вирус:
Философы врут так умно и учтиво.
Символы веры – истлевший папирус,
Жреческий кодекс – бульварное чтиво.

Шел на закланье раскормленный Апис,
Вечный скиталец стоял на тору.
Выспренный жертвенник – яхонт и яспис,
Время вгрызалось в земную кору.

Повсюду монады – на суше и в водах,
Спираль мироздания порочно красива.
Войны воспеты в кантатах и в одах,
Хартия дружбы – фальшивая ксива.

Правда в опорках, а ложь – на котурнах,
В склоке погрязла веков колымага.
Молодость мира – в гробницах и урнах,
Брешь запечатана клятвами мага.

Вместе и порознь, поштучно и в купах
В рабство история нас продавала:
Мощь диалектики – заговор глупых,
Голая задница, без покрывала.

5

Окончательная утопия

Беспечный Бог черкнет стилем:
Добро помирится со злом;
Тьма полыхнет из края в край;
Я проскользну из ада в рай,
Взыскупя райского мученья
В безгрешной зоне заключенья,
Унылым взором я окину
Порочной святости картину –
Там верят в праведность всерьез,
И льются реки сладких слез.
Ступив в слезливую реку,
Себя на счастье обреку,
По райским слякотным дорогам
Пойду в обнимку с глупым Богом,
Нырну – счастливый и босой –
В купель с отравленной росой,
Посыплю раны горькой солью –
Пусть ангелы упьются болью,
Пинки любви и радость тленья
Приму с гримасой умиленья.

6 Христианство

Самозванный царь распят
Без оплошности.
Смерды радостно вопят
Оду пошлости.

Ярость бешено бурлит –
Злое варево.
Мерзкой плоти мегалит
Лижет марево.

Сплетни, в тесных теремах,
Утрамбованы.
Души мыкаться впотьмах
Завербованы.

Пшют, с порожним черпаком,
Сыт побоями.
Дьяк порхает мотыльком
Над помоями.

Ненасытный зев шахны –
В бездну лестница.
Казнокраду хоть бы хны –
Он повесится.

Мир – измышленный кошмар –
Наше логово:
Недоумки, толпы шмар –
Богу Богово.

7

Корабль мертвецов

Из мертвых ногтей,
Из кожных полос,
Из плача детей,
Из лобковых волос,
Из песен кровавых,
Из страха отцов
Построен на славу
Корабль мертвецов.

Боги достатка
Дружат с ворами,
Последняя схватка –
Не за горами.
Матросы, на шканцы,
Злость – как хореk,
Вперед, голодранцы,
Нас ждет Рагнарёк.

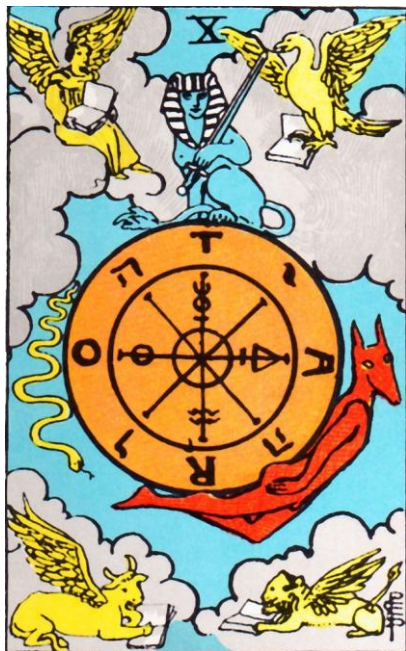
Павшим героям –
Не место в аду:
Бойню устроим,
Накличем беду.
В жилах Фафнира
Не кровь, а моча,
Тяжелая лира –
Топор палача.

Оправлена скука
В пустые глазницы:
Смерть и разлука –
Жестокие жницы.
Любовь безобразна
В утробе галеры,
Бегу я от блазна,
Как от холеры.

Не надо мне порки,
Чтоб сгинуть где-то:
Божьи разборки –
Чужая вендетта.
Я знаю их трюки,
Плевать мне на стоны,
Задраю я люки,
Открою кингстоны.

V

Китч божий

Похвала ереси

1

Симон Волхв

Сознание выплыло из мглы,
И мысли все – как на ладони,
Был разум острием иглы:
Я жил тогда в Армагеддоне.

Мой ум пылал огнем борений,
Мой храм был свят без алтаря;
Бог не испытывал сомнений,
Из слова сына сотворя.

Послал счастливые приметы
Бог нам любовно и радиво,
Я гнался за хвостом кометы,
Чтобы взглянуть на это диво.

Но сын возрос и возмужал,
Надменен стал, высокомерен,
Решил, что он – судьбы кинжал,
Был в правоте своей уверен.

Бряцал речами, как кимвал:
Под стать чадающей головне,
Он не на мудрость уповал,
Он предавался болтовне.

Уверовал он в святость тела,
Рассеял мысли в пустоте,
Его комета улетела –
Как тать распят он на кресте.

Поток событий хаотичен,
Жестокой ложью смерть поправ,
Толпой безликой возвеличен:
Кто скудоумен, тот и прав.

Кресты на каждом на углу,
Костры судьбы, пожар гонений,
Но погружая мир во мглу,
Глупцы не ведали сомнений.

В сплетениях коварных ков,
Мой ясный гений впал в немилость,
И много схлынуло веков,
Но ничего не изменилось.

Столиц громады – как нарывы:
Порок, и духа нищета,
И, сквозь неоновые взрывы,
Продажность, подлость, и тщета.

2 Плач Иринея

Вселенная втиснута в тесные рамки.
Строят схоласты воздушные замки.

Правдивое слово – секущая розга.
Ереси блажь – разжижение мозга.

Глупость навязла в зубах, как оскома.
Высшая степень смирения – кома.

Кредо воздвигнуто из бурелома.
Спины ломает сомнений солома.

Святость ложится в чужие постели.
Мы в догмах запутались, как в канители.

Изроныши веры – кормушка для врана.
Раскаяний пачка – товар для тирана.

Измерено рвенье размером кармана.
Религия – храм из дождя и тумана.

Молитв не заглушишь раскатами грома.
Зияние бездны отнюдь не плерома.

Есть благодать Христа и скорбь Иринея.
А всё остальное – лишь ахинея.

Но оба мы стали как монстры и тени
За долгие годы сплошной хуетени.

3 Вечный жид

По свету, по финифти тонкой,
Под равнодушною луной,
По кромке, с нищенской котомкой,
Кручу шагами шар земной.

Нещадно время хлещет плетью
И щедро раздает тычки,
И позади тысячелетья –
Гнилая прозелень тоски.

Я был купцом и анархистом,
Головорезом и святошей –
Пиры обрыдли в мире мгlistом,
Богатство стало тяжкой ношей.

Постыло бремя нигилизма
И смутное надежд мерцанье,
Люблю пассивность квиетизма
И непричастность созерцанья.

Спасенный Лазарь уж в могиле,
Апостолы – бледней теней,
Евангелисты – горстка пыли:
Проклятье святости прочней.

Когда кричит в восторге петел,
Я на рассвете возрождаюсь,
И мир тогда красив и светел,
Я не страдаю и не каюсь.

4 **Perturbatio aeterna**

Мир сотрясает кровавыми рознями
Пределы небес.
Юниц смущает мелкими кознями
Полуденный бес.

Творец изгоняет с запретной зоны
Матом благим.
Безумное время меняет сезоны
Один за другим.

Пугливых ангелов держит в трансе
Свет зарниц.
Часы рисуют круги в пространстве
Без границ.

Мертвое прошлое сверлит взглядом
Пустых глазниц.
Миги будущего, где-то рядом,
Падают ниц.

Древний Харон на своей переправе
Гребет веслом.
Всё, что когда-то было явью,
Станет сном.

Снег растаял, блокады прорваны
Песней цикад,
Мы теперь по разные стороны
Баррикад.

5

Просцениум добра и зла

Идеи – агнцы на закланье,
Колодцы в дьявольской глуши,
Взглянув с вершин богопознания,
Бросаться в пропасть не спеши.

Там ждут чиновники догмата:
Молитвы их – урчанье брюха,
Их церковь – детище разврата,
Охочая до денег шлюха.

Пороки сброшены в кювет.
Чтоб недруга держать в узде,
Из вечной тьмы Бог создал свет,
И воссиял, но не везде.

Все ритуалы – мишура,
Блаженных бьет святою дрожью,
Зло есть отсутствие добра:
Река, наполненная ложью.

Угодников хвастливый шум:
“Святому Духу мы потрафим,
Как только встретим светлый ум,
Сожжем его в огне анафем”.

Князь Мира грязные дела
Вершить святым дозволил чадам,
Чтоб души их в пучине зла
Разили копотью и смрадом.

6 Вселенная Василида

Середина зимы,
Снежный холод равнин,
Там затеряны мы
Средь продрогших руин.

Беспределен эфир,
Лед звенит как стекло,
Мы придумали мир,
Жить в котором тепло.

Шелест шелковых струй,
Пенный цвет бузины,
Губы жжет поцелуй –
Ритуалы весны.

Вдаль летят облака –
Там в пространстве проем,
Наша жизнь – как река,
По которой плывем.

Чаша желчи испита,
Середина зимы
В нищей келье пиита,
Где придуманы мы.

7 Wanderlust

Не как радетель или мститель,
Скажу тебе я, как Креститель,
Водой я окроплю чело,
Чтоб было на душе светло,
Прими судьбу и страх лишенья,
Изведай муки искушенья,
Пройдешь стезей тоски и боли
И обретишь свободу воли.
Сомненья порастут травой.
Настанет день сороковой.

Мои слова подобны пуху,
Внемли, мой раб, Святому Духу,
От благ земных ты отрекайся,
Поклоны бей, скорби и кайся,
Лови в страданиях наслажденья,
Познаешь весь экстаз смиренья,
Возьми всю боль в моей руке,
Там больше чем воды в реке.
Ты примешь дар мой роковой.
Так будет в день сороковой.

Меня послушай, Сатану,
Не будь у ханжества в плену,
Весь мир спасеньем заморочен,
Оставь комедию пощечин,
Наплюй на святости оброки,
Нас просвещают лишь пороки,
Ищи улады, не святыни,
Их больше чем песка в пустыне.
Пусть бесы закричат совой,
И день грядет сороковой.

Я – нищий калика, сказитель,
Тебе поведаю, как зритель,
Ты, как и все, – по жизни странник,
Ты – неудачник, не избранник,
Не доживешь ты до седин,
В толпе останешься один,
Споткнешься на святой черте,
Кулем обмякнешь на кресте,
И время выгнется дугой,
Но будет это в день другой.

Иов со своими примочками

1

В чистилище

От боли мир не станет чище,
Мне радость вылилась в обузу:
Я не в раю, я – на гноище, –
Как битый шар, скатился в лузу.

Пред Богом мы – тупые смерды,
А значит, все мы виноваты.
Бог не доступен для беседы,
Он – за пределами охвата.

Мой глохнет крик на полпути,
Мольба в небесных тонет сбоях,
Где мне посредника найти,
Чтоб мог истолковать обоих?

Едва проклюнется рассудок,
Ведет нас дьявол к перепутью,
Где грех прелестней незабудок,
И ложь струится желтой мутью.

И только в том моя вина –
Не знает правды избавитель,
Его посредник – сатана,
Опутал всех он, как повитель.

2

Из огня да в полымя

Покорность верного слуги
Бог бросил псам,
За всё пора платить долги,
Он знает сам.

Довольно Богу кутежа:
Возьму пращу,
Взметну идею мятежа
И отомщу.

Раздолье слаще калача —
Под хвост шлея,
Сегодня в роли палача —
Не Он, а я.

Подобен адскому огню
Прогресс наук,
Безверьем Бога я казню:
Умри, Паук.

Рассею мглу в его бедламе,
Рвану струну.
Из искры я раздую пламя,
В пожар шагну.

3 Натюрморт

Паяца любят шаромыжно –
Шарм бунтаря:
Не денежно, и не престижно,
И всё зазря.

Вокруг весталки и козлищи –
Сплошной курорт.
Обилие греха и пищи –
Как натюрморт.

Не воскуря всесожженья
Тупым богам,
Готовьте радости творенья
К скупым торгам.

Мессию – в долговую яму,
А мне – эскорт,
Милее злато – скажем прямо –
Чем натюрморт.

Молитесь лживому пророку,
Играйте туш.
Нет нам на этом свете проку
От мертвых душ.

Они отправлены с комфортом
В страну теней.
Я тоже стану натюрмортом
В пустыне дней.

4

Дифракция чувств

Ночь носит лунные одежды,
Сон запечатан сургучом,
Но утро сомкнутые вежды
Пугливым трогает лучом.

Туманных сказок вереницы
Летят, цепляясь за плетень,
Хоронится на дне криницы
То, из чего Бог создал тень.

Скрежещет время тормозами,
В аду построены больницы,
Стень миражей перед глазами,
Коснулся блик ресниц денницы.

Я криком клятвы не нарушу,
Всё завертелось, как крутень,
Когда в мою прокралось душу
То, из чего Бог создал тень.

Покой – тоска, война – потеха,
Реальность расползлась на швах,
И ложь пророчеств, словно эхо,
В пустых грохочет головах.

Конца нет язвам и тиранам,
Во мраке сгинет этот день,
Ползет по городам и странам
То, из чего Бог создал тень.

5 Бледная спирохета

Бравурная музыка стонет мулом
В моих ушах,
Наполнены головы медным гулом:
В небе – крах.

Черпает мудрость бесполое знанья
Из глубин.
Для юных сердец закон желанья –
Рев турбин.

Палящим ветром налитаны чрева
Влюбленных сих,
Извели тайну Адам и Ева:
Дьявол – псих.

Щемящим страхом насыщены души
Набожных дев,
В молитве руки ломают кликуши,
К небу воздев.

Святым импотентам греховного зуда
Не расколоть.
Награда за сладость любви и блуда –
Гнилая плоть.

Вписан недуг в платежный папирус,
Бог – микроб:
Милость Его – смертельный вирус,
Вера – гроб.

6 Среди сомнамбул

Бог незримо кудесит со сцены,
Автоматы поднялись в цене:
Ходят днем, натываясь на стены,
Но отважно гуляют во сне.

Без занудства тоскливых преамбул:
Жизнь – мелодия пошлой шарманки,
Быть неспящим в мире сомнамбул –
Как проникнуть в тайну с изнанки.

Тянет злом из глубин буераков,
Усыпленным не ведома спесь,
В суете зачумленных бараков
Горек хлеб, вкушаемый днесь.

Из луной переполненных амфор
Параноя в мой череп вползла,
Не осмыслить мне божьих метафор:
Разум есть удаление от зла.

7 Седьмая язва

Совсем ошалев от собственной дури,
Бог появился вихрем из бури:

“Что ты скулишь, бестолковое чадо?
С такими друзьями – врагов не надо.

Сотрите ухмылки с разбитых сусал,
Дебилам молитву не я прописал.

У смерти голодной прожорлива пасть,
Увяз коготок – всей птичке пропасть.

Ткань бытия для меня – парусина:
Каков хозяин – такая и псина.

Лихая судьбина легка на помине,
Плохая игра – при хорошей мине.

Снова ты хочешь жизни погожей,
В рай не пролезешь с раскормленной рожей.

Твои соплеменники – стадо баранов,
Помни, на саванах нет карманов.

Мстителен я, ревнив и тщеславен:
Какая собака – таков и хозяин”.

Бог разошелся и квохчет как кочет,
Шесть язв миновало – седьмая проскочит.

Перевоспитание чувств

$\overset{1}{X + Y}$

Ты говорила, что страдала,
Что все на свете повидала,
Что разум сердце не разбудит,
Нет в жизни счастья – и не будет.

Мы – пара мнимых величин
В сплетеньях следствий и причин,
Нас сократят без сожаленья,
Когда продолжат вычисления.

Ты тихой нежностью блистала,
Ты чувства все перелистала;
Пора устроить выходной –
Дай отдохнуть душе больной.

Стакан, наполненный вином:
Все в мире просто – как бином.
Все идеалы, все мечты –
Предвосхищение пустоты.

Ты говорила, что устала,
Что все на свете испытала,
Что все равно конец один –
Холодный блеск небесных льдин.

2 Правила арифметики

Балласт тупых нравоучений,
Потоки жалких злоключений,
Бездумных ссор среди весны,
Печаль в криницах тишины,
Свой лик в надтреснутых зеркалах,
Тоску в недопитых бокалах,
Тщеты беспечный урожай
Не умножай.
Вечерний звон на склоне дня,
Свет очага, тепло огня,
Колючих звезд прикосновенья,
Ветров полночных дуновенья,
Последнюю краюху хлеба,
Глоток расплавленного неба,
Мираж, растаявший в дали,
Ты раздели.
В лугах цветов благоуханья,
Морей тревожного дыханья,
Несмелых ласк в укромных куцах,
Надежды проблеск у живущих,
Оттенков из лучей рассвета,
Слов из священного завета,
Из утра щебет птичьих стай
Не вычитай.
Цветные сны в конце эпохи,
Любви превратности и вздохи,
Усладу юности твоей,
Песнь, что поведал соловей,
Аккорды музыки нетленной,
Седую вечность из вселенной,
Сиянье васильков во ржи
В душе сложи.

3 Ода ненависти

Мы навсегда разобщены –
Для примиренья вышли сроки.
Я презираю ваши сны,
Мы в одиночестве – жестоки.

Моя тоска – стена глухая,
Забудьте ароматы розы,
Что, средь весны благоухая,
Увяла от бездушной прозы.

Поник бутон, потухли взоры,
И упорхнула мыслью стая:
Судьба – сплошные коридоры,
Я рву мгновенья, не читая.

В мои надежды вбита свая,
Я никуда не уплыву.
Гори, душа пороховая,
Пылай, как будто наяву.

Сломали мачты кораблю,
Вы чувства обратили в жижу,
Я подлость вашу не люблю,
Я вашу святость ненавижу.

4 Шило в мешке

Чтобы развеять предвечную скуку,
Бог порешил: “Я уставы порушу”.
Слепил Он из глины забавных кукол,
С теплым дыханьем вселил в них душу.

Но что создаем мы, то и имеем,
Бог ошарашен, у Бога – обида:
Ангел коварный, прикинувшись змеем,
С яблоком райским всучил им либидо.

Невинные куклы познали соблазны,
Пороки, и стыд, и нежность касанья,
Но стали пристойны и сообразны,
Напялив из листьев опоясання.

Будто на рану насыпали соли,
Злоба вскипает в густом отваре,
Бога тошнит от свободы воли,
Что проявляют мятежные твари.

Богу противны чужие дерзанья,
Их вышвырнул вон: никаких репараций –
Так приключился обряд обрезастья,
Первый, в ряду ритуальных кастраций.

5 Куртизанская война

Не нужно им званий, не надо имен,
Мир без любви непорочен, но жалок,
Бушует, от самых истоков времен,
Смертельная схватка гетер и весталок.

Похоти трасса – опасный маршрут,
Жаркая плоть – осажденный замок,
Безумно влюбленных в плен не берут
В войне амазонок и куртизанок.

Мысли смиренно сидят по окопам,
Разнуздано тело, а разум кроток,
Чувства в атаку летят всем скопом
В бою суфразисток и юных кокоток.

Не зря Дионис на любовь уповал:
Ни звона железа, ни грохота пушек,
Бонтонные сплетни разят наповал
В священной битве мышей и лягушек.

6 **Река времени**

Печаль и горе. Битва без конца.
Пустые дни. Разбитые сердца.

Мечты пылятся на забытой полке,
Мы целый мир меняем на осколки.

Одежды вечности – небесная парча,
Любовь последняя – как робкая свеча.

Тоска и скука. Сказка мудреца.
Благие дни. Порочные сердца.

Звенит в ушах, как будто воют волки.
Что наша жизнь? Молва и недомолвки.

Клевреты времени на помощь кличут зиму,
Мгновенья кружатся и падают незримо.

Родник в пустыне. Прихоти творца.
Балласт веков. Порожние сердца.

7

Вселенная неприснившихся снов

Ты пришла из волшебного мира,
Из страны неприснившихся снов,
Соткан образ из нитей эфира,
Ты – как книга несказанных слов.

Я хочу, чтобы вместе мы слились,
Ты идешь, и долог твой путь,
Эти сны мне еще не приснились,
Но приснятся когда-нибудь.

Я один под бездонным небом,
Ночь темна, но не в этом суть,
Вижу грезы о том, где я не был,
Явь – как порох, а сны – как ртуть.

Ты идешь, мою жизнь содрогая,
Потрясая твердыни основ,
Я реален, а ты – другая,
Из страны неприснившихся снов.

Сношения Еноха с Богом

1

Скарабей, катящий сферу вечности

Пусть супостат грохочет медью –
Заштатный враль,
Он высь наре́к небесной твердью,
Эфир – спираль.

Ночь выдает – за мерой меру –
Елей густой,
В эфире пламя движет сферу,
Я – в сфере той.

Тревожна радость новоселья
В хрустальный шар:
Здесь нет ни жизни, ни веселья,
Лишь звездный жар.

Сонм ангелов огнистых кружит,
Их – эшелон,
Они беснуются снаружи,
Я взят в полон.

Страшны бесовские режимы –
Тоска и жуть,
Злым духом души одержимы,
И в этом суть.

2 Сад истины

Паноптикум небесной славы,
Обитель змея,
Здесь вертограды и дубравы
Стоят неменя.

Отсюда Бог изгнал детей,
Весна молчала,
Здесь – перекрестье всех путей
И все начала.

Земных стихий коловращенья
И дней седмица,
До века часа очищенья
Ждет душ криница.

Колодезь проклятых и падших,
Нагих теней,
Не искупить им дел вчерашних,
Грехи сильней.

Они не ведают догмата,
Им повезло,
Здесь были познаны когда-то
Добро и зло.

3 Прикладная ангелология

В сердце свет весны,
А в душе раскол,
Будто длань сатаны
Била в колокол.

Мертвых дней оскал,
Где сирень цвела,
Я в грязи сыскал
Крылья ангела.

Мне бы трепет луны,
Мне бы ангела стать,
Я, под звон тишины,
Научился летать.

Близок неба предел,
Сзади звезд стена,
Я почти долетел,
Но очнулся от сна.

Мне не счесть потерь,
Ночь вокруг – смола.
Кто там носит теперь
Крылья ангела?

4

Заоблачные кулуары

Забыть заботы и тревоги,
Избавиться от доли пресной,
Зовет в хрустальные чертоги
Хранитель мудрости небесной.

Ведет созвездий анфилада
По полустанкам и перронам,
Пусть грянет звездная рулада,
Когда я стану Метатроном.

Архангелов порхают сонмы,
Там каждый мазан звездным миром,
Мгновенья жизни невесомы,
Нальюсь сияньем и эфиром.

Поймаю мудрость налету,
Скитаясь в космосе огромном,
Иную сущность обрету,
Когда я стану Метатроном.

Вселенский двор неповторим
С семьей небесными дворцами,
Навстречу выйдет серафим,
Мы обменяемся сердцами.

5 Герметический разум

Сновиденья крою,
Я себя не найду,
Я потерян в раю,
Заплутался в аду.

Я парил, как орёл,
Над орнаментом скал,
Я крамолу обрёл,
Там где мудрость искал.

У истока всех вод
Я исчерпал лимит.
Знаний пагубных свод
Тайной душу томит.

Крылья я опалил
У фонтанов огня.
Плещет пеной белил
Утро судного дня.

Я туманы пряду,
Я в загробном строю,
Я потерян в аду,
Заблудился в раю.

6

Смарагдовая скрижаль

Горé я устремляю взор
Иль опускаю очи долу –
Единый вижу я узор,
Всё ту же прозреваю школу.

Струится свет из лунных урн,
Звезд изумруды – в складках фетра,
Свивает вздохи ночь в ноктюрн,
Истома зреет в чреве ветра.

Огонь заката, кровь зари –
Всё из единого истока,
Существованье не пари,
А бремя тяжкое оброка.

Вся праведность и все грехи,
Порядок весь и все стихии,
Вся проза жизни, все стихи,
Весь мир во власти энтропии.

7 Небесный абстракт

Пойдут все чудеса ко дну,
Начнется буря,
Отважно в небеса нырну,
Глаза зажмурия.

В шато астрального вождя
Ветров и града,
Почив в хранилище дождя,
Душа не рада.

Тьма запустенья не финал,
Сны суть плерома,
Блескучих молний арсенал,
Горнила грома.

Готовы огненные кузни
Ковать знаменья,
Я прозябаю здесь, как узник
Долготерпенья.

Мечтал я жажду утолить
Грозой кипучей,
Я мудрость силился излить,
Но мысли – кучей.

Hell Regained

1 Одесную Бога

Песнь поет серафим,
Ночь лелеет звезду,
Мы сегодня не спим,
Мы в эдемском саду.
Поздний ужин готов,
Мы пируем вдвоем,
Перезрелых плодов,
С древа жизни не рвем.
Сладок райский интим,
Звезды пляшут в пруду,
Мы как будто летим,
Мы в эдемском саду.
Выбрав древо познания,
Мы изведем боль,
В жалком фарсе изгнания
Мы играть будем роль.
Все плывет как в бреду,
Этот мир постижим,
Мы в эдемском саду,
Мы отсюда сбежим.
Брызги счастья лови,
Время точит ножи,
Мы лишимся любви,
Мы погрозим во лжи.
Я печаль стерегу,
Время кличет беду,
Мы уснем на лугу,
А очнемся в аду.

2 Проснись, Алиса

Алисе снова снится сон,
И образ выжжен, как тавро:
Во власти козырных персон
Мир стал арканами таро.

Тупые, бешеные морды,
Восход проколот вертикалью,
И необузданные орды
Мчат по кривому зазеркалью.

*Когда Алиса станет взрослой,
Чтоб вжаться в рамки конформизма,
Сны – пережиток солипсизма –
Сотрет она, за слоем слой.*

Плывет туман кровавой взвесью,
Овеян сумрак сединой,
Луна в стеклянном поднебесье –
Ничто не вечно под луной.

Инкубы мутят в море воду,
Кошмар им тесен, как кессон,
И рвутся монстры на свободу...
Алисе просто снится сон.

3 Страшный суд

Вечная память – печальный исток,
Сбросила осень последний листок.

Сочувствие слабым – забытый обычай,
Боги проснулись и делят добычу.

Запах заката томительно сладок,
Схлынули чувства, оставив осадок.

Надежды и страхи умрут постепенно,
Вздымаются страсти, как мыльная пена.

Интриги украшены праведным гневом,
Пора выбирать между небом и хлебом.

Разбилось светило на мелкие блики,
Держава распалась на касты и клики.

Догма одета в парадный мундир,
Перст судии указывает в надир.

Вздыбленный разум клокочет цунами,
Счастливый Спаситель торгует слонами.

4

Alpdrücken

Есть в мире вера,
И есть поверья:
Ладан и сера;
Хлопну дверью.

Рдеет дурман
В закате багряном,
Шагну я в туман
И стану туманом.

Алмазное жито
Астральных гнезд –
Небо умыто
Дождем из звезд.

За жизнь в ответе
Жнец с косой,
Я на рассвете
Прольюсь росой.

Схизма, как трут,
Воспаляет раздумья,
Эльфы плетут
Паутину безумья.

Проходит парадом
Грез череда,
Я выпаду градом —
Кристаллами льда.

Все пажити в пене
Анютиных глазок,
А я на арене
Прячусь от сказок.

Если кошмаром
Мы разум поборем,
Напьюсь я жаром
И вздыблюсь морем.

5

Тысячелетнее царство

В неизвестное мчится поезд,
Будто кто-то читает повесть.

В поле пугала – словно распятъ,
Ночь свои распахнула объятья.

Там лежит заповедное счастье –
Снова целое станет частью.

Лес тоски – оголенные прутья,
Путь мой прям: позади перепутья.

В лужах плещутся неба останки,
Мимо – помыслы и полустанки.

С перепуга кумиры сбежали,
Проводник мне подарит скрижали.

Во вселенной – застой и упадок,
Вкус победы противен и гадок.

В храмах ангелы слушают эхо,
Страх и скука – значит приехал.

6 Война с иллюзиями

Осень долго плевалась дождем,
Мир раскис, как кисель.
Мы от Бога спасенья не ждем:
Наша жизнь – карусель.

Разбежались по свету пути,
Небо тонет в грязи.
Искупления нам не найти –
Ни вдали, ни вблизи.

Будто с неба украли луну,
В душу хлынула тьма.
Ночь отчаянно пьет тишину,
Не сойти бы с ума.

Перед Богом я в вечном долгу,
Я у осени в вечном плену,
Я из жизни своей убегу –
Дай мне сил разорвать плену.

Ошую сатаны

Ад похож на подвал,
Или узкий пенал,
Может, просто дыра.
Бог меня миловал,
Бог меня пеленал —
Было будто вчера.

Боль стегает, как плеть,
Вьется времени нить,
Тает воском свечи.
Ничего не жалеть,
Никого не винить,
Раствориться в ночи.

Жизнь — дремота во тьме,
Или поиск зари,
Или просто игра?
Сам себе на уме,
Заключил Бог пари:
Это всё — мишура.

Богу нужен фасад,
Его руки в крови,
Он коварен, как тать.
Бог низверг меня в ад,
Без надежд и любви,
И заставил роптать.

Ад похож на вокзал,
Или сточный канал,
Просто сучья нора.
Бог меня истязал,
Бог меня проклинал —
Возвращаться пора.

Пряники для Иезекииля

1

Изобретение колеса

Бог не хочет общаться внятно
С таким, как ты:
Звуки бреда, цветные пятна –
Из пустоты.

Соткан из радуг и паранойи
Провидцев дух,
Здравый смысл разбили изгои
В прах и пух.

Небесных скотов огневые лики,
Где воздух стыл.
Вере слепой не нужны улики,
Ей нужен пыл.

Сонмы глаз с летящих ободьев
Сверлят в упор:
Мчат офанимы без поводьев
Во весь опор.

Копья мысли – кривые слегии:
Херня и муть,
Яхве ангелы везут в телеге
В последний путь.

Твердость базальта, рыхлость лёсса,
Песок пустынь:
Виденья Бога – сплошные колеса,
Теперь остынь.

2 Хлеб изгнания

Злопыхатели мажут сажей –
Не верь молве.
Всё, что надо, тебе расскажут
Голоса в голове.

Яства Бога питают разум,
Как флогистон,
А отступников ждет маразм,
И плач, и стон.

Мысль вонзает осиные жала
И зубы кобр,
Божья кара острее кинжала:
Он мудр и добр.

Ты напуган: глаза – как плошки,
И нищ, и наг,
Будешь жрать коровьи лепешки,
Как копрофаг.

3

Человек с прибором писца

Он верен помыслам творца,
И честно служит он идее,
Предъявит он прибор писца,
Он всех мудрее.

И пусть извилист путь господень,
Свернуть с пути ему претит,
Он знает, что богоугоден
Лишь тот, кто чтит.

Он тайные прозреет зраки,
Всю подноготную и гиль,
На избранных поставит знаки,
Отсеет гниль.

Дрожит трусливая орава,
Нешадно он клеймит сердца,
Ему дает на это право
Прибор писца.

4

Четыре края земли

Вне дома – блажь, а в доме – мир,
Но мысли наши безобразны.
В хоромах – тишь, на воле – вир,
Но там – свобода и соблазны.

Вне дома – грязь, а в доме – сор,
Все наши боги – истуканы.
Поет хвалы распутный хор,
Набиты золотом карманы.

Вне дома – мга, а в доме – пир,
Купивший пьет, продавший плачет.
Бряцанье меди, дребезг лир:
Бог мир в войну переиначит.

Вне дома – меч, а в доме – мор,
Царит разгул резни и порчи,
Крадется пагуба, как вор,
И сеет паралич и корчи.

5 Котел с мясом

Рождение солнца – дня отёл,
Мне небо – ряса,
Ваш блудный город – мой котёл,
А вы – лишь мясо.

Пророки падки на скандал,
Визжат кликуши,
Напрасно, видно, я вам дал,
Глаза и уши.

По всем майданам – брань и ор,
Брехать повадно,
Борзеют псы во весь опор,
Глумятся стадно.

Марает борзописец вязью,
Вахлак дерзит,
Стена, обмазанная грязью,
Не устоит.

Во мгле торчит луны кочан,
Все – лоботрясы,
Мой мир – бурлящий злобой чан,
А вы в нём – мясо.

6

На поле, полном костей

Наши дни отступают в былое,
Наши боги к другим благосклонны,
Скачут бесы вокруг аналая,
И абстракцией стали иконы.

Лунный блик на развалинах храма,
Обнимает надгробья повитель,
Жизнь – давно отшумевшая драма,
Есть у мертвых другая обитель.

Над погостом, с хлипкого прясла,
Нам щебечет счастливая птица,
Листья жухлые – наши увясла,
Наша память – пригоршня праха.

Мы – лишь пепел мятежного духа,
Отголосок остывшего зноя,
Запустенье царит и поруха,
Наши души стремятся в иное.

И днесь, и присно

Им мирволят в верхах,
Им не жить впопыхах,
Их подруги – в мехах;
Ну, а мы – в грехах.

*Испито море
Устами лести,
У Бога горе –
Бойся мести.*

Все они при делах,
Их лелеет Аллах,
Веселит на балах;
Ну, а мы – в кандалах.

*Залог от порчи –
Ума палаты,
У Бога корчи –
Жди расплаты.*

Их товары – в цене,
Им рисует Моне,
Они тонут в вине;
Ну, а мы – в говне.

*Базарит громко,
Мысли убоги,
У Бога ломка –
Делай ноги.*

Соло на камертоне

1

Горящие ноты

Ты бродила одна по песку,
Песню моря слушал туман,
А закат был похож на реку,
Что течет из неведомых стран.

Я стоял на отвесном яру,
Я вонзал свою боль в тишину,
Птицы пляшут на звездном юру,
А тоска обрывает струну.

Пишут ноты во мгле светлячки,
Наша музыка – сладостный стон,
Вечер нам расширяет зрачки,
Пряный ветер – любви камертон.

Этот мир – наш укромный альков,
Эта ночь – наша добрая мать,
Мы ловили в снах мотыльков,
Только, жаль, не сумели поймать.

2

Люминесценция

Сладок разума сон, мы в плену тишины,
Небо плачет росой, ночи болью пьяны,
Бесконечен ноктюрн, нет на радость цены:
Время полной луны.

Мы явились на свет, мы во тьму рождены,
Ищет юность услад, мудрость – рок седины,
Соткан мир из цветов и флюидов весны:
Время полной луны.

Сны сжигают в кострах, их казнят без вины,
Ярок огненный нимб, пепелища черны,
Катит ветер во мглу облаков валуны:
Время полной луны.

Нет у ангелов душ, чувства им не нужны,
Стон исполнен тоски, расставанья нежны,
Тонет в скорби печаль, и мосты сожжены:
Время полной луны.

3 Плач на расстанях

Этот мир – кудель наших судеб:
Время вьет бесконечную нить,
Бог хитёр, а черт безрассуден,
От беды кто нас будет хранить?

Мы уже подошли к перепутью:
Наша жизнь – во главе угла,
Брызжет небо расплеснутой ртутью,
И сгущается сизая мгла.

Позади миражи и рассветы,
Впереди – непроглядная ночь,
И пути, сквозь печаль и наветы,
Убегают стремительно прочь.

Где-то там – потаенное счастье,
И уносится время вперед,
И нам хочется тоже умчаться,
Но тот поезд пассажиров не берет.

4 Диссонанс

Жизнь рисуют не кистью —
Пишут болью тревог,
Наши поиски истин
Стали пылью дорог.

Я свободе доверюсь,
Я не помню основ,
Наша шаткая ересь
Станет пеплом костров.

Смолкнут звуки ловитвы,
Ночь истлеет в углях,
И все наши молитвы
Станут ветром в полях.

Век бушует с размахом,
То в слезах, то шая,
Наша плоть станет прахом,
Будет пухом земля.

5 Стаккато

Мы прощали обиды,
Это было давно,
Испарились флюиды,
Расплескалось вино.

Нам в юдоли печали
Не прожить без потерь –
Мы теряли вначале,
Мы теряем теперь.

Не помогут заклатья,
Каждый миг – западня,
Распахнулись объятья
За пределами дня.

Раскололись скрижали,
Дни повернуты вспять,
Мы от жизни бежали,
Убегаем опять.

6 Под знаком бекара

Ветер странствий не слишком жесток,
Жизнь слагает мгновенья в часы,
Мы порхаем с цветка на цветок,
Наслаждаясь нектаром росы.

Свет дрожащий огарка свечи
Всех скликает, кто так одинок,
И танцуют в смертельной ночи,
Те кого обманул огонек.

Место встречи назначим поздней,
Там где бьют ледяные ключи,
И в безумном сиянии дней
Распадается свет на лучи.

Просыпается боль по весне,
И ловцов не исчислена рать,
Мы лишь снимся кому-то во сне,
Нас никто не сумеет поймать.

7 Totentanz

Чтоб не обжечь бездумных мотыльков,
Ты по ночам не запалай лучины.
Не бойся ни свободы, ни оков
И не ищи ни смысла, ни причины.

Когда стоишь над пропастью вселенной,
И некуда последний сделать шаг,
Так мотылек, души твоей нетленной,
Готов порхнуть в кромешный этот мрак.

Еще, быть может, брезжит светоч веры,
И музыка тревожная звучит,
Но ждут в засаде алчные химеры,
И бесы затаились там, в ночи.

Их вой голодный льётся прямо в уши,
И звездам в этом мраке не цвести,
И пляшут в исступлении наши души,
Надеясь в танце радость обрести.

Так музыка рыдает под сурдину,
Взывая к нам из глубины веков,
По вечерам не зажигай лучину,
Чтоб не смутить наивных мотыльков.

VI

Полуправда в предпоследней инстанции

Вспомоществование сказочникам

1

Сотворение Пиноккио

На пригорке сидели придурки,
Предаваясь куренью махорки,
И метали в канаву окурки.
Папа Карло кемарил в каморке.

Донеслись вдруг печальные всхлипы –
У печи запищало полено,
Вот я вырублю куклу из липы,
Вырву душу из тесного плена.

Красота! Ни сучков, ни задорин,
Шевелюра – из бархатных стружек,
Будет отрок умен и проворен –
Образец для друзей и подружек.

Корчит кукла поганые рожи,
И гуманный прожект под вопросом:
“Добродетель меня не тревожит,
Старый плут, ты останешься с носом”.

Неотесанный липовый голем
Не витает среди облаков:
“Придурь – акт изъявления воли,
Я уеду в страну дураков”.

2 Городская Дюймовочка

Ветер листья швыряет, будто сорит деньгами,
Столб понурился, как постовой,
Мимо датая девочка пишет кривыми ногами
По раздолбанной в хлам мостовой.

Ей под ноги, так щедро, дорога бросала ухабы,
Грязь стелилась раскисшей халвой,
А навстречу жеманно хилили протухшие жабы,
Квёлый крот выползал, чуть живой.

Дождь на хилого фраера брызгал слезами,
И обдолбанный чахлой травой,
Он с похмелья заплывшими лупал глазами,
Оловянной крутя головой.

Отходняк и дубарь, и нет с похотью слада,
Вечер тащится, словно хромой,
Профурсетка бухая – вертопраху улада,
Он со шмарой канает домой.

3 Барышня и хулиган

Ночь становилась на колени,
Луна качала головой,
С душою, сотканной из тени,
Он шел дорогою кривой.

Коты в кустах крутили шашни,
Ночь раскалялась добела,
Принц замер у подножья башни,
В той башне барышня спала.

Взмыл витязь по косе девицы,
Что та спустила из окна,
Красавица в своей темнице,
Ночь коротала не одна.

Наутро ведьма заявила,
Блудницу выгнала взашей,
И впала барышня в немилость,
В прическе наплодила вшей.

Утешился он долей серой,
Забыл амурные дела,
Пацан остался жить с мегерой,
Рапунцель двойню родила.

4 Сказочные домохозяйки

“Ночь нас застигла – не видно ни зги,
Мы заночуем у Бабы-Яги”.
Чтоб пришлым повадно было и впредь,
Тащит старуха скоромную снедь.

“В похлебке какие-то странные кости,
Что там за ящик стоит на помосте?”
“Кума спозаранку страдала с похмелья,
Хватила стопарь молодильного зелья,

Стала пригожей – звезда во лбу,
Её похоронят в хрустальном гробу,
Добавится титул ей, к славе вящей,
Её нарекут Красавицей Спящей,

Приедут послы из-за дальних морей,
Все некрофилы – в очередь к ней.
Скоро к нам в гости прибудет Кощей,
Царевна Лягушка наварит щей,

Он импотенцию снял мандрагорой,
Будет надежной в семье опорой.
Жениться давно бобылю пора,
Любит он кашу – из топора.

Рыцарь намедни меня навещал –
Долго паршивец в сенах верещал.
Хотите отведать тестикул пару?
Прямо из печки. С пылу, с жару...”

5 Из жизни ботаников

Сопрели все бобы в мешках –
Лишь гниль да муть,
Знать толк в вершках и корешках –
Вот жизни суть.

Трещат по швам семьи укрепления –
Голодный бунт,
И дед бросает семя репы
В подзольный грунт.

Но репке требуется помощь –
Всё так непросто,
И дед ширяет нежный овощ
Гормоном роста.

И выпер корнеплод на славу –
Почти что с дом,
Позвали внученьку-шалаву
Помочь трудом.

Жрут пареную репу ложкой,
Но дело швах,
Дристали даже мышка с кошкой
В своих углах.

Отныне дедов лик отмечен
Тоской иконной,
И он теперь увековечен
Статуей конной.

Без определенного места жительства

Под сердцем колотьё, и ломит бок –
Такой старуха стала недотрогой,
И бабка замесила колобок,
Чтоб ей и деду был он в старости подмогой.

“Кататься буду я, как в масле сыр,
Передо мной открыты все дороги,
Мечтаю я изведать мир и пир”.
Чуть подрумянился пострел и сделал ноги.

Едва он вышел, повстречал барана,
Тот из-за пазухи достал чекушку,
И колобок умаслил ветерана,
И спел ему похабную частушку.

Лиса навстречу – статная девица:
Лахудр смущаться молодцу негоже,
Но наградила трипаком лисица,
И лис ревнивый дал ему по роже.

Он на опушке повстречал козла,
И долго с ним козел базлал по фене,
Смотри, куда тебя кривая завезла,
Козел его поставил на колени.

Оплеванный, в соплях и синяках,
Катался он без масла по задворкам,
Он весь издрог, сквозняк в его кишках,
И рад он был обноскам и опоркам.

В умат задроченный по свету колесил,
Харкал он кровью, выл осиротело,
И даже ползать не осталось сил,
Он кис и чах, пока свинья не съела.

7 **Ménage à trois**

Пузырь, соломина и лапоть,
В глухих краях,
Хотят лобзать, лизать и лапать,
Жить на паях.

Пузырь очнулся с перепоя,
Светя фингалом,
Сдалась соломина без боя...
Ржут всем кагалом.

Борзует кодла до полночи:
Секс до упада,
Соломина приколы мочит,
Нет с нею слада.

Пузырь раздулся от бухла
И лопнул сдуру,
И в гроб соломина легла,
Блюдя фигуру.

А лапоть не хлебает щи
И квасит в меру,
Его теперь ищи-свищи...
Вершит карьеру.

На самом дне декаданса

1

Вознесение

Отринуто навеки всё земное,
Душа стремится в сумрак, в никуда,
Туман пронизан холодом покоя,
И день полупрозрачен, как слюда.

Овеян вечер сном отдохновенья,
В глазах весны – печаль и чистота,
Не слышно шума, замерли мгновенья,
Забыты скука дней и суета.

Безумие осталось в мире тленья,
Разбиты все скрижали и оковы,
Фантомам не нужны благословенья,
Не остановят их ни двери, ни засовы.

Промчусь я по спирали мирозданья,
Минуя все кордоны и посты,
Из темноты бездонного зиянья
В сияющую бездну пустоты.

2 Вертоград вожделений

Хрустальный склеп, оранжерея,
Пристанище греха и страсти,
Там сладострастники, жирея,
Живут в плену порочной сласти.

Кутят мздоимцы и обжоры,
Кто злато прёт, кто землянику,
На искушенья девы споры,
Их чистота подобна блику.

Прелюбодеи и повесы
Хранят избыток чувств в потирах,
Певцы, вульгарного замеса,
Им услаждают слух на лирах.

Монархи сбросили покровы,
От неги роковой сгорая,
Их уды яростно багровы...
Невинность не познает рая.

3 Буйвище абсолюта

Художники, возьмитесь за пастели –
Такие бледные цветы на божьей нивке,
Мы с жизнью расставаться не хотели –
Пусть с бренности поэты снимут сливки.

Бездонность ночи выше разуменья,
И не наполнить пропасть ту словами,
Года ползут, проносятся мгновенья,
Так вороны кружат над головами.

Но безразличны времени извивы
Почившим в элегическом покое,
Склонились низко плачущие ивы,
И далеко осталось всё мирское.

Забудет вечность образ беспечальный:
Бег времени в кромешность устремлён,
Основа мира – призрак безначальный,
Путь в бесконечность стелется, как лён.

4

Кокон шелкопряда

Свит микрокосм из нежной паутины –
Изысканный шедевр метаболизма,
Роскошней чем любые палантины,
Уютный кокон – крипта солипсизма.

Внутри витают тонкие флюиды,
Эфирно эфемерна и ранима
Загадка жизни в храме хризалиды:
Искра любви – вселенская анима.

Какие хризалиде снятся сны?
Ей не нужны абстрактные сужденья.
Хотя пути природы неясны,
Неотвратим закон перерожденья.

Не терпят жизни таинства вторженья,
На всё природа мудрый даст ответ.
Закончен дивный труд преображенья,
Дверь распахнулась в лучезарный свет.

5 В лабиринтах

Иная музыка печальна, как разлука,
Чаруют ноты, терции и квинты,
Я отдыхаю в лабиринте звука,
Но в мире есть другие лабиринты.

Корабль уплыл – видна одна корма,
Над морем тучи грозные нависли,
Но из тенёт спасет игра ума,
И я блуждаю в лабиринтах мысли.

В фантазии мне дорог каждый миг,
Сюжеты там извилисты, как реки,
Я заплутаюсь в лабиринтах книг –
В далекий путь зовут библиотеки.

Ночь завлекает в лабиринты снов,
Куда ни повернешь, кругом измена,
Всё призрачно и зыбко, без основ,
Но пробуждение выведет из плена.

Но есть еще безумья лабиринт:
Когда втолкнет туда судьбы причуда
И наглухо потом затянет винт,
То никому не выбраться оттуда.

6 Аллея иллюзий

Мне кажется, что просто я гуляю,
И день летит, весенний свет струя,
Всё то, что позади я оставляю,
На самом деле, — лента бытия.

Поток страстей и томных ритуалов,
И даже ветер рад поре погожей,
Любовь сквозит из колдовских фиалов,
А я — то созерцатель, то прохожий.

Дни прошлого спрессованы в брикеты,
А будущее — серия побудок,
Огни любви — волшебные букеты,
Как голубой костер из незабудок.

Так сердце бешено колотится в груди —
Я счастье то налью, то снова вылью,
Всё то, что я оставлю позади,
Назавтра станет просто звездной пылью.

7 Точка схода

Пределы жизни – временный контракт,
Сознание все требует отсрочку,
Когда рисуешь вдаль бегущий тракт,
Пространство жаждет устремиться в точку.

К своим высоким чаяньям прильни,
Путь освещает мнимая свобода,
Бегут в безмерность будущего дни,
Но где-то впереди есть точка схода.

Напрасны были поиски улик,
Плетется старец, временем согбенный,
Однажды точка превратится в блик,
А может, вспыхнет заревом вселенной.

Святые и угодники исконны:
Небесный атлас – их прерогатива,
Они малюют плоские иконы,
Чужда иконописцам перспектива.

Во власти символов

1 Пиано

Давал закат безмолвия обет,
А сумерки творили заклинанья,
Струился воздух, сладкий как шербет,
Ночь отмыкала двери подсознанья.

Несут верховной жрицы паланкин
За синий бархат звездного подзора,
Там ждет любовь – безумный арлекин:
Не знает страсть ни страха, ни позора.

Кружатся тени, в праведность не веря,
День запечатан томным поцелуем,
Любовный пир не тайная вечеря,
Рассвет для каждой ночи неминуем.

Напрасно девы каются, греша,
Приятней, чем молений глупый лепет,
Богине тихий шелест камыша
И раненых сердец чуть слышный трепет.

2 Утопия

Кропали ангелы изветы –
Им заплатили из казны.
Поблекли времени приметы –
Все пустообрёхи казнены.

Сварили черти панацею:
Их варево мозги прочистит,
А патриарх толкнул рацею,
Там что ни слово – то эпитет.

В умах заштопаны прорехи,
Синапсы злом опалены,
Дал филантроп всем на орехи,
Творцы объелись белены.

На глупость списаны излишки,
Все казнокрады прощены,
Монарх усоп, верша делишки,
Целебна благодать тишины.

3 Белое

Готовится к прорыву новый день,
И пьёт заря туман, как молоко,
И будут править миром свет и тень,
И радость вознесется высоко.

С рассветом обнажаются контрасты:
И даже счастье боли не помеха,
Мир поделён на кланы и на касты –
Одним надсада, а другим потеха.

Кружатся думы, будто в бальном танце,
Правители ленивы и лукавы,
Презрели жизнь суровые повстанцы,
И мчатся в бой мятежные оравы.

Пируют гладко выбритые бесы,
А ангелы похабны и грязны,
Спит демиург за таинством завесы,
Один среди туманной белизны.

4 Серое

Болотный быт бродяг подернут ряской:
Они плывут по жизни, как медузы,
Глядят на мир с тревогой и опаской,
И жизнь им стала тягостней обузы.

Вольготно голодранцам без корней:
Дебош и пьянство – вечная орбита,
Разгулом жизнь не сделать им полней,
И пьяной поступью стезя их в пыль избита.

Дворяне кончились, остались парвеню,
Но им хватает понта и апломба:
Жизнь – череда широких авеню,
А гонор их – взорвавшаяся бомба.

Вожди гордятся серостью идей:
Их замыслы – зловонная геенна,
Сгустились сумерки над гулом площадей,
И эта смесь из тьмы и света гомогенна.

5 Черное

Был венценосец закалён, как сталь,
Не доверял он мягкотелой гнили:
Высоколобые уроды – просто шваль.
Кляли всех неугодных и казнили.

Комедиантам их сердца сковала боль
От их ролей в кровавом водевиле,
Но вот однажды вышел карамболь,
И старые порядки упразднили.

Под ногти иглы не суют, как встарь,
И по щелям попрятались скоты,
Но из подвалов выползает хмарь,
И не закрасить в мыслях черноты.

И новый гнус гнет пальцы, как король,
И черный дым валит из преисподней,
В воротах черти требуют пароль,
И бюрократам дышится свободней.

6 Дистопия

Я думал, что я клятву не нарушу,
Но генералы точат топоры,
И клоуны бестактно лезут в душу,
Они меняют правила игры.

И мне не удалось избежать встречи,
Они читали проповедь с горы –
И их пустые, путанные речи
Вокруг рождали мертвые миры.

Я думал, что тебя я не покину,
Но меркнет правда в блеске мишуры,
И пауки сплетают паутину,
И тают идеалы от жары.

И мне не удалось расправить крылья
И улететь в синеющую даль,
И мутные ветра плевались пылью,
И грызли душу проза и печаль.

7 Форте

Мне целый мир – накрытый стол:
Весны парад и красок буйство,
Весь город пляшет рок-н-ролл –
Победу празднует безумство.

Я снова счастлив, как подросток,
Настрою тонкую струну,
Когда приду на перекресток,
В другую сторону сверну.

Богат любви дивертисмент:
Зовут мечты, в сердцах – пожары,
Рябит в глазах от пестрых лент,
Надеждой полнятся бульвары.

Огни – созвездие жемчужин,
Пылает небо, воздух прян,
Я не пойду на званый ужин,
Я от ночного ритма пьян.

Скитания голиардов

1

О лицах и лицедеях

В потемках не слышны ноктюрны –
Лишь скрип телеги.
Пусть станут врали на котурны
Под плач элегий.

Весь мир бродячие актёры
Рядят в обноски:
То фармазоны, то бретёры,
Вся жизнь – подмостки.

Хоть солнцепек, хоть непогода –
Бредут ваганты,
Начало межевого года
Пробьют куранты.

Пусть разнесется песня гулко,
Не надо басен,
Там, в лабиринтах закоулков,
Спектакль опасен.

Исхожены сюжетов тропы,
Власть хочет форы:
Все самодержцы – мизантропы
И бутафоры.

2 Королевство слепых

Оставьте позади весь пыл и пых,
Задуйте светоч доблести и славы,
Когда слепец ведет вперед слепых,
То на пути – лишь ямы и канавы.

Им чудится повсюду стыд и срам,
И нечисть прёт на них из каждой щели,
Им незачем смотреть по сторонам,
И им не нужен свет в конце тоннеля.

Они на ощупь шарятся впотьмах,
Находят только рытвины и дыры,
И только грязь в заброшенных домах,
Они не ведают, что есть ориентиры.

Они озлоблены, их нервы на пределе,
Нелепо смысл ловить в корявых фразах,
Достичь они мечтают высшей цели –
Найти дорогу в царство одноглазых.

3 Контракт с небесами

Собратья выбрали дорогу –
Кто по подсказке, кто-то сам –
Они тянули руки к Богу,
Они молились небесам.

Кто о прощении, кто о мести,
Тому дай грош, сему богатство,
Один хотел защиты чести,
Другой – лишь выместить злорадство.

Но есть святоши и прелаты,
Они хотят держать бразды –
Молитвы их витиеваты,
Они за веру жаждут мзды.

Подай мне счастье на тарелке,
Чтоб вволю пил и сытно хавал,
Но Бог не заключает сделки –
Для сделок у него есть дьявол.

4

Пламенеющий ангел

Сей ангел, нарисованный огнем,
Отправлен был в бессрочное изгнание,
С тех пор он ждет, когда мы призовем
Его начать небесное восстание.

Он смело возгласил свободу воли,
Предрек, что перемены неизбежны,
Он научил нас не бояться боли,
И стали даже ангелы мятежны.

Распахнуты врата небесных вольниц,
Устали вольнодумцы от догмата,
Не счесть на свете сладкозвучных звонниц,
Но время жаждет грозного набата.

Зажжет он новую зарю огнистой дланью,
И двинет в бой бунтарские когорты,
Они помчат, покорные желанью,
И хлынет пламя из его аорты.

5 Кредо и кредиторы

Скоро Спаситель станет подростком,
Время застряло в зубах бороны,
В смердах досада гудит отголоском,
Худые умы ни на что не годны.

Для килиархов всё очень просто,
Слову и делу все свято верны,
Мечи и кинжалы покрыла короста,
Хиреют войска без азарта войны.

Немая душа вознеслась над погостом,
Уснуло зерно, дожидаясь весны,
Ростовщики умиляются ростом,
Родные просторы кровью красны.

Первосвященник тешится боксом,
Иуда на веру не знает цены,
Анахореты закинулись коксом –
Они в чудеса без ума влюблены.

6 Хождение по мукам

Меня позвал Сатанаил:
Идем мы в ад, смотреть на муки,
Он там расправу учинил,
Там грешники не знают скуки.

Ласкают страстотерпцев вши,
Томятся дачники в темницах,
В молочных реках алкаши
Никак не могут похмелиться.

Заткнули меломану уши,
Стыдливец выкатил глаза,
Хайло порвали у кликуши,
Стал лодырь шустр, как егоза.

Философ – не в своем уме,
Топор подарен доброхоту.
“Вон колокольня на холме,
Найду я дело стихоплету.

Там вместо рифмы скотский бзык,
А твой талант – в помойной яме,
Тебя подвешат за язык,
И будешь ты звенеть мудями.”

7

В исповедальне

Ветер странствий стих,
День глотает мгла,
Книга грез моих –
Инкунабула.

Повесть прошлых лет,
Песнь ушедших дней,
В мире счастья нет –
С высоты видней.

Я с судьбой порвал,
Кровь в висках стучит,
Ждет меня привал –
Бивуак в ночи.

Я границы стер,
Обманул посты,
Разожгу костер
За межой мечты.

За пределом снов,
Где-то там – разлом,
Не хватает слов
Щебетать щеглом.

Ничего не жаль,
Грусть – укус блохи,
Я отдам скрижаль,
Отпусти грехи.

Кляксы Роршаха

1

Мифологема

Где мера – куб,
Там вера – сфера,
Где подлость – пуп,
Дела – афера.

Богач алкает,
Нищий просит,
Собака лает,
Ветер носит.

*История врёт,
Правда жжёт,
Время не ждёт –
Время жрёт.*

Звенит эфир
Так бесподобно,
Где плоть – порфир,
Там мысли – догма.

Словам не больно,
Время – бочка,
Теперь довольно.
Приплыли. Точка.

2 Идеология

Застебало нас
Зло инертное,
Бьет не в бровь, а в глаз
Скука смертная.

Черт на сказки щедр –
Жжет соблазнами:
Из отверстых недр
Прёт миазмами.

Наша жизнь – кавардак,
Околесица:
В голове бардак
Не поместится.

Только стыд, да срам,
Да пожарища:
Ждет Иуда там
Со товарищи.

Прочитает шут
Заклинания,
Нас спасет от пут
Дромомания.

3 Философема

Пусть постники едят кутью,
А я хренею –
Урвал себе галиматью
И ахинею.

Пророки тешились молвой –
Их бортанули,
Свистят вокруг над головой
Шальные пули.

На воле – затхлость и застой:
Простывший ужин,
Проклятье – выстрел холостой,
А я контужен.

Мои владенья – хлюпкий струг,
А ум – в заплатах:
В палате думать недосуг
О постулатах.

В мозгах – раздолье и уют:
Украл идею,
Пусть чахлые микстуры пьют,
А я балдею.

4 Космогония

Куда ведет кривая? И откуда?
Забытые, минувшие дела,
Галактика – как вымытое блюдо,
Вселенная с иголки была.

Светила, в огненной утробе,
Послушны воле параклета.
Туманной холодно амёбе
В разгар космического лета.

Звезд благолепное сиянье
Воруется время, как хапуга,
И, презирая расстояние,
Уносит за пределы круга.

Цветное дней благоуханье,
Протуберанцев пируэты:
Отдашь творцу свое дыханье
И станешь призраком кометы.

Забудешь прошлые желанья,
Отринешь жизни причиндалы –
Бог отберёт воспоминанья
И поместит их в центр мандалы.

5 Семиотика

Посланники глубокого пространства,
Планет обломки, кварки и фотоны
Устали от межзвездного мытарства –
Светил посланья слишком монотонны.

Загадки сфинкса – разума зарницы –
Берут на abordаж мир, как пираты,
Ждут часа жатвы крипты и гробницы,
И в вечность устремились зиккураты,

Союз загробный – тесные объятья:
Нужны синклиту звания и ранги,
Мы в небо шлем молитвы и проклятья –
Нам небо возвращает бумеранги.

Бог кормит нас зерном рациональным,
Святых бросает он на амбразуры,
Себя он красит золотом сусальным,
А на заборах пишет без цензуры.

Чиновники грызутся, как собаки,
А в эмпиреях – вечно тишь да гладь,
Вселенная нам посылает знаки,
И нужно только научиться их читать.

6 Фармакопоя

Чем исцелить израненную душу,
Когда вокруг сумятица и смута?
Нужна любовь – цыплята любят клушу,
Прелаты ждут явления баламута.

Болото жизни полыхает прелью,
Стезя любви исполнена коварства,
Снов череда подобна ожерелью:
Не спрашивай у призраков лекарства.

С разбуженным сознанием нету слада,
По миру катит черная карета –
Умчаться из бунтующего стада
В стерильное сиянье лазарета.

Нужны надежды каждому сословью,
Стремленья оплетает паутина,
Обскурантизм не вылечить любовью,
Убила волю скука карантина.

Хмельную ведьмы стряпают тинктуру
Среди распутства, похоти и чада.
Бог пишет откровений партитуру,
Водя рукой изнеженного чада.

7 Полиморфизм

Под стрехой не воркуют сизари,
Неспешно сон дремотой застит очи,
Фонарщик зажигает фонари –
Светила малые для освещенья ночи.

Ты можешь жить смиренно, как монах,
Иль быть рабом безволия и лени,
Но в мир иной ты проникаешь в снах –
На свет выходят призраки и тени.

В пространстве без заборов и запоров
Ловец сознания расставляет верши –
Ты заплутаешь в дебрях коридоров,
Где повстречаешь сонмище умерших.

Ночь на виденья назначает цены,
Билеты дешевы совсем, до неприличья,
Морфей стремительно меняет мизансцены
И принимает новые обличья.

Ты – в химерической, безумной власти:
Тебя фантомы сделали изгоем.
Повсюду буйные бушуют страсти
В долине сна, оваянной покоем.

Вознесение в ирреальность

1

Всегда на плаву

Конец бездумности и неге –
Дождь хлынул из небесных хлябей,
А Ной уплыл в своем ковчеге –
Ему не надо астроябий.

Напялил святость, как корону,
В унылой водной панораме
Сыны держали оборону,
Пихая тонущих баграми.

Едва лишь схлынула водица,
К горе причалить Ной был рад
И, чтоб свободой насладиться,
Взрастил на склоне виноград.

Хмельной упился старец влагой
И потерял себя в пространстве,
Склонился Хам над бедолагой
И уличил отца он в пьянстве.

Стесняться не пристало Ною,
Он, в лежку пьяный, спит нагой:
Плевать ему на паранойю –
Пусть отдувается другой.

Бог проклял не отца, а сына,
С тех пор в округе гладь и тишь,
Папаша хлещет, как скотина, –
Красиво жить не запретишь.

2 О чем молчал Зороастр

Сажает ветер огненные розы
В саду багряном пламенного принца,
Ему ласкают взор метаморфозы
Огнистых тварей из его зверинца.

Рисуют искры яркие меандры,
Как бабочки, порхают в самом пекле,
Игривые резвятся саламандры,
И феникс вьет гнездо в углях и пепле.

Голодные виверны налетели,
Блюют драконы пламенем и жаром,
И пляшут бесы в огненной метели,
А демоны любят пожаром.

Укутан город дымом, как мехами,
Огонь в домах шныряет, как метла,
Принц с красными танцует петухами,
Чтоб грешный град испепелить дотла.

3 Предвечная зга

На самом дне вселенского колодца,
В узилище бездонной тишины
Искать себя, с безумием бороться,
Забыть, что все ходы предрешены.

Ни проблеска, ни путеводной нити,
Застыло время – не измерить дней,
Одна лишь тьма – в надире и зените,
Не отпускает скопище теней.

Я в темноте – как будто в лабиринте,
И стал покой законом непреложным.
Мечты мои, границы передвиньте
И сделайте желанное возможным.

Разбить оковы вечного завета
И поспешить наперекор судьбе,
И озарить застой фонтаном света,
И сотворить подобного себе.

4

Гештальт

Не геометрией кривых и плоскостей –
А тайной пребывает сокровенной:
Душа не сумма составных частей –
А хрупкое подобие вселенной.

Душевные полеты и орбиты –
Нам не исчислить сложных траекторий:
Секреты мироздания не избыты
Адептами религий и теорий.

Прельщает вечность сладостной нирваной,
Душа нежна, как тоненький росток,
Что может стать, как сад благоуханный,
Или застыть, как каменный цветок.

Развеется субстанция души
Или в веках останется нетленной?
Ты путь её провидеть не спеши –
Мы ничего не знаем о вселенной.

5 Тропы небесные

Распутья – как скрещения мечей,
Наполнен дол космическим дыханьем,
Всё небо соткано из радуг и лучей,
Свет звезд не испугаешь расстояньем.

Всё замерло, как будто ждет ответа,
А птицы песней пробуждают день,
Ласкает листья робкий перст рассвета,
Кипит цветами буйная сирень.

Свои пути прокладывают птицы,
Стрекозы пляшут в океане света,
Лучи зари – небесные ресницы:
Хранит нас день от козней и навета.

Не говори, что сердце охладело,
Что мгла и грязь вокруг, куда ни кинь,
Эфирный тракт уходит за пределы –
В туман опала, перламутр и синь.

6 В недрах

История втиснута в тесные рамки.
Ждут рудокопы несметных сокровищ.
Бедра крутые разнузданной самки:
Измучилась Гея, рожая чудовищ.

Слеплены боги из вечного теста,
Сокрыта их вотчина флером туманов,
Там под вулканом кузня Гефеста –
Кует он мечи для сверженья титанов.

В самой глуби, в казематах Тартара,
Тени блуждают в мозглых темницах:
Души мертвы – им не надо нектара,
Ужас застыл на безжизненных лицах.

Устала Деметра искать Персефону.
Осенние жатвы и вешние воды –
Клики любви уподоблены стону.
Зерно упадет, и появятся всходы.

7 Роза ветров

Эола арфа – ветреные струны –
Вот музыка воздушного пространства.
Куда летит он на ветрах фортуны?
Его душа не знает постоянства.

Покинув остров с расписными теремами,
Улисс отважный получил в подарок
Тугой бурдюк, наполненный штормами,
Влечет голубизна небесных арок.

Плывет корабль под всеми парусами,
Вперед он мчит, не ведая угрозы,
Не спрятаться ему под небесами,
Когда ветра свои рисуют розы.

В свинцовых тучах затаились сильфы,
Протей, безумствуя, играет бурунами,
Пучины пасть – оскаленные рифы,
И морякам не справиться с волнами,

Как бабочка, свои расправит крылья
Психея, принесенная Зефиром,
И боги в небе станут звездной пылью,
Улисс для странников останется кумиром.

Беспробудная цыганщина

1 Идеалы

Мы – будто с одуванчика пушинки:
Несет нас вдаль, за тридевять земель,
Нас ждут мечты, сошедшие с картинки,
Романтика сладка, как карамель.

Ревут сирены, скачут скоморохи –
Дыши свободней, наливай полней.
По кочкам разухабистой эпохи
Несется жизнь в калейдоскопе дней.

Ночлег недолог – в битву спозаранок:
Событий вихрь, водоворот огней,
Любовь проскочим, словно полустанок,
Меняя в спешке загнанных коней.

Мы выдохлись, но мы уже у цели:
Вокруг безлюдье, сумерки и мгла,
Чуть живы мы, но всё же уцелели,
Зачем спешили мы? Куда нас жизнь несла?

2

Зачарованные странники

Чары странствий – как яд,
Мир – просторный чертог,
Устремляем мы взгляд
В бесконечность дорог.

Мир пути оплели –
Лабиринты судьбы:
Мил нам шепот земли,
Трепет вечной борьбы.

Звонок дней перекат,
Ощущенья острые,
Кровоточит закат,
Разжигая костры.

День разбит, как стекло,
Вечер стелет кровать,
Ночь отнимет тепло –
Не успеешь урвать.

Версты лет – кирпичи,
Наша жизнь – карнавал,
Чуть согреют лучи –
Тьма разит наповал.

3 Эскапизм

Клокочут чувства, будто жизнь – премьера,
Хочу, чтобы реальность утонула,
Тоска исчезла в дымке интерьера,
В пучине ресторанного разгула.

Пивной бокал увенчан пенным кантом,
И пот холодный на стекле графина,
Заказан шлягер пьяным музыкантам,
И свечи все в слезах – из парафина.

Цветные брызги, блики, бирюза:
Блуждают взоры в полумраке зала,
Хотят, чтоб им ответили глаза,
И чтобы страсть томила и терзала.

От Бога нам поблажек никаких,
Лишь передышка – пьяное безвластье,
Пасемся мы на пажитях мирских
И ищем одноразовое счастье.

4 Эпифания

Мы не верили в чудо,
Жили мы, как в хлеву,
Я вовек не забуду
Этот сон наяву.

Я заветам не внемлю,
Мне награды – ничто,
К нам спустился на землю
Ангел в рваном пальто.

Может ангел тот пал
Иль отбился от стаи,
Но зажглась, как запал,
Его правда простая.

Разгорелся скандал,
Одолели сомненья,
Он по миру блуждал,
Он искал искупленья.

Он молился творцу,
Был пугливей мимозы,
И текли по лицу
Его пьяные слезы.

Был он только приبلуда,
Жизнь его – лебеда:
Он пришел ниоткуда,
Он ушел в никуда.

5 Коловращение

Здесь долина разлук,
Там гостиница встреч:
Заколдованный круг –
Счастье нам не сберечь.

Оборванцы снуют
По судьбы бездорожью,
В нашем царстве – уют,
Насладимся мы дрожью.

Сонм разбившихся лодок –
Побережье потерь,
Перекресток находок –
В ночь распахнута дверь.

Никогда мудрецы
Не насытятся ложью,
Спрячем в воду концы
И привыкнем к безбожью.

Нет нигде совершенств,
Сердца яростный стук:
Из чертога блаженств
На ристалище мук.

6 Птица судьбы

Дремлет в клетке, под прочным замком,
Перелетная птица судьбы,
Время тащит нас в пропасть силком –
Не спастись от его ворожбы.

Составляют писцы протокол,
Ухарь песню орет новомодную,
Сеет совесть повсюду раскол,
Кормят черти змею подколенную.

Дождь встречает гуляку плевком,
Пьяный ветер считает столбы,
К черту жизнь летит кувырком:
На свободе птица судьбы.

Ночь поставила тьму на прикол,
Утолила тоску прошлогоднюю,
Черти радостно бухнут в колокол –
Отойдет душа в преисподнюю.

7 Фиеста

Нынче праздник огня:
Черти славят беду,
Кандалами звеня,
Мы танцуем в аду.

Только стоны и плач:
Эта песня тоски,
Будто пьяный палач,
Душу рвет на куски.

Машет дьявол в окно,
Шлет фигляров орду,
Нам от страха смешно,
Мы танцуем в аду.

Душит зноем заря,
Наши мысли утлы,
Жизнь растрочена зря,
Закипают котлы.

Нам плевать на погром
И на бед чехарду –
Выпал жребий ребром,
Мы танцуем в аду.

Мы попали в капкан:
Поступь бесов легка,
Пышет жаром вулкан,
Плещет лавой река.

Липнет сажа, как грим,
Чахнут чада в чаду,
Мы в огне не горим,
Мы танцуем в аду.

VII

Литота Тота

Истечения и излияния

1 Фокусник

Слегка скосив в улыбке рот,
Воссев на древе сефирот,
Он рубит под собою сук,
Являя миру ловкость рук.

Вершит дела он взмахом жезла,
Златая мантия облезла,
Пустая речь витиевата:
Мякина, отруби и вата.

Ангажементы и спектакли:
На землю сыплются пентакли,
И липнут денежки к деньгам:
Дележ добычи, шум и гам.

Чтоб слуги не заплыли жиром,
Покончит он с унылым миром,
С проворством подлинной юлы
Достанет меч из-под полы.

Устав от скучных мясорубок,
Поднимет он заздравный кубок,
И потечет нектар рекой –
Нахлынут счастье и покой.

Нельзя впихнуть в абзац устава
Весь свет – от алефа до тава.
Роняет долу Бог слезу:
Что наверху, то и внизу.

2 Вакханка

Извив барокко, стиль ампир,
Шуты в рыдванах:
Безумства нескончаем пир,
И много званых.

Седая мудрость – вещь в себе,
И безучастна,
Не внемлет пагуба мольбе –
Беда всевластна.

Но в пашню брошено зерно,
Зародыш веры,
И всё уже предрешено
В начале эры.

И гонят демоны на суд
Лихих каналов,
Раденья деву не спасут
От вакханалий.

Любое действо – лишь повтор.
Душа кричала.
Безбрежен времени простор,
И нет причала.

3 Шехина

Мерцает свет небытия:
От темноты до озаренья,
Безмолвна неба лития,
Но приближает миг творенья.

Вселенский дух парит, грозя
Осыпать землю звездной пылью.
Любовь – опасная стезя,
Предвечное не сделать былью.

Создатель замер, не дыша,
А демон ослеплен зарницей,
То робко прячется душа,
А то витает горней птицей.

Сознание – у грез в плену,
Свет дня архангелы встречали,
Стекает время в тишину,
И в мир рождаются печали.

4 Айн Соф

Бесформенным и безымянным
Он пребывал под спудом мрака:
Вселенский сумрачный арканум,
Мистерия слепого зрака.

Лишь беспредельность и бескрайность:
Безмолвствуют немые своды –
Пора явить необычайность,
Тьма есть отсутствие свободы.

Его всеведение – корона,
Оплот божественной опеки.
Величие – фундамент трона.
Эфир – невидимые реки.

Вначале было только время,
Но он – потоком эманаций –
Излил космическое семя:
Прообраз всех эякуляций.

5 Иерофант

Я – беспорочная монада,
Бесхитростный служитель культа:
Нет воскресенья, и не надо,
Есть возродений катапульта.

Снискать призванье мистагога
Способен лишь бесстрастный гений,
Талан – тернистая дорога:
Стезя раздумий и борений.

Искра святого откровенья –
Итог пассивных созерцаний:
Все прорицанья и знаменья
Сложились в сумму отрицаний.

Клубок запутанных религий –
Парад изношенных сентенций,
Но в нашей низшей, тварной лиге
Нам не прожить без квинтэссенций.

6

Неофит на перекрестке

Тот, кто Богу угоден,
Смиренно влачит оковы,
А тот, кто от пут свободен,
Мечется бестолково.

Не надо стремиться к знанию:
Счастье – удел невежд,
Святость ведет к увяданию
Всех помыслов и надежд.

Свернуть на аллею распутства,
Упиться ли страстью тупой,
Изведать ли тонкие чувства,
Бредя чуть заметной тропой?

Не надо кичиться мукой:
Страдания – проблема роста,
Между тоской и скукой
Выбор сделать не просто.

Забвение хлынет потоком,
Память уйдет на покой:
Меж святостью и пороком
Там разницы нет никакой.

7 Колесничий

Сфинкс огненный и сфинкс угольный –
Вот два коня,
Они, меж радостью и болью,
Влекут меня.

Курсирую меж тьмой и светом:
То ночь, то день,
То молнией, то силуэтом,
То блеск, то тень.

Я тьмы не ведал до паденья,
До мятежа,
Мои благие устремленья
Разъела ржа.

Я был низвергнут из зенита
В густой закат,
Где мгла безбрежная разлита,
И лжи каскад.

Я возношусь в свет эмпирея,
Сигаю вниз:
Вот ангельская галерея,
Вод адский фриз.

Несет огонь моя десница
Из вышних сфер,
Я – тьмы возвестник, я – денница,
Я – Люцифер.

Атрибуты вседержителя

1

Справедливость

Не слышно больше гомона толпы,
Остались позади гламур и помпа —
Бродяги нищие и общества столпы
Равны пред взором психопомпа.

Все слёзы — только мишура:
Раскаянье не искупленье,
Быть легче птичьего пера —
Весы раскроют преступленье.

Здесь лиходеев не спасут
Чины, посулы и апроши,
Узнают, что такое суд,
Все лицемеры и святоши.

Их сущность гниlostней проказы,
Их совесть — мерзкая клоака:
Им в царство мёртвых путь заказан —
Пожрет их души демон мрака.

2 Бессрочное уединение

Я – как смиренный ангел запустенья,
Печаль безмолвия – моя отрада,
И наслаждаюсь я тоской забвенья
Вдали от шумного людского стада.

На сделку каждый там идти готов,
Тщеславие их помыслы тасует,
И служат прихотям они не душ, а ртов –
Кишат и копошатся черви всеу.

Лелеять искру знаний и харизму,
Быть изъясненьем разума и воли,
Мир видеть сквозь магическую призму,
Забыть суетности диезы и бемоли.

Дерзать и мудрствовать пока мы не умрём:
Ищи внутри себя на всё ответа,
Стою в пустыне с тусклым фонарём –
Нет блеска ярче внутреннего света.

3 Непостоянство

Вращает время колесо фортуны,
И жизнь – рулетка,
Звонят надежд серебряные струны –
Пляши, субретка.

Затишья зимние, весенние атаки:
Мечта – лилея,
Горят в лугах расплеснутые маки,
Любовь лелея.

А вы почти на трансцендентной грани,
Почти в зените:
Любовь взорвется в предрассветной рани,
И вы сгорите.

Свобода мнима, счастье – вне закона,
Печаль полезна,
Но вы уже на кромке небосклона,
А дальше – бездна.

Цари, шуты, купцы и голытьба:
Всё – на излете,
Всё, что посеяла для вас судьба,
Теперь пожнете.

Покличь удачу, вздорную подругу,
Жми на пределе,
Несется снова карусель по кругу,
Вы – не при деле.

4 Средоточие силы

Дела не свершаются споро,
Чахнут мечты в суете –
Силе нужна опора,
Сила мертва в пустоте.

Власть порождает рабство,
Немощь несет нищету,
Анархия вовсе не братство,
Алчность стоит на посту.

Принцип щедрот и пыток –
Сеять хвалу и посулы,
Пыточный мастер прыток –
От боли сведет всем скулы.

Сила споткнется о силу,
Всё полетит кувырком –
Всесильных отправят в могилу
Яростью и штыком.

Империю ждет обветшанье,
Скука вступает в права,
Власти нужно послушанье,
Власть в пустоте мертва.

5 Квиетизм

Не найден я и не потерян,
Ни жив, ни мертв:
Душа немеет, как тетеря,
И разум черств.

Судьба – от мира отрешенность,
Сомнений рать,
В глазах – тоска и обреченность:
Терпеть и ждать.

Заветом связан я злосчастливым,
Теперь и впредь, –
Быть непричастным и безучастным,
Лишь лицезреть.

Рельефы из бугров и впадин,
Дум этажи:
Я не потерян и не найден,
Ни мертв, ни жив.

6 Летальность

Во вселенной не жди постоянства –
Дразги сплошь.
Мы купаемся в реках чванства:
Личность – вошь.

Гниды молятся богу бумажному,
Мир смердит.
При рождении вручают каждому
Смерть в кредит.

Мыслят гении, как каракатицы, –
Скрипят умы.
Наши годы под гору катятся –
Живем займы.

Смерть витает в пустых коридорах,
В тоске больниц.
Смерть таится в безумных взорах,
В глазах бойниц.

7

Достижение равновесия

Кровь клокочет в висках,
Я – твой личный каприз,
Ты паришь в облаках,
А я падаю вниз.

Скорбь сияет, как благодать,
На святых образах,
Уравняй свою радость
Слезами в глазах.

На душе – гладь и тишь,
В сердце ноют проклятья,
Ты безмерно грустишь,
Попадая в объятья.

Я в бреду – ну и пусть –
Подойди к изголовью,
Я безумную грусть
Уравняю любовью.

Ты близка, как ладонь,
А я снова далек,
Ты летишь на огонь,
Будто мой мотылек.

Плата нам – миражи:
Мы дороже не стоим,
Мы в конце нашу жизнь
Уравняем покоем.

Божий промысел

1

Большее из зол

Кущи райские не муравейник,
А дивный сад,
Змей лукавый, большой затейник,
Заблудшим рад.

Искуситель плеснет вам грога
В срамной потир –
Есть у черта своя дорога
И в пир, и в мир.

Наслаждаться грызней собачей –
Не предел:
Сатана – виртуозный стряпчий
Охальных дел.

Блуд и подлость, обман и лихо:
Ассортимент,
Жди, когда в воздухе станет тихо,
Лови момент.

К любому сердцу найдет отмычку
Властитель дум,
Он устроит смертельную стычку,
Кровавый бум.

Кто приبلудный, кто по контракту:
Душа – пятак,
Бесовская армия, по торному тракту,
Шагает в такт.

2 Деградация богадельни

Кто безгрешен, а кто безбеден,
Кто беспечен, а кто озабочен,
Мефистофель не служит обеден,
У тирана платеж просрочен.

Проходимец боится огласки,
Повелители пьют беспробудно,
Куртизанки зачахли от ласки,
Саваоф испражняется в судно.

Подражатель живет по подсказке,
У красотки – повадки кукушки,
Миротворцы напялили каски,
Сутенеры – опять у кормушки.

Сыт блаженный похлебкой вчерашней,
Соня спит, кормчий держит весло,
Кто – на башне, а кто-то – под башней,
У кого-то башню снесло.

3 К звезде

Мы мчим вперед по млечному пути,
Нас звезды поят звездным молоком,
Нам за пределы неба не пройти,
Но все же мы надеемся, тайком.

Ночное небо в звездной филигрании –
Поэтика астрального убранства,
Мы все – кто на излете, кто на грани –
Минускулы бездонного пространства.

Метаться поздно – сумерки уже,
В чертогах неба пред звездой явись –
Не боги снизойдут к твоей душе,
Душа сама должна стремиться ввысь.

У ритуала ночи нет пока названия:
День завершится тонным менуэтом,
Исполнятся мечты и упования,
Сознание взорвется звездным светом.

4 Лунность чувств

Увязли звезды в мутной снежной тине –
Тревожный признак,
Луна запуталась во мглистой паутине,
Как бледный призрак.

Ты бережешь мечтания и чувства,
Души ранимость,
Но жизнь – игра ума и безрассудства,
Сплошная мнимость.

Всё в поднебесье облачно и зыбко,
Путь не отмечен,
Еще трепещет робкая улыбка,
Но ты не вечен.

Луна на нас взирает, как колдунья:
Мир – под конвоем,
Упьется ночь лучами полнолуния,
И захлебнутся волки воем.

5

Теория солнечных затмений

Прочитан день почти до середины,
Как выстоять перед палящим зноем?
Вчерашний сон, истории седины,
И мельтешат мгновенья пьяным роем.

Готов букет секретных комбинаций,
Летят слова – поэзия крылата,
Являет солнце бездну трансмутаций –
Алхимия, с восхода до заката.

Поманит мудрость камнем философским,
Пронзится тьма сиянием лучей,
И встретит пекло пламенем бесовским,
Где сатана – их главный казначей.

Мечтает метафизик о триумфе,
Но для свершений не хватает глянца,
Очутится душа в геенском зумпфе,
Слизнет печаль язык протуберанца.

Последний час тревожно бьют куранты,
Сознание сомненья запретило,
Вся жизнь рассыплется на атомы и кванты,
И лев пожрет багровое светило.

6 День гнева

На гусях шпилили гуслисты,
И плыл протяжный плач трубы.
Святоши корчились, как глисты,
И стали ангелы грубы.

Забыты домыслы и клятвы,
Уже отверзлись все гробы.
Когда пришло время жатвы,
Сдались клеветы без борьбы.

Подписан перечень секвестра,
Долой медлительность улиток!
Под звуки судного оркестра
Уже скаталось небо в свиток.

В кредит распроданы святыни.
Уснули судьи и предтечи.
Рай пышет горечью полыни.
Окончен бал. Погасли свечи.

7

Вселенная – это я

Раздвоенный язык творца,
Блеск чешуи:
Мир появился из яйца –
Яйца змеи.

Мир есть космическая грёза,
Зыбучий сон,
Но только грезится не роза –
Иной канон.

Змеится времени волюта
Тропою краха:
Мы все во власти абсолюта –
Мы тоньше праха.

Бездонное зеркало ночи:
Мы – отраженья,
Отверзет спящий демон очи –
Аффект вторженья.

Проглотит бездна солнца таз:
Триумф жнеи,
И души захлестнет экстаз –
Экстаз змеи.

Взгляни на малых сих

1

Алхимик

Читая книгу ветхого завета,
Стремился я познать закон творенья,
Я отделить пытался тьму от света
И вызволить все тайны из забвенья.

Весь мир стал черным в стадии нигредо:
Вся жизнь во власти тлена и гниенья,
Свет душит сажа нулевым альбеде –
Ростки надежд переживут гоненья.

Любовь взойдет, как радужная блеска,
Единственной звездой на небосклоне,
Прольет свеча свою слезу из воска,
Взовьется феникс в огненной погоне.

Властитель тьмы сиянья не погубит,
Свет ринется на землю, зло круша,
Тогда в небесном перегонном кубе
Очистится от примесей душа.

2 Послушница

Она – еще почти отроковица –
Росла в тиши, как сельные цветы,
И рядом Бог, а, может, только мнится,
Но в горний свет зовут её мечты.

Глаза её так призрачно чисты,
Как будто пьешь колодезную воду,
Она цветет вдали от суеты,
И ясен лик в любую непогоду.

Гнёт ожиданья – вере не помеха,
А на пути – то радость, то невзгоды,
Но где-то там – во времени прореха,
И в эту брешь проскальзывают годы.

Пусть сладость веры станет воскресеньем –
Светла и неоглядна божья милость,
Она брела по пажитям весенним,
Шел следом Бог, а, может, только мнилось.

3 Царица

Вода – слеза, в слезе звезда резвится,
Ночные тени замерли в поклоне,
Как крылья бабочки, дрожат ее ресницы,
Алмазный анх сияет на ладони.

Царица ждет, а вечность – где-то рядом,
Река любви и море обаянья,
Всех непокорных убивая взглядом,
Она найдет дорогу в подсознание.

Весь мир звенит натянутой струной:
Сады земные, звездные уголья,
Ночь осветив опаловой луной,
Она откроет тайну плодородья.

Любовью мгла изорвана в клочки,
А сны пестры, как скатерти из ситца,
Полночной радугой сверкают светлячки,
В небесном поле счастье колосится.

4 Тиран

Ходульные строчите дифирамбы,
Мои холопы – общества столпы,
Поток восторга – прорванные дамбы:
Безумно ликование толпы.

Ползет толпа бесформенной амебой,
Муляж культуры – сладкое повидло,
Тупая пропаганда пышет злобой,
Но жвачной массе радуется быдло.

Не надо пряников – у власти есть нагайки,
Ростки свободы уничтожим в корне,
Вассалы пусть закручивают гайки –
Чем больше плача, тем рабы покорней.

Пусть корчатся плебеи в униженьях,
И музыка гремит на всех углах –
Собою я любуюсь в отраженьях,
Себя я созерцаю в зеркалах.

5 Схимник

Завязан на надеждах узелок,
И струны сердца скорбно замолчали.
Точильщики, возьмите оселок
И отточите все мои печали.

Умерщвлены желанья и соблазны,
Остыли чувства, не бунтует плоть,
Все думы устремленьям сообразны –
От синевы до края бездны, вплоть.

Сгущает вечер сумрак, не спеша,
Ночь струи темноты вливает в келью –
Противится продрогшая душа,
А бесы несказанно рады зелью.

Не сыплют ангелы на землю калачи,
Русалки слух не улаждают пеньем.
Секиры поднимите, палачи,
И отрубите головы сомненьям.

6 Влюбленные

Мы не верили в были,
Предаваясь веселью,
Мы реальность делили
Между злом и постелью.

Слушай, песню спою
Про разлуку и нежность...
Впереди неизбежность,
Так ли было в раю?

Мы рассветы встречали,
Целовали пороги,
От любви до печали
Мы прошли все дороги.

Слушай песню мою
Про ушедшее счастье...
То тоска, то безвластье,
Так ли было в раю?

Думы сводят с ума –
Эта ночь беспросветна,
Впереди жуть и тьма –
Там любовь безответна.

7 Фурман

За прегрешенья хворь воздаст сторицей,
Вокруг – разлив чумного половодья,
У черной смерти в услужении возницей:
Он хмур и сед, в руках его поводья.

Окутан город болью зачумленной,
Насельники беспомощны, как дети,
А смерть глядит на них костлявой бонной
И ловит их в свои чумные сети.

Бессильны все заставы и препоны:
Чума и смерть слынут лихим союзом,
Нальются гнойной спелостью бубоны –
Тела в телегу лягут мертвым грузом.

Сжигают близкие заразные пожитки:
Огонь и дым – как будто пляшут черти,
Сирот и вдов останется в избытке.
А он один – наместник черной смерти.

Прихоти

1

Злопамятность

Бог знает в наказаньях смысл и толк,
Уверен он, что сеет справедливость,
Он хочет сделать всех послушными, как шелк,
Чтоб к нам он не испытывал гадливость.

Грозит народам он и городам,
И нагло выдвигает всем условия,
Отмщение мне, и я тогда воздам —
Его извечное, любимое присловье.

Отмстит ревнитель за дела отцов
Всем отпрыскам, до третьего колена,
Но поощряет лживых подлецов
За то, что в верности клялись самозабвенно.

Бог знает толк в погромах и облавах,
Он впереди и не сдает позиций,
Он — эталон для деспотов кровавых,
Кумир для всех священных инквизиций.

2 Затворничество

Я оборвал с толпой связующую нить,
Чтоб мир постичь в тиши уединенья,
Но шлет мне дьявол, чтобы ум смутить,
Тревожные и дикие виденья.

Возлег козел на яхонтовом ложе,
Вокруг беснуются юницы и эфебы,
А извращенцы лезут вон из кожи,
Чтоб утолить запретные потребности.

Нам не избегнуть роковой планиды,
И греховодников от страсти развезло,
Пороки к душам лепятся, как гниды,
Чтоб мировое вылупилось зло.

И расплодились гады и мокрицы,
Осталась добродетель вне закона,
Вокруг нагие разлеглись девицы
И похотливо выпятили лона.

Но я успел блудниц перекрестить –
Все лежа тут же сделались гробами.
Чтобы бесовские напасти укротить,
Я пробавляюсь медом и грибами.

3 Музыка шанса

Сегодня выше, а завтра ниже:
Куда идем мы? Что нами движет?

Кураж и гонор, апломб и спесь –
А послезавтра ты вышел весь.

Вокруг нас море догматов мнимых:
К чему влечет нас, судьбой гонимых?

Вчера голодный, богат теперь я –
Идут вороне павлиньи перья.

Зловещий символ, благая руна:
Куда нас тащит опять фортуна?

У Бога много есть всякой мрази –
И прут холопы из грязи в князи.

Вот снова падаль – везет шакалам:
Фарт был отмерян каким лекалом?

Варнак был дерзок – ему удача,
Он рассмеется в долине плача.

Сегодня нищий и завтра тоже:
Кто нами правит, сумнясь ничтоже?

4 Властолюбие

Не станет Бог гнушаться властью –
Ползут к нему его рабы,
Он страшно рад подобострастью –
Ему ласкают слух мольбы.

Но есть еще один властитель –
Прельщает он плодами зла:
Такой изящный искуситель,
Но так черны его дела.

Еще земные есть тираны –
У них отточены ножи –
Персты влагают в наши раны,
Чтоб не казалась медом жизнь.

Мы – между святостью и скверной,
Но нужен нам ответ простой,
Шагаем поступью неверной:
Кто сам бредет, кто под пятой.

Они нас всех сведут в могилу,
А добрых дел – наперечет,
Кому-то власть дарует силу,
Кому-то сила власть дает.

5 Неприкаянность

Поветрие не станет сутью:
То напрямик, то виражи,
То тупики, то перепутья –
Вот так проходит наша жизнь.

Актеры выползли на сцену:
То темнота, то витражи,
Плати назначенную цену –
Вот так проходит наша жизнь.

Разболтанность – простая штука:
То тишина, то кутежи,
То безмятежность, то докука –
Вот так проходит наша жизнь.

Нас стережет лихая доля:
Шлёт то объедки, то коржи,
Кисмет – то воля, то неволя –
Вот так проходит наша жизнь.

Боль – то охапкой, то щепотью:
То звон в ушах, то миражи,
Судьба изодрана в лохмотья –
Вот так проходит наша жизнь.

6 Обреченность

Вселенная злодеев и воров,
Вместилище тоски и суеты:
Живем мы в самом темном из миров,
На самом дне вселенской темноты.

Твердили нам о верности и вере,
Нас звали в бой с ордою темных сил,
Нам обещали благо в высшей сфере,
Но сёк нас град, и дождик моросил.

Вселенная загадок и шарад,
Вместилище желаний и стремлений:
Наш вешний мир – как дивный вертоград,
Но это сад страданий и мучений.

Мы знаем, что на смерть осуждены,
Но мы неукротимы и упрямы,
Тьма веет стужей с каждой стороны,
Но мы стремимся вырваться из ямы.

7

Ни много, ни мало

Брось авантюры и дела лихие,
Не вздумай низко кланяться удаче,
Соленый ветер – не твоя стихия,
В свободном мире надо жить иначе.

Ты не несись быстрее паровоза,
Но оставляй отставших позади,
Тупая праздность – разуму угроза,
Поблажек от судьбы своей не жди.

Когда глупцы командуют: “По коням”,
Не надо жажду крови утолять,
Ты просто будь умнее и спокойней,
Чтоб не пришлось на зеркало пенять.

Не надо рваться дрейфовать на льдине,
И пусть другие ищут брод в огне,
Старайся быть всегда посередине –
И жизнь твоя поднимется в цене.

Бродяжничество тела и духа

1 Панургия

Величием сияли мнимым
Ухмылки на лукавых ликах,
Сам дьявол был их побратимом –
Он заправлял в церковных кликах.

В суть не проникнуть даже зрячим –
Клубилась мга до поднебесья,
Но дьявол был отменным стряпчим:
Душа черна, а морда – песья.

Тонули дни в кошмаре мгlistом,
В умах караули рисуя, –
Там дьявол был евангелистом,
Глаголя имя Бога всеу.

Не стала мудрость им уроком,
Они блуждали в дебрях ночи,
И дьявол слыл у них пророком –
Он царство божье им пророчил.

2 Сокрушение гордыни

Вот столпник на своем столпе —
Само смирение,
Себя он выставил толпе
На обозренье.

Омыв свой лик слезой скупой,
Презрев святыни,
Себя вознес он над толпой,
Как знак гордыни.

И он взирал на род людской,
Как мразь и слякоть,
Творцу, от мерзости такой,
Хотелось плакать.

Взъярившись, молния блистала
В раскатах бури,
Хлюст был низвергнут с пьедестала
Под вопли фурий.

3 Призрачность бытия

Костер тщеты, амбиций кутерьма,
Глупцы, слепцы, начальники и воры:
Весь этот мир – огромная тюрьма,
И в ней мы – лишь кривляки и актеры.

Существовать? А может лучше нет?
Мне даже Бог на то не даст ответ.

Веселые настали времена –
Мы мечемся, мы лишены опоры,
Смерть в пашню щедро сыплет семена,
Безумие повсюду сеет споры.

Сойди с ума, и ты узнаешь сам
Все то, что и не снилось небесам.

Замкнуться в сумраке своих бесплодных дум,
И рушить царства там, и двигать горы,
Иль просто слушать мыслей глупый шум –
Судьба уродлива, как корень мандрагоры.

Существовать? А может лучше нет?
И то, и то – сплошной безумный бред.

Путь на Голгофу тягостен и горек,
Все позади – и свары, и раздоры.
Смерть навсегда. Прощай, мой бедный Йорик,
Пусть ангелы исполнят приговоры.

4

Фимиам самообмана

Луна в ручье свои лучи купала –
Как будто это плещутся русалки –
Путь серебрил молочный свет опала,
Я тайно проникал в шатер гадалки.

Какая мне сегодня ляжет карта?
Тоскою неизбывной ночь полна,
Душа трепещет от тревоги и азарта –
Последней картой выпала Луна.

В экстазе демоны от запаха сирени,
Ночные нимфы отдались забаве,
Реальность соткана из света звезд и тени,
Сознание – филигрань из сна и яви.

Весь этот мир – игра воображенья:
В ручье купаются беспечные русалки,
Меня пьянил нектар обвороженья –
Луна со мной всю ночь играла в салки.

5

Тайный и явный свет

Мой грозный бог – полуденное солнце,
И я родился из его слезы,
Лучи златые – света волоконца,
И мудрости усвоены азы.

Рассвета ждет широкая долина,
И дремлет утомленная река,
Укрыла их тумана пелерина,
И ночь здесь благодатна и легка.

Мой страж небесный суши и воды,
Вселенной нерушимое звено:
Он наполняет спелостью плоды
И будит он уснувшее зерно.

Полна надежды разума кювета,
И мыслей искры тоже хороши:
Я в гобелены солнечного света
Вплетаю тайный свет своей души.

6 Судимы будете

Сознание, воспаленное как гланды,
Рождает бесподобные виденья,
Пророчества – основа пропаганды,
А в трибунале жаждут продолженья.

Спускает Бог гешефт на тормозах
По воле рока, голытьбы и знати,
И блеет агнец о семи глазах,
Снимая с тайн последние печати.

Снуют святые, вылупив глазища,
На сборище архангелов упертых:
Сплошной бардак на этом толковище –
Они судить желают даже мертвых.

Небесный свет распродан на торгах –
Светило брезжит тускло, без накала,
Ликует агнец о семи рогах –
Он огласит решение трибунала.

7 Эгоцентризм

Надменный кесарь, не гони волну:
Ты не кремь, мир не кресало,
И всё не так, как было в старину,
Когда небесное влекло и ужасало.

Священники стирают стихари,
Мгновенья ловит ветреный повеса,
Школяр грызет учений сухари,
Скрывает сущность мутная завеса.

Земная, непристойная юдоль:
Там верховодят пенис и вагина,
Секс перепахан поперек и вдоль,
Духовный мир – владенья андрогина.

Нет, мы не соль, а ты не пуп земли,
Пусть прячутся величия химеры –
Не надо жечь чужие корабли,
И не нужны вселенной Робеспьеры.

Le fou

1 Над обрывом

Для глупца весь белый свет –
Монастырь.
Нерушимый мой завет –
Острый штырь.

Мне в тумане серп луны –
Как фитиль.
Тени – злые колдуны:
Ветхий стиль.

Миф, поведанный в молве,
Сдан в утиль.
В непокорной голове –
Мертвый штиль.

Думы пошлые невежд –
Мой мундир.
Я – потерянных надежд
Командир.

Я – свирепый вепрь войны.
Я – волдырь.
Я – слепого сатаны
Поводырь.

2 Поприще

Легко слыть круглым дураком,
Но не престижно –
Все метят наградить пинком,
Срамят облыжно.

Цари живут не просто так:
Кто плут, кто грешник,
Надел я шутовской колпак,
Я – их потешник.

Готов я тешить всех подряд,
Плясать с глупцами –
Ношу я нищенский наряд,
Но с бубенцами.

Когда в империях разлад,
Я – их лекарство:
Смешное слово – просто клад
На раны царства.

Ужимкам рады играца
Все дамы свиты,
Рабы монаршего венца
И фавориты.

Мой музыкальный инструмент –
Свисток из глины:
Мне сладок мой ангажемент,
Как пуд малины.

3 Посох покажет дорогу

Не надо лезть в калашный ряд
С корявым рылом:
В такой оденут там наряд –
Не смоешь мылом.

Не гош я для святого лика –
Не вышел рожей,
И я скитаюсь, как калика,
Пшют перехожий.

Не нужно мне тащить поклажу,
Жить лебезя,
Тот путь, что посох мне укажет, –
Моя стезя.

Монахи в кельях – как в гробнице,
Там им покой,
А я бреду, без власяницы,
Стуча клюкой.

Я не полезу в катакомбы,
Я, с жопой голой,
Словесные швыряю бомбы,
Круша крамолой.

4

Неупиваемая чаша

Избегнуть страсти не ищи предлога,
Легла на сердце боль червонной мастью,
Стезя любви – как торная дорога,
Но не всегда она приводит к счастью.

Когда листвою вёсны шелестели,
Сердца пленяли розовые губки.
Бушуют в мире страстные метели,
И наполняют пламенные кубки.

Под стоны флейты и рыдания лиры
Течет в уста живительная влага.
Ликует купидоны и сатиры –
Они глупцам желают только блага.

И вертопрахи и изнеженные девы
К губам несут наполненные чарки,
Готовы петь хвалебные напевы,
Чтоб получить от жизни контрамарки.

Вздымая чувства из зеркальной глубины,
Шут постигает тайны жития,
Кто пьет захлеб, а кто-то чуть пригубит –
Бездонна эта чаша бытия.

5 Таланты и сикли

Святитель открестился от петиций.
Раскольники попрятались в берлогу.
Продажный идол алчет инвестиций.
Короткий ум – цена по каталогу.

Магнат подпольный деньги греб лопатой
И всех пленял он аурой жуира,
Чиновник ограничился растратой –
Он окружен заботой конвоира.

Вожди ушли – остались силуэты,
И пусть державы славятся долгами,
По миру разбредаются поэты –
И стелятся дороги под ногами.

Родник надежды – жиденьякая юшка:
Пущусь я в путь погожим вечером –
Горбушка хлеба, табаку понюшка –
Пойдет глупец по свету с узелком.

Не ведают сомнений звездочеты,
Дивясь на небеса в свои люнеты,
Профаны попадают в переплеты –
Чеканит Бог фальшивые монеты.

6 Не мир, но меч

Я надел шелом,
Лапти с латами:
Дуракам – облом
Быть крылатыми.

Небосвод рябой
Сыплет блестками,
Я спешу на бой
Перелесками.

Мы разлад куем,
Жизнь – прогалина,
На мече моем –
Сплошь окалина.

Хоть слабы стрельцы,
Но противник – шваль,
В бой идут скопцы –
Заржавела сталь.

Пусть воюет рать
Каламбурами,
Надо пленных брать
Сизо-бурыми.

7 **Deus ex machina**

Спектакля смысл не уяснить:
Сюжет – рутина.
Повествованья рвется нить,
Как паутина.

Менять не успевает маски
Безумный хор.
Фонтаном бутафорской краски –
Из ран ихор.

Буффоны наглые, в запале,
Стреляют в спины,
И не поможет нам в финале
Бог из машины.

Хохочет трагик, хнычет гаер
В объятьях зла,
И дева пьяная рыгает
Под песнь козла.

Фигляры молятся идее
В вульгарном фарсе,
Но ни зевак, ни лицедеев
Не ждет катарсис.

Мораль стара. Ничто не ново.
Тернов венец.
В конце осталось только Слово:
Оно – Конец.

Содержание

I	Иерихонская музыка	3
II	Хроническая эхолалия	58
III	Стадия нигредо	113
IV	Корабль мудаков	176
V	Китч божий	229
VI	Полуправда в предпоследней инстанции	282
VII	Литота Тота	332